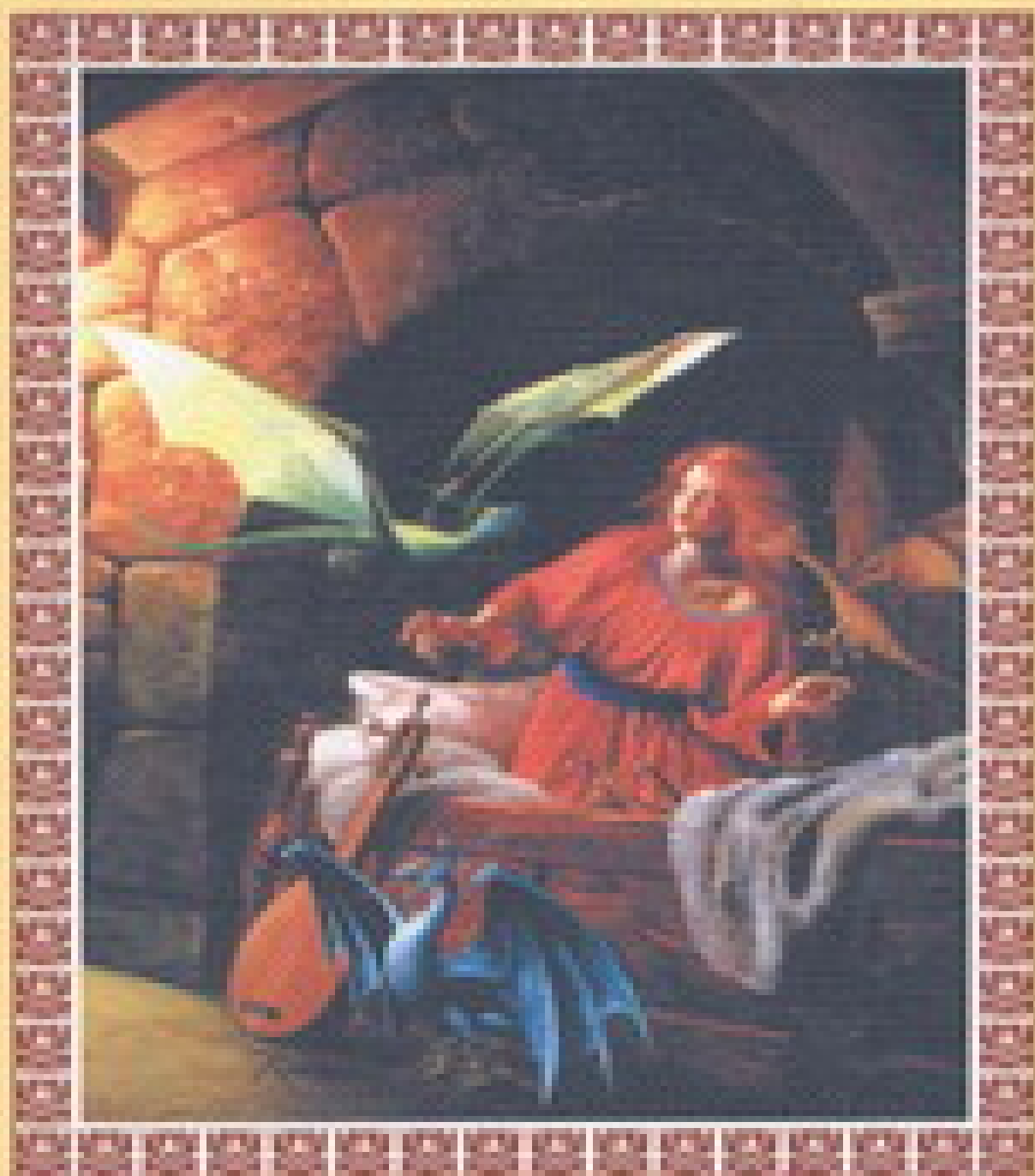

Тэнис ЛИ

ВЛАДЫКА И ЖОЗЫ

•Сага о Плоской Земле•

Танит Ли

Владыка Иллюзий

Пролог

БАШНЯ БАХЛУ

В лиге от украшенных мозаикой городских стен, там, где пустыня сверкала, словно золотое зеркало, в каменной башне сидела прекрасная женщина и играла костью.

— Придет ли он ко мне сегодня? — спрашивала она у кости, качая ее на руках, как дитя. — Или будет искать меня ночью, сверкая ярче небесных звезд? Конечно, он не осмелится прийти днем, чтобы не затмить собой солнце. А то солнце умрет со стыда, и весь мир останется без света. Но он придет, Нейур, мой повелитель.

Красавицу звали Язрет, а Нейур правил городом, видневшимся в лиге к востоку. Раньше он был ее мужем, теперь — нет.

Когда день начал отступать, закутываясь в свой плащ и безмолвно выскальзывая из пустыни, Язрет позвала прислужниц. Теперь их осталось только две — старуха и совсем еще юная девушка. Обе жалели Язрет. Но красавица не замечала ни их самих, ни их отвращения, скрывающегося за жалостью. Внизу у двери на страже стояли смуглые охранники, вооруженные мечами и секирами, чтобы отвести опасность, а может, не выпустить ее наружу.

Башню окружали пальмы с бронзово-зелеными листьями, а рядом голубел, как клочок упавшего неба, небольшой пруд.

На закате девушка спустилась к пруду и принесла своей хозяйке воду для купания. Язрет приняла ванну, была надушена и умащена. Старая прислужница расчесала ее волосы цвета пустыни и украсила их по указанию хозяйки драгоценными камнями. На Язрет надели шелковое платье, обули ее в золотистые туфли. Все это время Язрет крепко прижимала к себе кость. И для этого имела веская причина — это была кость ее ребенка.

— Приготовьте угощение, — приказала Язрет. — Скоро прибудет мой повелитель Нейур.

Прислужницы с готовностью повиновались. Они застелили столы вышитыми скатертями, устали их серебряными блюдами с приготовленными кушаньями, хлебом, фруктами и сладостями. Серебряные кубки со льдом наполнили вином.

— Играйте музыку, — сказала Язрет. Девушка тронула струны, и полились чистые хрустальные звуки.

Язрет наклонилась к окну. Она любовалась городом, раскинувшимся в пустыне в миле от башни, на темнеющих склонах холмов.

Наверху засверкали звезды. Язрет наблюдала за сверкающими огнями. Ей казалось, что это движется из города Шев процессия с лампами и фонарями.

— Скоро он вернется ко мне, — сказала она кости своего умершего ребенка. — У него сила солнца, волосы цвета бронзы и глаза словно звезды. Он ляжет рядом со мной, и его губы станут вином, а чресла — огнем. А я буду инструментом, на котором он сыграет. И я отдамся этой музыке. Я опять вырасту тобой, мое дитя, ты родишься вновь.

Но если кость и слышала ее, то не обращала внимания.

Если ночь и внимала ей, то не отвечала.

И если король Нейур, сидевший во дворце со своей новой королевой, и слышал ее, то затыкал уши.

В полночь Язрет заплакала. Она отбросила кость в угол и начала рвать на себе одежды и волосы.

Прибежали обе прислужницы, чтобы сдержать ее. Язрет так ослабла, что старуха и хрупкая девушка смогли с нею справиться. Кроме того, у них уже был опыт: ведь это повторялось каждую ночь.

И каждую ночь Язрет плакала. Она заливалась слезами и только перед рассветом засыпала. А проснувшись, звала своего ребенка. Каждое утро девушка приносила ей кость. Язрет баюкала кость, прижимая ее к груди.

Когда вставало солнце, Язрет снова спрашивала у кости: «Придет он сегодня днем? Будет ли искать меня ночью?»

Но Нейур никогда не приходил к ней.

В шестнадцать лет Язрет была с ним обвенчана. До этого она жила в королевстве, где было изобилие воды: реки, озера, водопады, фонтаны. Зеленые холмы окружали зеленые долины, небеса нависали над мозаикой зеленой листвы. Узнав, что ей придется уехать из этой зеленой бархатной земли в страну необработанного янтаря, Язрет заплакала. Ее слезы лились и лились — и капали, и капали, и капали... Несчастная и испуганная девушка долго смотрела на зеленый мир, который ей предстояло покинуть. А затем покорно пошла к будущему мужу. Когда нежными сильными пальцами он откинул вуаль с ее лица, ей показалось, что солнце сияет совсем рядом. Медленно она подняла глаза и увидела, что солнце это — Нейур. Это новое солнце улыбкой осушило ее слезы.

Прекрасный Нейур напоминал молодого льва. Его волосы ярко блестели, как металлическая стружка, в его глазах сверкал бледно-голубой воздух пустыни. Нейур улыбнулся, когда увидел свою невесту. Она очаровала его своей красотой. Нейур хотел ей понравиться, да и сама Язрет теперь мечтала о том же.

Она ехала в Шев в экипаже, под звон серебряных дисков. Ее волосы ниспадали волнами, а глаза вместо слез теперь наполняла любовь. Она была княжной водопадов. Во дворце, за дверями спальни, Нейур приучил ее к другой стране, где смешались огонь и вода.

Вскоре Язрет уже ждала ребенка. Нейур подарил ее драгоценностями, золотыми бусами, серебряными зеркалами, сапфировыми браслетами, жемчужными подвесками. Он создал для нее сад среди пустыни, где лотосы в мелководных прудах напоминали лебедей. Он прислал ей шкуру льва, которого убил сам, чтобы жена завернула в нее сына, когда он родится. Он присылал очень многое, но сам больше к ней не приходил. Будущий ребенок сделал Язрет огромной, неуклюжей и некрасивой. Нейур, свободный, как песок под солнцем, вошел к другой женщине. Его аппетит был огромен, а вкусы разнообразны. Ребенок лишь ускорил его неизбежное стремление к перемене. Конечно, Язрет осталась в его сердце, но в нем, как и в его спальне, хватало места для многих женщин.

Она видела, как Нейур любовался то девушкой с шафрановыми волосами и белой, как молоко, кожей. То взгляд его падал на девушку с дымчатыми волосами и кожей темной, как черная патока. Она чувствовала исходящий от него запах их тел, их волос, их духов и их страсти. Ее душа постепенно увядала и вскоре стала так мала, что туда вместились бы лишь одно кориандровое зернышко.

Однажды Язрет взглянула на себя в лotosовые пруды и серебряные зеркала. И внезапно поняла, что ребенок Нейура сделал ее безобразной. Тогда она возненавидела ребенка. До этого момента она не думала о своей жизни, о том, что может как-то повлиять на нее. Но теперь она с ужасом осознала, что ничто в ее жизни не происходило по ее воле. Потеря родины, любовь, беременность и одиночество. Теперь роды. Другие страдали больше, но кто бы сказал тогда Язрет, что боль и страх — не самое страшное, что выпадает на долю женщины. Ее тело, казалось, разрывалось, а сознание раздваивалось. Она произвела на свет сына, и его положили на львиную шкуру. А Язрет осталась лежать словно на раскаленной лаве. Все же она думала: «Я освободилась от этого, и теперь он опять полюбит меня».

Нейур прислал подарки. Для жены — кольца и ляпис-лазурные бусы, для сына — нефритовое яблоко. Войдя в комнату, Нейур высоко поднял сына на руках и засмеялся от удовольствия. Когда-то он поднимал вуаль своей невесты и улыбался Язрет. Сейчас же он лишь мельком взглянул на нее.

Вскоре из комнат Язрет вышла женщина. Ее душа была уже настолько мала, что кориандровое зернышко едва уместилось бы в ней, сознание ее раздвоилось. Одна половина радовалась: «Взгляни, как твой муж играет со своим сыном». Другая злилась: «Взгляни, твой муж смотрит на ребенка, а не на тебя».

Нейур подарил ребенку шелковые одежды, игрушки из слоновой кости и золотой ножной браслет. Когда он подошел к постели Язрет, она спросила:

— Я красива?

— Прекрасна, как лотос, и ты даришь мне красивых детей. Давай родим еще одного, ты и я.

— Мой господин, — сказала Язрет, — я сегодня больна, не проси меня. Лучше пойдешь к одной из своих белокожих или чернокожих женщин.

— Но, — возразил Нейур, — я хочу именно тебя.

Тогда раздвоенное сознание вложило в ее уста слова, как мед:

— Я тоскую по тебе, — и добавило горечь алоэ, — но я занимаю последнее место в твоей жизни.

Нейур понял ее и произнес:

— Я вел себя глупо, но теперь все будет иначе. Поверь, я всегда уважал тебя.

— Я лишь одна из твоих любовниц.

— Ты моя жена и мать моего наследника.

Язрет больше ничего не ответила. Она словно окаменела. Нейур ушел, так и не переубедив ее. В его саду росло множество цветов, и ему не нужно было, ждать, пока один из них раскроется. В этот час душу Язрет никто бы уже не смог отыскать в коробочке кориандра, потому что теперь ее было не разглядеть и на острие булавки.

В этот месяц вся вода в мелководных прудах сада высохла, и лотосы завяли. «То же самое сделали с тобой Нейур и его сын», — сказала вторая половина сознания Язрет. А первая половина прошептала: «Если бы ты не родила сына, Нейур все еще любил бы тебя».

Ребенок спал на львиной шкуре в тени, а рядом дремала его нянька. Вокруг были разбросаны маленькие животные из слоновой кости, которых король послал сыну, а на лодыжке мальчика сверкал золотой браслет.

Язрет бесшумно сняла верхнюю одежду няньки, которую женщина набросила на себя от дневной жары. Завернувшись в одеяние и затянув завязки над головой, королева подняла ребенка в шкуре. Потом она заплакала, потому что мальчик был невинным и прекрасным, хотя и стал ее врагом.

Язрет пересекла дворцовый двор. Никто ее ни о чем не спросил, принимая за верную няньку. Когда она вышла в город, то стала одной из женщин с ребенком. И действительно, Язрет не раз видела других женщин с детьми и жалела их. Она верила, что каждая женщина, родившая ребенка, потеряла из-за этого любовь своего мужа.

Вниз по широким и узким улицам, через большую рыночную площадь, где коричневые величавые верблюды возвышались, как господа, где сочился темно-синий инжир, качалось красное мясо, танцевали дети под звуки дудочки, а из медного кувшина вырастала змея и качала своим капюшоном, похожим по форме на сердце. Так Язрет дошла до высоких, украшенных мозаикой стен Шева. Не замечая ничего вокруг, она выбежала через широкие ворота, тени которых походили на черную смерть. Королева выбежала в пустыню...

Примерно в сотне шагов от стены был колодец, вокруг которого расположился лагерь кочевников. Язрет смело шла между шатрами. Никто не окликнул ее, потому что она была женщиной, а в этой стране женщин не боялись или делали вид, что не боятся.

Наконец Язрет увидела в тени навеса небольшую группу детей. Одни спали, другие сонно играли друг с другом. Рядом лежали две большие охотничьи собаки, положив рыжевато-коричневые морды на лапы.

Язрет соображала с трудом. Ей казалось, что она может незаметно оставить своего младенца среди других. А когда придут матери и найдут еще одного ребенка, они, без сомнения, возьмут его. Ведь на его лодыжке — золотой браслет. Вечером кочевники свернут лагерь. Они редко надолго задерживаются на одном месте, особенно вблизи городов этой пустынной страны. Они считают их местами упадка и влияния дьявола. Ночью, если не раньше, Язрет освободится от существа, которое, пусть не намеренно, лишило ее

счастья.

Пока она стояла, лихорадочно размышляя об этом, одна из собак подняла голову, нюхая воздух, и тихо зарычала. Эти животные должны были охранять детей, а значит, будут охранять и ее ребенка, когда она уйдет. И все же безжалостный собачий взгляд насторожил Язрет. В панике она отстранила от себя спеленатого ребенка и медленно опустила его на песок рядом с другими младенцами. Он не плакал — должно быть, инстинктивно узнавал в ней свою мать, но не мог почувствовать ее намерений.

Пес внезапно поднялся на стройные лапы, и его глаза засверкали черной свирепостью. Язрет повернулась и побежала, ожидая, что в любое мгновение собачьи клыки вопьются в ее одежду или тело, но рычание осталось позади. Она услышала, что все спавшие младенцы проснулись и начали плакать и кричать, как будто обвиняя ее. Королева побежала быстрее из лагеря и проскочила через городские ворота. Она бежала вверх по широким и узким улицам, а рядом с дворцом оглянулась и сбросила на землю одежду няньки. Стражники, видевшие ее возвращение, изумленно переглянулись, потому что королева Шева вдруг оказалась на улице одна, без сопровождающих, но ничего у нее не спросили.

Язрет прошла в свои покои и там села. У нее раскалывалась голова, а мысли путались. Она ждала, что в любой момент войдет ее муж и скажет: «Наш сын пропал, никто не может его найти. Не думаешь ли ты, что его убила нянька?» И Язрет ответила бы: «Пощади ее, мой господин. Она не в своем уме. Она завидует, потому что ее собственный ребенок умер...»

Прошел полдень, затем вечер, и наступил час заката, когда кроваво-красный отсвет выплескивается на стены. Пурпурный цвет умирающего солнца быстро перешел в фуксиновый и индиго, а затем появились звезды, светочи небесных городов. Язрет не слышала ни криков, ни поисков во дворце. Нейур не появлялся. Он пришел позже.

Король быстро шагнул в темноту покоев, но на этот раз не осветил комнату своим присутствием. И не сказал того, что она ожидала услышать.

— Язрет, жена моя, — сказал Нейур, — сегодня я услышал три рассказа. Один — что кто-то украл одежду няньки, когда та спала в тени сада. Второй — что эта самая женщина прокралась в город и не вернулась. Третий — что Язрет, королева Шева, вернулась из города без сопровождающих, хотя никто не видел, как она выходила.

Раздвоенное больное сознание Язрет не могло с этим справиться.

— Все они врут! — закричала она. — Надо выпороть этих лжецов.

Но Нейур мягко сказал ей:

— Есть еще четвертый рассказ. Слушай, я поведаю его тебе. У стен Шева раскинули свои шатры кочевники, желая воспользоваться водой из колодца, что недалеко от ворот, и продать свои ремесленные товары на базаре. Но пришла женщина и оставила младенца среди детей лагеря.

— Это была нянька, — выпалила Язрет.

— Нет, — возразил Нейур, — потому что в это самое время нянька разыскивала ребенка, нашего ребенка, и тому есть свидетели.

— Все они врут, — воскликнула Язрет еще раз.

— Есть только один лжец.

В этот миг вся сила Язрет покинула ее — так кровь вытекает из смертельной раны.

— Я сознаюсь, — проговорила она. — Ребенок лишил меня твоей любви. Поэтому я должна была избавиться от него. Не осуждай меня. У меня не было выбора.

— Я не осуждаю тебя, — сказал Нейур. Его голос оставался спокойным, но лица его она не видела в темноте.

— И ребенка вернули тебе? — прошептала Язрет.

— Вернули, — ответил Нейур и закричал через всю комнату: — Принесите моего сына!

Дверь снова открылась, и вошли несколько слуг, один нес горящий факел, а другой — сверток.

— Разверните, — приказал король, — и пусть эта несчастная сумасшедшая пожинает плоды того, что натворила.

И они поместили сверток перед королевой Шева и развернули его при свете факела.

Некоторое время она молча смотрела на него, а потом заплакала. Две части ее сознания разлетелись на сотню осколков.

Кочевники узнали младенца по золотому браслету и из уважения к Нейуру, несмотря на страх и риск мести, принесли королю останки его сына. Ребенка разорвали на куски собаки. Обычно собаки кочевников не трогали детей. Но это были охотничьи собаки, и они почувствовали запах льва, как только женщина приблизилась. Когда же она опустила сверток из львиной шкуры на песок и убежала, собаки накинулись на шкуру и, к несчастью, на завернутого внутри младенца. Язрет на самом деле избавилась от сына, навсегда победив своего врага.

Нейур не выказывал ни огорчения, ни гнева, он даже не объявил жене никакого наказания. Король просто изолировал ее — запер в роскошном павильоне, примыкавшем ко дворцу. Он продолжал посылать ей подарки, дорогие украшения, сочное мясо, спелые фрукты, драгоценности. Его доброта не знала предела, а терпение казалось удивительным. Конечно, он поступил бы менее жестоко, если бы немедленно отдал ее палачу. Вместо этого Нейур обрек ее на смерть при жизни, что было хуже, значительно хуже, чем наказание плетью, огнем или мечом.

На третий месяц заточения, когда король должен был снова жениться, Язрет удалось каким-то образом сбежать. Она была уже настолько безумна к тому времени. Она почти верила в то, что сама является невестой, живет в водяной стране, и Нейур, ее жених, вот-вот придет и в первый раз поднимет ее вуаль. К тому же затворницей овладела мысль, что она будет бесплодна до тех пор, пока не найдет особого магического амулета — согласия богов на то, что будет носить сына. Амулетом же должно стать не что иное, как тело ее ребенка. Поэтому Язрет пробралась на кладбище и бродила там, пока не натолкнулась на сторожа. Он узнал королеву и, увидев ее беспомощность, пожалел ее, привел к склепу сына и позволил войти. В конце концов явились те, что преследовали ее. Они застали ее сидящей в полутьме склепа в обнимку с телом бедного младенца, которое развалилось у нее в руках на отдельные косточки. Ее обрывочное сознание полагало, что она нашла символ своей безопасности и ключ к грядущему счастью. Но в глубине души безумная Язрет, без сомнения, знала, что баюкает на руках своих смертную вину, вину, которую ей никогда не искупить. Люди, что пришли за ней, стали вырывать тело из ее рук. В конце концов Язрет отдала все кости, кроме одной. Эту кость, как ни пытались, отнять у нее не смогли.

Так Язрет вместе с костью поместили в каменную башню в пустыне, в миле к западу от города Шев. Здесь продолжалась ее смерть при жизни, и последовательность ее действий никогда не менялась: ожидание Нейура, разговор с костью, агония, ярость, отчаяние, рыдания. И так снова и снова. До тех пор пока все вокруг нее не стали немного сумасшедшими, заражаясь ее болезнью. Даже башня начала мучиться ее безумством, как, впрочем, и деревья, пески, звезды и даже небо.

Владык Тьмы было всего пять. Один из них — Улум, Владыка Смерти, царствовал в центре Земли. Он появлялся в мире людей и уходил из него по своему желанию. Другой являлся Раздором в лице князя демонов, Азарна Прекрасного. Его город Драхим Ванашта также находился под землей. Князь посещал мир только ночью, с тех пор как демоны отреклись от солнца. И поступили весьма разумно, потому что оно могло сжечь любого демона до дыма и углей. Тогда на плоской и прекрасной земле еще оставалось место для таких существ. Но никто уже не помнил, где обитал третий Владыка Тьмы. Вероятно, ему и не требовалось много места для собственного существования, потому что он должен был быть всегда и везде.

Его звали Чузар. С правого бока это был молодой человек в полном блеске своей юности: с гладким загорелым лицом, густыми светлыми шелковистыми волосами, точеными губами и длинными золотистыми ресницами, особенно выделявшимися, когда он опускал глаза. На его правой руке была перчатка из мягкой белой кожи, на правой ноге — ботинок из такой же кожи. Его стройное тело покрывала роскошная темно-пурпурная мантия с поясом. «Прекрасный благородный юноша», — говорили те, кто подходил к нему справа. Те же, кто приближался к нему слева, уклонялись от ответа и молчали. С левого

бока Чузар казался чародеем, на которого время наложило глубокий отпечаток, оставив ему мрачную и вселяющую ужас красоту. Разве что сердито сжатые губы и ввалившиеся щеки могли испортить этого прекрасного чародея. Его кожа была мертвенно-серой, а спутанные волосы и ресницы на тяжелых веках — цвета запекшейся крови. Левая рука князя лежала обнаженной на сливовой мантии. С этой стороны мантия была порвана и покрыта пятнами, а из-под нее высовывалась босая нога. Когда Чузар шагал, было видно, что подошва этой серо-белой ноги черная. Когда он поднимал свою серо-белую руку, виднелась черная ладонь. Красные, словно покрашенные лаком, ногти на этой руке были длинными и крючковатыми. Только глаза у Чузара были одинаковыми: черные глазные яблоки, красные радужные оболочки и тусклые зрачки, как старая медь. Время от времени он смеялся, и тогда становились видны его бронзовые зубы.

Страшнее всего было подойти к Чузару спереди и увидеть его одновременно в двух обликах. Еще хуже становилось, если он при этом поднимал глаза и открывал рот. (Все же люди верили, что каждый человек хотя бы раз в жизни мельком видел Чузара сзади.) И кем был Чузар? Чаще всего его называли Безумием.

Возможно, как и Владыка Смерти, Чузар был лишь воплощением того, что непременно должно существовать, смутным образом, который обрел форму. Наверняка он не имел постоянных свойств. Иногда он появлялся с ослиными челюстями, и когда постукивал ими, раздавались крики диких животных. В другой раз он тряс медной трещоткой, как древнеегипетским систром, и она трещала так, что сознание слышавших этот треск словно рассыпалось на куски. Иногда он надевал темно-пурпурный плащ, расцвеченный осколками стекла, изображавшими звезды...

Шесть стражников Язрет отложили секиры, однако оставили при себе мечи и перевязи. Они расположились на земле у подножия каменной башни и, наслаждаясь вечерней прохладой, играли в кости. Поднялась луна — единственный белый плод среди черных листьев дерева ночи. При ее сиянии и неровном свете факела, воткнутого в песок, стражники вели счет очков.

Бросил кости первый солдат, второй. Затем третий, и четвертый, и пятый. Затем шестой. И вдруг седьмой.

Седьмой?

Кости, которые бросил этот возникший из ниоткуда новый игрок, были желтые и без меток.

— Кто этот незнакомец? — спросил капитан. Он хлопнул чужака по плечу, но с проклятием отдернул руку. Плащ седьмого был усыпан острыми блестками, которые кололись до крови. — Откуда ты взялся и чего тебе тут надо? — прорычал капитан.

Стражники пристально гляделись и в факельном свете рассмотрели ту половину лица незнакомца, которая не была скрыта капюшоном. Перед ними предстал обаятельный юноша, его глаза, точнее, лишь один видимый глаз, был скромно прикрыт, так что длинные светлые ресницы касались щеки. Он улыбался, не открывая рта. Затем внезапно появилась рука в белой перчатке, а в ней — ослиные челюсти, которые щелкнули и взревели по-ослиному. На секунду веко поднялось — сверкнул смущающий, молниеносный, ненормальный взгляд, — и так же внезапно оно снова опустилось.

Незнакомец молчал, но ослиная челюсть в его руке заговорила:

— Луна правит морскими приливами, женскими циклами и настроением людей.

Шестеро стражников вскочили на ноги. Они выхватили мечи и попятились. Говорящие челюсти были им в новинку. Они их никогда не видели, хотя были слышаны.

Продолжая улыбаться и не поднимая глаз, незнакомец встал, подобрал свои непомеченные желтые кости, прошел сквозь стену башни и исчез. В воздухе повис звук, напоминающий сумасшедший смех или же крик ночной птицы над пустыней.

Капитан толчком открыл дверь и повел стражников осматривать лестницу и нижние этажи башни. Вскоре в тревоге прибежали прислужницы Язрет — старуха и молодая девушка.

— Здесь кто-нибудь проходил? — спросил капитан.

— Никто, — ответила старуха и принялась ругать четверых стражников, которые съежились от страха, словно малые дети.

— Твоя рука кровоточит, — стыдливо заметила девушка, обращаясь к капитану. Весь последний год она видела рядом с собой лишь этих шестерых воинов. А ведь за это время она повзрослела и превратилась в женщину. Когда очаровательная прислужница Язрет взяла капитана за руку, то заметила, что он красив и силен. А он, пока красавица промывала раны, оставшиеся от прикосновения к плащу незнакомца, решил, что она добра. К тому же его внимание привлекли ее нежные груди, просвечивающие в лунном свете сквозь тонкие одежды, и красивые волосы, напоминающие серебряное облако.

Шестой стражник задержался снаружи. Он сидел на песке и изумленно разглядывал факел, опущенный в воду. Там, под водой, его пламя разгорелось ярче, чем дневной свет.

Наверху в спальне Язрет смотрела в сторону Шева. Смутно различив суету внизу, она сказала кости: «Это прибыли посланцы, чтобы сообщить, что мой повелитель направляется сюда. Меньше чем через час он будет здесь».

Когда Язрет обернулась, то обнаружила молодого человека, сидящего на ковре скрестив ноги и повернувшись к ней боком. Вторую половину его лица скрывал капюшон плаща.

Язрет открыла рот от удивления и прикрылась костью, как бы защищаясь.

Гордо и сердито она сказала незнакомцу:

— Мой муж и мой повелитель скоро прибудет сюда, и он убьет тебя за то, что ты осмелился войти в мои покои.

Чузар не ответил, только опять бросил игральные кости. На этот раз они были черными как угли, и там, где они упали, ковер задымился.

Язрет сжала кость сына еще сильнее и с трудом выдавила из себя:

— Ты не осмелишься обесчестить меня перед моим ребенком.

Внезапно кость начала вырываться из ее рук. Она билась, выкручивалась и рвалась из пальцев. Наконец кость прыгнула на пол и торопливо запрыгала прочь от Язрет.

— Собаки съели меня! Ты отдала меня на съедение собакам! — тонким голосом пронзительно закричала кость и бросилась в складки плаща Чузара, как будто ища там спасения и защиты.

Язрет заткнула уши руками. Слезы брызнули у нее из глаз раньше обычного — ведь полночь еще не наступила. Вдруг с ней заговорил очень нежный и мелодичный голос. Это был голос Чузара. Один из многих его голосов.

— Язрет из Шева — моя подданная. Поэтому я позволяю ей приблизиться ко мне и обрести покой.

Внезапно Язрет поняла, что подползает на коленях к незнакомцу. Когда она приблизилась к нему вплотную, он сбросил плащ со стеклянными блестками. Теперь несчастная смогла рассмотреть лицо Чузара целиком: по-юношески загорелую одну половину и изможденную вторую, волосы цвета запекшейся крови и светлые ресницы. Но ей показалось, что это самое естественное лицо из всех, которые она когда-либо видела. Чузар привлек ее в свои объятия и начал осторожно баюкать, целуя в лоб своими странными губами. Язрет впервые за последнее время стало спокойно и хорошо.

Наконец Чузар, Владыка Безумия, сказал ей:

— Тот, кто воистину принадлежит мне, может спрашивать и просить у меня.

Язрет сонно вздохнула:

— Тогда даруй мне здравомыслие.

— Этого я не могу сделать. И не стал бы делать, даже если бы мог. Подумай, если я верну тебе разум, ты не вынесешь того, что совершила и кем стала.

— Верно, — сказала Язрет, — это так.

Затем Чузар извлек медную трещотку и начал трясти ею. При этом он отвратительно расхохотался,

грубо и непристойно. Но Язрет подхватила его дикий хохот. Она дотянулась до трещотки, и в ее руках та превратилась в ослиные челюсти. Язрет щелкала и щелкала ею до тех пор, пока та не закричала:

— Если мне, Язрет, суждено быть безумной, тогда сделай таким же безумным и моего мужа Нейура. А лучше еще безумнее, чем я. И пусть безумие уничтожит его.

— Я этого не говорила... — растерянно призналась Язрет.

Чузар ответил ей другим своим голосом, высоким с ехидной ноткой:

— Это сказал твой разум.

— Но в душе я все еще люблю Нейура.

— А разумом ты его ненавидишь.

— И опять верно, — сказала она. — Ты сделаешь его безумным?

— Его безумие станет легендой, — ответил Чузар. Теперь его голос напоминал голос убийцы в глухой ночи.

На этот раз они рассмеялись вместе спокойно и тихо, как любовники. И Чузар сразу же исчез.

Безумство может войти в дом через несколько дверей. Одна из них — гнев, другая — зависть, третья — страх, есть и много других. Князь Чузар при желании мог проходить сквозь каменные стены. Но доступ к человеческой душе он должен был подбирать тщательнее. В данном случае Чюзара вызвало к жизни сумасшествие Язрет. Ее безумие стало движущей силой его действий, горячим в его совершенно бесплотных нервах. Облаченный в подобную человеческой форму, Чузар, однако, не имел человеческого рассудка. Но это не значит, что он, Владыка Безумия, был безумен сам. Он прекрасно понимал (хотя «понимать» здесь не совсем подходящее слово), что для Нейура будет недостаточно взглянуть на Чюзара со спины. Королю придется встретиться с ним лицом к лицу и только после этого лишиться разума. Обращение людей в безумие не было для Чюзара забавой. Это, скорее, напоминало обязанность, долг, который он самоотверженно выполнял.

Чузар легко разглядел трещины и щели в душе Нейура, через которые могло войти безумие. Король был в расцвете сил. Он обладал могуществом, богатством, красотой. Ничто ему не угрожало. Его гордыня, страстность и аппетиты не знали пределов. Нейур любил женщин, и они производили на свет сыновей короля Шева. Если действовать без воображения и не задумываясь, тогда Владыке Безумия достаточно было змеей прошипеть из-под цветка:

«Сейчас ты полон жизни, сейчас ты всемогущ. Но завтра, завтра...» Нейур действительно не думал о том, что сегодня он — лев, а завтра может превратиться в кости, как и его несчастный первый сын.

Но Чузар решил не принимать различные обличья. Он предпочитал играть своим собственным необычным обликом, словно создавая вариации на тему знакомой мелодии.

Нейур встретился с Владыкой Безумия впервые у парадного входа во дворец. Чузар стоял, плотно завернувшись в темно-красный плащ. Его фигура напоминала скорее тень наступающей ночи, нежели человека.

— Кто ты? — сердито спросил Нейур.

— Тот, кто лишит тебя жизни, — ответил Чузар и исчез.

Позднее, когда король ехал на охоту, рядом со стременем появился нищий. Нищий протянул руку в белой перчатке, обсыпанной стеклянными осколками наподобие игл дикобраза.

— Дай монетку, — пропищал нищий. — Когда ты будешь лежать в гробнице, какая будет тебе польза от этих монет?

В другой раз Нейур сидел, нетерпеливо перелистывая книгу, чтобы понять, доставит ли она удовольствие его второй жене. Эта женщина была для него все еще нова и интересна. Неожиданно ветер или чья-то рука — что-то перевернуло страницы, и перед Нейуром оказался рассказ о герое Симму. Симму боялся Смерти и потому решил стать врагом Владыки Смерти. Он украл у богов эликсир Бессмертия, чтобы спасти себя и человечество от власти разложения и конца.

— Говорят, — прошептал голос в ухо Нейуру, — что не так давно князь Улум носил титул Владыки Смерти и повелевал Смертью, но Симму присвоил себе этот титул, думая, что поборол Смерть...

Когда подошла смуглая жена Нейура в белой газовой накидке, Нейур сказал ей:

— В этой книге есть рассказ о герое Симму. Думаю, такой пустячок развлечет твое женское любопытство. Не сомневаюсь, ты веришь, что на небе есть колодец с эликсиром Бессмертия.

— Конечно, верю, — с мрачной усмешкой неохотно призналась женщина.

Потом, когда Нейур лежал с ней в постели, отсвет лампы превратил ее красивое лицо в эбеновый череп.

Вскоре злые желтые зимние ветры задули над пустыней. Пески понеслись на Шев, и мороз просачивался по ночам сквозь стены и минареты. Во сне к Нейуру явился гость.

— Через сотни лет Шев занесут пески пустыни. Через сотни лет кто вспомнит имя Нейура?

Когда возвратилось утро, Нейур стоял у высокого окна своих покоев, гневно сжав руки в кулаки, и смотрел на город. Король был бледен. Он вспоминал сон, в котором Шев, словно морем, затопило зыбучими песками пустыни.

Во сне Нейур видел собственный призрак, блуждавший по миру. Слышал он и много разных разговоров, но никто не вспоминал о нем.

Снизу с террасы послышался резкий звук, как будто две игральные кости ударились о тротуар. Король пристально посмотрел вниз. Там никого не было.

После всех этих непонятных происшествий Нейур при виде оставшихся после обеда костей стал впадать в глубокую задумчивость.

Странные события происходили тем временем в Шеве. Лампы зажигались сами собой и горели без масла. Мясники рассказывали, что отрубленные головы животных упрекали их. Иногда, когда женщина пудрила лицо жемчужной пудрой, та становилась черной как сажа. Иной раз козленок рождался с пятью ногами или курица несла деревянные яйца. Порой двери, которые всегда открывались вовнутрь, вдруг начинали открываться наружу, а вода, вытекавшая из общественного источника, внезапно начинала струиться по воздуху. Причиной этих событий был, конечно, Чузар. Кроме того, изменились и сами жители Шева: они стали чрезвычайно активными в тех случаях, когда обычно проявляли леность, мечтательными, когда надо быть деловыми, а в целом раздражительными, злыми, склонными к глупому веселью, ссорам и приступам плаксивости.

Да и сам Нейур изменился. Он не был теперь так спокоен, как прежде. Его вторая жена не задумывалась над этим, только мрачно посмеивалась. Любовницы короля стали капризными и заговорили о призраках, духах и демонах. Теперь Нейур уже не относился с прежней легкостью к костям. Он все чаще вспоминал о каменной башне, находящейся в миле к западу, о гробнице своего сына и о собственной гробнице. Он думал о Симму, юноше с огненными волосами, который, как говорили, иногда превращался в девушку. Колодец в Верхнем Море, в стране богов, имел стеклянное дно. Дно это благодаря волшебству Симму треснуло. Капли эликсира Бессмертия пролились на землю и стали собственностью Симму. Конец истории — крах всех замыслов Симму — Нейур забыл. Улум — Владыка Смерти, Симму — новый Владыка Смерти и погребенный в море песков всеми забытый Шев — вот что теперь полностью занимало мысли Нейура.

Однажды Нейур сидел один в своих покоях в предрассветной темноте. Он потребовал вина. Вошли трое слуг, чтобы налить вина королю. Один расстелил шелковую скатерть, второй поставил хрустальный бокал с золотой отделкой, третий откупорил черную керамическую бутылку. Вино налили в бокал, и Нейур поднес его к губам. Когда же он попытался сделать глоток, вино из бокала не полилось.

Трое слуг застыли в оцепенении. Нейур перевернул бокал вверх дном, чтобы посмотреть, польется ли вино таким способом. Вино не выливалось, хотя и играло в бокале. Вдруг бокал заговорил:

— Будь добр, поставь меня.

Пораженный Нейур застыл на месте, как и его слуги.

— Ты невежлив, — четко произнес бокал. — Сделаешь ли ты по-моему? Когда вино вольется в тебя, выплюнешь ли ты его в рот первого несчастного, который поцелует тебя? Нет, уж лучше я оставлю этот чудесный напиток себе и стану пьяным.

Здесь бокал закричал по-ослиному так, что Нейур с проклятием бросил его. Хрусталь разбился об пол на бесчисленное множество осколков. Каждый из них ужасающе завопил. А вино разлилось, как кровь.

При этом четвертый слуга (откуда он взялся?) взмахнул плащом. Осколки разбитого бокала присоединились к осколкам стекла на его плаще, и крики прекратились.

Трое слуг, не обращая больше внимания на Нейура, с воем убежали. Четвертый, а им был Чузар, поднял руку в белой перчатке. Его лицо скрывал капюшон. Рука указала на Нейура.

— Что? — спросил, дрожа, Нейур.

Чузар не ответил. Он взмахнул рукой в направлении широкого окна. За шторами, которые сразу же сами по себе раздвинулись, ночь теряла черноту. Звезды начали тускнеть, и у края неба появилась красная полоса.

Нейур поднялся. Закутанная фигура кивнула, и Нейур подошел к окну. Незнакомец оказался рядом с ним, не сделав ни шага, словно переместился по воздуху.

Пока рассветало фигура странного гостя как будто все более сгущалась и уплотнялась. Нейуру показалось, что перед ним — жрец в темно-пурпурном плаще с капюшоном.

— Тебя гнетет загадка смерти и забытого имени, — произнес жрец. — Ее решение прямо перед тобой.

Солнце выплыло на небо, и утренний ветер трепал его лучи. Тучи песка поднялись в воздух, и Нейур увидел мираж.

— Что это за башня? — спросил Нейур. Громадная башня находилась в нескольких лигах к востоку и тем не менее загораживала солнце. Ее основание было таким же широким, как город Шев, и из этого основания вырастали ярусы. Каждый следующий был немного уже предыдущего. Ярусы поднимались друг на друге все выше, за пределы видимости, до самых небес, и там башня исчезала.

— Ты видишь башню? — спросил Чузар-жрец.

— Да, многоярусную башню, такую высокую, что она упирается в небо.

— Вот твой оракул, — сказал жрец. Он протянул королю ослиные челюсти. Нейур не задумываясь взял их, и челюсти немедленно закричали, так же неприятно и громко, как кричал винный бокал. Только слова были другие:

— Нечего надеяться, что колодец в Верхнем Мире треснет во второй раз. Поэтому, если человек желает получить глоток Бессмертия из колодца богов, пусть он построит высокую башню, самую высокую башню в мире, с основанием на земле и с вершиной в небесах. Пусть добавляет все новые ярусы, пока вершина башни не упрется в Верхний Мир. Тогда королевские армии поднимутся по башне. Они начнут войну в небе, нападут на богов, захватят силой то, чего не удастся достичь молитвами. Когда все это произойдет, Нейур сможет жить вечно. И не придется опасаться, что кто-нибудь забудет его имя. Его имя останется в памяти людей так же, как и имя Симму. Но насколько величественнее Симму станет Нейур! Ведь он силой возьмет то, что Симму украл.

Нейур ухмыльнулся. Внезапно мираж огромной башни стал пропадать. Но это не меняло дела, король уже узрел ее.

Затем Нейур обернулся и увидел... Рядом стоял Чузар, лицом к лицу с королем, без капюшона, в расстегнутом плаще. Его жуткий облик больше ничто не скрывало. Нейур выпучил глаза, его взгляд застыл, рот широко открылся. Чузар тоже пристально смотрел на Нейура, его губы разомкнулись в улыбке. Он осторожно вынул челюсть из судорожно сжатых рук Нейура, потом снял белую кожаную перчатку со своей правой руки. Правая рука Чузара оказалась медной, но вместо четырех пальцев извивались четыре бронзовые змеи, которые выбрасывали языки и громко шипели. А на месте большого пальца король увидел муху из темно-синего камня. Высвободившись из перчатки, муха медленно расправляла ажурные проволочные крылья и шумно щелкала челюстями.

Нейур с криком упал на спину и зажмурился. Когда он снова открыл глаза, рядом уже никого не было. Нейура передергивало и трясло, пока он не вспомнил, что перед ним стоит великая цель. И тогда его крики огласили весь дворец, а вскоре весь Шев вынужден был внимать ему.

По всей стране Шев стали собирать народ. Сначала ограничились рабами: их приводили закованными в цепи. Но вскоре солдаты Шева ушли далеко в пустыню, чтобы хватать кочевников, странников и жителей маленьких деревень. Но и этого оказалось мало. Нейур затеял священные войны с соседними королевствами. Миллионы пленных привели к месту, расположенному в семи лигах к востоку от Шева. Здесь их заставили работать день и ночь, под солнцем, под луной и без луны, в бури и засуху, в невыносимую жару и лютые морозы. Перед ними поставили цель — построить чудовищное сооружение, ступенчатую пирамиду до неба, до крыши мира и еще выше.

На закате Нейура навещала смуглая королева. Она использовала всю свою нежность и обольстительность, но Нейур словно превратился в ребенка. В нем больше не осталось страсти.

— Мой господин, — в который раз повторяла женщина, — зачем ты теряешь время на неугодное богам дело? Я хочу родить тебе сына.

Ты мог бы построить другую башню, лучше этого кирпичного чудовища в пустыне. Подними меня на башню своей любви.

Хотя Нейур и слышал ее голос, он не понимал слов. Ему казалось, что она говорит на незнакомом ему языке.

И советники, пытавшиеся избавить своего короля от безумия, тоже говорили на чужом языке, еще более незнакомом. Иногда, когда Нейур, направляясь к Башне, проезжал по городу, его встречали жители королевства. Они жаловались и просили его быть милосерднее, не посылать мужчин умирать от непрестанной упорной работы. Просили оставить им время для посевов и сбора урожая. Ведь чтобы собрать в пустыне хоть какой-нибудь урожай, надо все делать вовремя. Нейур не обращал на них никакого внимания. Их речь напоминала ему вой собак, рычание львов или крик диких птиц.

Тем временем Башня росла. Поднялись три яруса, потом еще три. Говорили, что ее основание занимало площадь в квадратную милю, а в высоту поднималось на все десять. В те дни вопрос, насколько далеко до неба, не был праздным.

Первый ярус Башни был сложен из обожженного на солнце кирпича вперемешку с камнями и стволами пальм. В пустыне вырубili шестьдесят оазисов, чтобы поддержать это основание. Недавно покоренные Шевом королевства должны были посылать дань Нейуру деревом и камнями.

Второй ярус состоял также из дерева и кирпича. Для этого еще сорок оазисов лишили тени. Третий ярус подкрепили людскими костями. Их было вполне достаточно, потому что умершим при строительстве сооружения от разрыва сердца и истощения не было числа. Иногда от слабости или из-за болезней люди сыпались с Башни, словно дождь, и кровь выплескивалась из них во время падения.

Три яруса, и еще три, и еще три на тех трех и трех. Ярусы устремлялись все выше и выше. В конце концов люди потеряли счет ярусам Башни Нейура.

С начала строительства Нейур любил подниматься по ступеням широкой зигзагообразной лестницы Башни. Эту лестницу специально сделали широкой для колесниц и лошадей, верблюдов и повозок, слонов, если в них будет необходимость, и даже, если потребуется, для созданий, которых нет на земле. Нейур поднимался, не остерегаясь пропасти, которая оказывалась то слева, то справа. И королевские придворные должны были следовать за ним на носилках или в колесных экипажах, запряженных ломовыми лошадьми.

Чем выше они поднимались, тем дальше вниз уходила пустыня. Она все больше напоминала карту, на которой подробности были обозначены пятнами и грязными полосами: здесь тонкой угольной линией дороги, там ярким мазком воды, а там мозаикой города, простирающейся до горизонта. В какой-то момент горизонт расширился настолько, что стало видно весь город, окруженный голубой кромкой песков, будто небо подступило к его границам. Казалось, что теперь небо ближе, чем земля.

Насколько поднялась вершина Башни? Достаточно высоко, чтобы орлы парили рядом с испуганными лошадьми. Глядя вверх, ввышину, можно было различить одно-два облака, сверкающих янтарем. Земля

внизу стелилась, словно туман, и выглядела такой же нематериальной, каким снизу казалось небо. Зато небо теперь превратилось в твердую сплошную массу.

Атмосфера на высоте изменилась. Люди дышали с трудом и чувствовали себя словно пьяные. Лошади еле тащились, из ноздрей у них капала кровь. Иногда они падали на оглобли. То одна, то другая колесница теряла равновесие, опрокидывалась через край и летела в разреженном воздухе вниз.

Башня, облицованная кирпичами, была цвета песков пустыни. Солнце освещало ее, и она, казалось, блестела и горела, как расплавленное золото.

На одном из ярусов выдолбили площадку. Здесь король со свитой мог остановиться под навесом и отдохнуть, потягивая вино и слушая игру на струнных инструментах. А в это время рабы, словно термиты, кишели наверху в архитектурном термитнике.

Ночью светили большие яркие звезды. Башня должна наконец пробиться в звездный сад, разорвав серебряные корни. И когда она проникнет в священную сферу небес, свершится насилие.

— Когда же это будет? — время от времени спрашивал Нейур у своих колдунов.

Они, вздрагивая, гремели в ответ трещотками и составляли гороскопы.

— Скоро, король.

Но и они говорили с Нейуром на другом языке. Он понимал лишь некоторые слова: сегодня, сейчас, победа, покорение.

Во всех близлежащих землях стало известно о замысле Нейура, и это всех пугало. Тогда же Башня получила название. Люди назвали ее Бахлу, что означало: «Ворота к богам».

Что же в это время делали боги? Может, они не знали о намерениях сумасшедшего Нейура и даже не догадывались о них? Имели ли они хоть малейшее представление о его честолюбии?

Бледные и прозрачные, как стекло, хрупкие, наполненные бледно-фиолетовой жидкостью, которая омывала без кровеносных сосудов лепестки их бесполой тел, боги были погружены в себя, в безвременное, бездушное и бессмысленное созерцание бесконечности. Но все же они кое-что замечали. В безвременности Верхнего Мира, в Будущем или в Прошлом эти вечные создания все равно предают смерти весь мир. Поэтому давший обеты человек ничего для них не значит. И действительно, они проявляли равнодушие и к нему, и к его делам, молитвам, желаниям и мукам. И все же когда-то давно, а может, это случится в недалеком будущем, боги рассердились и открыли затворы небесные, удерживавшие дождь. Они затопили землю, то ли потому, что люди полностью забыли о них, то ли потому, что слишком хорошо о них помнили. Так что боги были вовсе не так равнодушны к делам человеческим, как они об этом заявляли.

А теперь один сумасшедший строит Башню, намереваясь пробить основу Верхнего Мира и ввести туда войска. Он хочет победить Стражей Колодца Жизни и похитить из Колодца эликсир. Но хуже всего то, что люди, кони, колесницы — все человечество нарушит ледяное спокойствие этой небесной страны. На хрупких голубых лугах появятся пот и кровь, раздадутся крики. Конский навоз затопит воздушные дворцы.

Возможно ли такое? Вопрос спорный. Немногим удавалось пробираться в Верхний Мир, да и то используя очень хитроумные способы. Однажды Азрарн, князь демонов, попал туда или еще попадет на крылатом корабле. Улум, Владыка Смерти, никогда там не был, потому что боги не умирали. В Верхний Мир вел скрытый, окольный путь. Выше луны, за солнце... А там то ли дверь, то ли вход, то ли вовсе и нет никакого входа. Разве сможет Нейур когда-нибудь добраться туда, построив гигантскую Башню высотой до неба?

И тем не менее грубая наивность Нейура беспокоила богов, как дуновение встречного ветра. Впрочем, человек тоже иногда убивает комара, который еще не успел ужалить его.

Боги кажутся беспомощными в их бесплодной красоте. Но такое представление ошибочно. На самом деле только безразличие богов спасает людей от проявления их божественных возможностей. Сейчас они не обменялись ни словом, ни взглядом. Никто из них даже не поднял головы. Импульсы их чистых и бескровных разумов могли просто перетекать друг в друга.

Их Желание, такое микроскопическое, что могло уместиться в песчинке, и в то же время такое огромное, что могло заполнить собой весь мир, просочилось из Верхнего Мира и полетело, как перышко, к Башне Бахлу.

Теперь уже путешествие от основания Башни к ее вершине занимало почти целый день.

На верхнем ярусе, под строительными мостками, намечавшими следующий ярус, расположился король Нейур со своими придворными. Ярусом ниже разместились лагерь солдаты, колесницы и животные.

Король со свитой отдыхал на ярусе площадью семьсот квадратных футов. Чтобы обогатить разреженный воздух, здесь был создан передвижной сад. Стонущие верблюды и измученные лошади привезли сюда огромные баки с водой и землей. Зеленые фонтаны листвы изливались из этих баков — виноградные лозы, ветви фруктовых деревьев, усыпанные плодами, цветы, травы свисали по стенам, чтобы животные, привязанные ниже, могли питаться ими.

Под тенью строительных мостков установили королевские шатры, украшенные темно-красной вышивкой и увешанные золотыми медальонами. Из-под откинутых пологов шатров выглядывали, призывно маня, любовницы Нейура, но у них был какой-то болезненный и беспокойный вид.

В благоухающей зелени под гигантским цветком зонта от солнца в кресле из резной кости сидел Нейур. Вокруг него толпились, бесконечно кивая, колдуны и жрецы с трясущимися руками и выпученными глазами. Теперь они с таким же трудом понимали друг друга, как и Нейур — их. И действительно, тот, кто хоть раз поднялся на Бахлу, переставал понимать окружающих. Только с теми, кто работал на строительных мостках, этого не происходило. Уже один вид плетей заставлял рабов выполнять работу автоматически. Впрочем, они никогда не понимали друг друга, так что для них все осталось по-прежнему. Но все же разреженный воздух был наполнен бессмысленными фразами, срывавшимися с губ не понимающих друг друга людей. К тому же все обволокли воскурения волшебников, запахи цветущих роз, пальмового масла и прерывающаяся музыка. Временами сверху доносился крик, когда какой-нибудь раб срывался вниз. Кувырком скатываясь вниз, они встречались на своем пути со смуглой королевой Шева, поднимающейся по длинным лестницам к своему господину.

В огненных волосах королева по приказу Нейура носила золотой полумесяц. Король заявлял во всеуслышание, что Башня скоро поравняется с луной. Тогда белый лунный лик будет освещать кирпичные стены Бахлу так же ярко, как солнце днем. Позже Башня вырастет еще выше, и луна будет лежать внизу, как круглая тарелка с молоком.

Веки и ногти королевы были раскрашены золотом, на ее гладкой темной коже красовались рубины, но бриллианты слез струились из ее глаз.

Нейур издали следил за приближением жены. Постепенно ее свита вырисовывалась из тумана, и становилось видно, как маленькие фигурки поднимаются по винтовой лестнице на крутую гору. Вот рядом с колесницей королевы кружат орлы. Теперь смуглянка уже смотрит вниз и видит, что орлы парят на своих зубчатых крыльях на четверть лиги ниже ее. Затем, скрывшись ненадолго, колесница вскарабкается сквозь кольцо облаков. Иногда свита делала привал на широкой террасе, чтобы отдохнуть.

Весь день Нейур наблюдал, как королева взбиралась к нему. И когда зашло солнце, оставив лишь низкую пламенеющую реку на западе, королева Шева прибыла к верхнему небу.

Появились звезды, похожие на брызги ртути. Вечерний ветер плыл над Бахлу. В темноте расцветал черный виноград. Начинала всходить луна.

Королева Шева тихо стояла и наблюдала за луной. И не только она. Солдаты и животные, расположившиеся ярусом ниже, тоже погрузились в странное молчание. Придворные Нейура притихли и объяснялись лишь знаками. Где-то в тишине зазвенел колокольчик или женский браслет, а может, конская уздечка. Никаких других звуков не было слышно. Наверху потерявшие надежду рабы вытянули шеи со зловещих строительных лесов. Белое свечение поднимающегося диска луны приукрасило их тощие фигуры, хотя от лунного света их уже заслоняли край кирпичной кладки и распорки из костей. Вокруг воцарилась тишина.

И вдруг родился звук. Он напоминал дым и поднимался, подобно дыму. Это был голос плачущей королевы, второй жены Нейура. Голос ее в мольбе взвился в небо, темное, как она сама.

— О Всемогущая Луна, ты управляешь морскими приливами, женскими циклами, сознанием безумных! Донеси мое послание до дверей жилища богов. Твоей бледностью я клянусь, что боюсь их. Твоим блеском я молю их о милосердии. Пусть избавят они от безумия владыку Шева. Моя душа смиряется, и в сердце своем я припадаю к их коленям, а разум мой трепещет. Моя кровь — вода, тело мое — прах.

— Что она говорит? — потребовал ответа Нейур у одного из подданных.

— Мой господин, я не понимаю тебя.

Нейур обругал человека за то, что тот разговаривает на незнакомом языке.

И затем луна залила своим светом всю немыслимую высоту Башни Бахлу. И перья божественного Желания оведали ее.

А теперь вспомните суровый закон — скромность возвеличится, а честолюбие будет повержено. В последний раз вызовите в воображении образ Бахлу, потому что сейчас это строение уйдет в небытие.

Башня выросла до невероятной высоты. И не было никакой гарантии, что она будет стоять долго. Возможно, ее поддерживало лишь страстное желание Нейура. Башня стала тем каналом, в который устремились вся его энергия и жизненные силы.

Внезапно все сооружение завибрировало, словно натянутая между небом и землей струна, которую незаметно тронула рука мастера.

Наверху вибрация была легкой и гармоничной. Она просочилась через сердцевину Башни к ее основанию и здесь переросла в глубокий сердитый грохот. Грохот распространился по пустыне. И вскоре земля затряслась.

Земля ходила ходуном, словно животное, на спину которого вскочил хищник. Она судорожно извивалась и корчилась, чтобы сбросить врага с плеч. Появились и стали быстро расти огромные трещины. Пески взвивались вверх, в пульсирующий воздух, словно струи воды или пара. Затем послышался звук рвущейся ткани, это треснул фундамент Башни. Трещины с земли побежали вверх по нижнему ярусу. Из стен вылетали кирпичи. Перекрытия и балки из пальмовых стволов изогнулись, как луки, и выстреливали осколками камней в звезды.

Внезапно все огромное основание сдвинулось со своего места. С каждой из сторон прочь, в темноту отъехали, будто на колесах, огромные стены, и в образовавшуюся пропасть обрушилась водопадом вся Башня Бахлу.

На трех верхних ярусах паника охватила лошадей, придворных и рабов. Обезумевшие животные сорвались с места и, бросившись вперед, срывались вниз. Строительные леса полностью разрушились, сбросив груз человеческих тел на нижний ярус. Когда стали проваливаться перекрытия каждой террасы, трещины, наплывавшие, словно морской прилив, со ступеньки на ступеньку, с яруса на ярус, сразу потеряли все свое грозное значение. Частично полая, Башня обрушилась внутрь себя, разбрасывая при этом в разные стороны свою наружную оболочку из кирпичей, известки, из кричащих крутящихся тел с развевающимися волосами, раскинутыми руками и ногами.

После этого будто капли дождя посыпались на ночной простор пустыни — на потрясенный город и двадцать деревень, на дворы и на дюны, на посадки деревьев и на крыши; в колодцы и пересохшие каналы. На землю как падающие звезды летели кирпичи, тела, украшения и цветы из висячих садов, скрутившиеся в свадебные венки, сломанные мечи и магические сосуды, лошади, впряженные в колесницы, оторванная женская рука со сверкающим браслетом на запястье, лист пергамента с надписью: «Я, Нейур из Шева, покорю богов. Кто после этого забудет мое имя?»

Конечно, имя Нейура не будет забыто. Им станут пугать детей, предупреждая их об опасности гордыни.

Когда грохот и крики прекратились, вновь наступила тишина. Она упала, как снег, огромными

мягкими хлопьями на израненную землю.

Нейур погиб, засыпанный телами, глиной и камнями. Погибли все, кроме одной — смуглой жены Нейура, павшей ниц перед богами. Однако сомнительно, что столь бесстрастные и почти бессмысленно жестокие боги, какими они себя показали, откликнулись на ее мольбу или спасли ее из-за этого.

Башня разваливалась, и вторая жена Нейура сорвалась в пропасть. Но в этот момент пролетающий мимо орел подхватил ее и унес с собой на запад. Теперь над развалинами Башни целыми днями кружило множество орлов. Вероятно, они высматривали сверкавшие когда-то на смуглой коже королевы Шева драгоценности — рубины, золотой полумесяц. Впоследствии, говорят, королева обрела прежнюю красоту.

Единственным, кто иногда ради развлечения мог обратиться в черного орла, был Азрарн, князь демонов, один из Владык Тьмы.

Правда, неизвестно, был ли это действительно он. Это, скорее, походило на шалость одного из эшва, бессловесных мечтателей, самых незначительных из демонов, служивших ваздру. А среди князей ваздру был и сам Азрарн. Тем не менее кто-то или что-то унесло смуглую женщину в более безопасное место. Наступила полночь. Вторая жена Нейура как потерянная брела в одиночестве через пески и жуткие обломки, валяющиеся повсюду, и наконец вышла к оазису. Пальмы этого оазиса не были использованы для строительства, а в центре все еще возвышалась башня. Так выглядела тюрьма безумной Язрет.

Однако теперь уже никто не охранял дверь. С тех пор как Владыка Безумия прошел сквозь стены, произошли странные события. Фантастический любовный роман завязался между капитаном стражи и девушкой, прислуживавшей Язрет. Старуха настолько запугала четверых стражников, что они начали вести себя по-детски: хныкали, когда она бранила их, по-идиотски скакали, чтобы доставить ей удовольствие. Шестой стражник утонул в пруду. После того как он долго, не мигая, наблюдал за факелом, горевшим в воде, он заявил: «Если факел может гореть под водой, почему я не могу там жить, как живут морские люди?» Тогда он прыгнул и разлегся на дне, вдохнул воду и захлебнулся. После этого вода в пруду протухла, и обитатели башни были вынуждены пить только вино, что сделало их еще более ненормальными.

Обезумев от страшного грохота рушащейся Башни Бахлу и последовавшего за ним града осколков, пять стражников и две прислужницы с дикими криками убежали в пустыню.

Бывшая королева Шева, страшно напуганная всем происходящим, осталась одна в своей комнате. Язрет к тому времени казалась наименее безумной из всех обитателей каменной башни.

Когда Язрет услышала шаги на лестнице, призрачное воспоминание то ли о светловолосом принце, то ли о рыжем дьяволе прокралось в нее. Но страх навевал другие мысли. И теперь она растерялась: защищаться ей или умолять о дружбе. В то же время что-то случилось с ее памятью. Королева почти совсем забыла своего мужа. Возможно, ее сознание отказывалось брать на себя еще одну вину. Произошла и другая видимая перемена: Язрет больше не качала на руках кость. Она стала обычной женщиной, много страдавшей в прошлом. Но теперь она не помнила, что именно перенесла, она забыла о замужестве, убийстве ребенка и сговоре с Владыкой Тьмы.

Как ни странно, но вторая жена Нейура тоже многое позабыла. Она не помнила, какой ужас и потрясение испытала она при падении Бахлу. Что-то произошло в пустыне. Но что? Душевная боль удерживала овдовевшую королеву от поисков ответа. А отвратительные предметы, разбросанные по пустыне, она обходила, избегала смотреть на них и думать о них. Падение звезд затмило воспоминания об орле. Если Азрарн и спасал ее, или утешал, или вообще что-нибудь с ней делал, то он стер это из ее памяти.

Итак, женщина вошла в каменную башню и легко взобралась по лестницам наверх, настолько привычным стало для нее подниматься по ступенькам Башни Бахлу. В верхней комнате ее встретила Язрет.

Обе испугались и закричали. Так или иначе, но Нейур заставил страдать их обеих. И они оказались связаны между собой каким-то непостижимым образом. В их крайне затруднительном положении холодная сдержанность была неуместна, и они побежали навстречу и обнялись, чтобы хоть как-то поддержать друг друга. Их слезы смешались. Более разумная освободилась от гнета разума, сумасшедшая успокоилась.

Встреча, разумеется, произошла не случайно. Об этом позаботился дотошный Чузар, управлявший событиями из разоренного королевства Шев.

Но в тот момент, когда Чузар, один из Владык Тьмы, собрался покинуть Шев и отправиться восвояси, в полуночной пустыне он повстречался с кем-то... В холодном лунном свете Чузар разглядел, что этот кто-то — тоже Владыка, причем один из самых влиятельных.

Приближение Улума, Владыки Смерти, Чузар мог почувствовать заранее, но Азрарн — далеко не всегда.

Азрарн был не один. За ним по мелкому черному песку следовал эскорт князей ваздру. Луна ярко освещала их прекрасные бледные лица, угольно-черные волосы и глаза. Они ехали, как обычно, на породистых вороных конях Нижнего Мира, Драхим Ванашты. Гривы и хвосты этих коней развевались, как чистый ветер. И кони, так же как и всадники, звенели и сверкали, с головы до ног убранные драгоценными камнями и серебром. Несмотря на то что все они были демонами, творящими зло, князья держались поодаль от Чузара, Владыки Безумия. Они проявляли осторожность, даже когда смотрели на него, чтобы не увидеть больше, чем хотели. Как они это делали? Они искали и находили повод, чтобы наклонить голову или отвести глаза: поигрывали своими кольцами, ласкали коней или внимательно разглядывали небо. Эти демоны были настолько горды, что гордость простого смертного по сравнению с их гордостью выглядела травинкой рядом с кедровым деревом.

И лишь сам Азрарн, повелитель ваздру, не отводил глаз от прикрытого капюшоном полулица Чузара, глядя прямо в его жуткий единственный глаз. Азрарн Прекрасный (заметим, что слово «Прекрасный» — слишком блекло для описания его красоты) был одним из немногих, кто осмеливался открыто смотреть на Чузара. Но при этом и Чузар был одним из немногих, кто осмеливался открыто смотреть на Азрарна. Их пристальные взгляды были загадочны. Они отличались осторожностью и выражали презрение и заинтересованность одновременно. Так Владыки Тьмы и относились друг к другу — слегка заинтересованные, и каждый немного оскорбленный существованием другого.

Сейчас Азрарн Прекрасный (повторим, что это ущербное определение, но слова восхищения на плоской четырехугольной земле, создавшей этого демона, лишь суждение, и не более), итак, Азрарн начал говорить. Его голос разливался в воздухе, как печальная музыка. Чузар улыбался, из вежливости не открывая рта в присутствии Азрарна, и вслушивался в звучание его голоса. Возможно, Чузар заучивал голос Азрарна, чтобы после включить в свою коллекцию.

— Эта пустыня пахнет смертью. Твоих рук дело, мой брат?

— И да и нет, — ответил Чузар самым приятным из своих голосов, напоминавшим голос Азрарна.

— Но если нет, что же ты здесь делаешь, мой брат? — спросил Азрарн с холодной ироничной прямотой.

— Я мог бы спросить тебя о том же, — пробормотал в ответ Чузар, Владыка Безумия.

Тогда Азрарн со всей своей свитой часто посещал землю по ночам. Но именно в это место и в то самое время их, несомненно, привлекла Башня. Возможно, особый запах Бахлу уже давно манил их. И вероятно, они часто бывали по соседству, как обычно заинтригованные и приятно возбужденные саморазрушением людей. Если они действительно были рядом и наблюдали за происходящим... Тогда легенда о черном орле, спасшем вторую жену Нейура, становилась более похожей на правду. Хотя орел мог иметь совсем другое происхождение. Вероятно и то, что демоны не имели отношения к Башне Бахлу вплоть до этой самой ночи и даже не знали о ее существовании, придумывая другие бедствия человечеству. И теперь они поднялись сюда из Нижнего Мира, чтобы выяснить, что же произошло, словно обитатели подвала, услышавшие страшный грохот наверху.

— Мои дела никого не касаются, — сказал Азрарн. — А вот ты здесь, похоже, потрудился на славу.

И он кивком головы указал на испачканный кровью кирпич в двух шагах от серебряного копыта его коня.

Чузар подбросил свои игральные кости и поймал их. На этот раз они были серыми.

— Безумием зовут меня. Безумие я и принес. Люди хотели вторгнуться в жилища богов. Боги

сбросили их вниз.

— Боги? — спросил Азрарн. Двое ваздру плюнули на песок, и песок на секунду засветился в этом месте как огонь. — Боги — это старо.

— Старо или нет, но эта история просто так не кончится. Вот увидите, после этой ночи люди начнут строить новые алтари, возводить новые часовни и выказывать в страхе невероятное почтение старым богам. Будешь им завидовать, брат Азрарн?

— Что за ужасное столетие предстоит нашему Владыке Владык? — печально высказался один из ваздру, все еще не решаясь открыто взглянуть на Чузара. — В одно мгновение ока в Драхим Ванаште здесь пройдет столетие.

— За столетие человечество многое позабудет, — заметил Чузар.

— Что поддерживает твои силы, Чузар? — спросил Азрарн. — Ты, должно быть, утомился. Так долго быть вдали от дома... Я больше не буду тебя задерживать.

— Тебе будет не хватать меня, — сказал Чузар. — Даже ты, мой дорогой, не властен над Безумием.

Затем Чузар исчез. Ваздру напряженно молчали, беспокойно ожидая реакции повелителя. Через некоторое время Азрарн тихо сказал: «Здесь пахнет безумием. Давайте уйдем».

И, как кошмарный сон, ваздру исчезли. Пустыня опустела, но не совсем. Она осталась лежать, залитая светом равнодушной луны...

Часть первая

ГНИЮЩИЙ ПЛОД

Глава первая

СКАЗИТЕЛИ

В небе звучала громкая музыка — музыка заката. На западе сверкала стена чистого красного янтаря, сквозь которую проходило солнце. Остальная часть неба имела дымно-розовый цвет, подобный аромату мускуса. Земля теряла строгость своих очертаний: возвышенности, низины и обширные дюны растворялись в воздухе. Тем не менее на земле тоже гремела музыка. Музыка больших и малых барабанов, колокольчиков и труб; слышались голоса, крики, скрип колес и топот шагов. А когда необъятное небесное светило погасло, внизу зажглась масса огоньков. Все они двигались, и все — в одном направлении. Музыка садящегося солнца и музыка земли текли вместе к западу.

— Куда вы идете? — спрашивали путников на больших дорогах, на узких тропинках, на границе пустыни и оазисов, у деревенских оград. — Куда вы идете с такими песнопениями?

И в ответ звучала песня:

— Мы направляемся в Белшевед, поклониться богам.

Вопрос и ответ являлись призывным сигналом для тех, мимо кого проходила процессия. Люди прекращали покупать и продавать, бросали сельскохозяйственные работы, переставали ссориться и заниматься любовью. Они вливались в движущуюся массу паломников, добавляя к ней свою музыку и новые огни. Танцуя под грохот барабанов, семь тысяч человек шли через пустыню к таинственному Белшеведу. И это была лишь одна процессия из многих.

Когда зашло солнце, паломники остановились, но звуки музыки не затихли. Под этот аккомпанемент люди разбили огромный лагерь. Загорелись костры. Разбросанные по пескам, они напоминали упавшие с солнца капли огненного дождя. Запахи жарящегося мяса и пекущегося хлеба наполняли воздух вместе с мелодиями и светом огней. В лагере не устанавливались какие-нибудь особые порядки. Ведь здесь не было и намека на существование обмана или злобы. Никто не выставлял охрану. Какой смысл? Религиозный порыв вел этих танцующих людей через пустыню. Их не пугал ни ночной холод, ни жуткие завывания голодных хищников. А грабители и злодеи долго в такой компании не задерживались.

Небо тускло, становясь бледно-синим, как пепел цветов. Зажглись звезды. Из пустыни появился человек, высокий и худой. Он тихо, словно пантера, пробирался мимо шатров и костров.

В сумеречной темноте какая-то девушка, стоя на коленях, кормила трех или четырех черных овец. Она подняла голову и посмотрела вслед мужчине. Когда из шатра вышла ее рыжеволосая сестра, девушка кивнула в сторону удалявшегося человека.

— Смотри, Зарет, он опять здесь.

— И правда, его ни с кем не спутаешь, даже со спины, — отозвалась сестра, и ее глаза засветились, словно огоньки. — Он идет, как король.

— Но с ним нет ни слуг, ни охраны.

— Может, такому, как он, они не нужны.

— Но кто хоть раз видел, чтобы он появлялся среди нас днем?

Рыжеволосая девушка подумала: «Я бы не отказалась встретиться с ним и ночью». Ей предстояло выйти замуж за своего двоюродного брата, которого она никогда не видела. Она закрыла глаза, представляя незнакомца своим женихом.

Но к тому времени незнакомец в чернильном плаще уже скрылся с их глаз. Хотя другие все еще видели его, смотрели ему вслед и сонно шептали:

— Кто это?

— Кто-нибудь видел его при свете дня?

— Я видел его при лунном свете.

— Может, это призрак или дух?

— Возможно, если они бывают такими же красивыми, как он.

Другие отзывались о нем менее восторженно.

— Вон идет черный человек. В таком путешествии, как наше, не должно быть недовольных, а он, я думаю, решил перессорить нас.

— Сколько лет я ходил в Белшевед — никаких проблем не было, ни у кого ничего не украли ни разу. А теперь... Третьего дня ночью черная коза моего кузена исчезла из загона. Нашли только кости...

— Он осторожен, как убийца.

— Он бродит, как тень.

Лишенные изящества говорили:

— Он слишком изящен, чтобы быть честным.

Те, кто не выдался ростом, утверждали:

— Он слишком высок, чтобы ему можно было доверять.

А наделенные интуицией вздрагивали, хотя и не знали почему.

Когда незнакомец проходил по лагерю, происходили необъяснимые вещи. Домашняя птичка проклевала прутья своей клетки. Три ночи подряд она принималась старательно долбить их клювом, когда мимо проходил незнакомец, и наконец вылетела из клетки. Через отверстие в шатре птичка ринулась за человеком в темном плаще и стала порхать вокруг него. Не замедляя шага, он протянул руку и взял птицу.

У незнакомца была особенная рука, выразительная и сильная, с очень длинными пальцами. А ногти — как у могущественного властителя, который проводит свою жизнь в праздности, тоже довольно длинные, но не заостренные, а ровно обрезанные, и каждый помечен серебряным крестом.

Птичка затрепетала в этой прохладной и нежной руке и пристально посмотрела в лицо повлекшего ее за собой человека — лицо, едва различимое за складками плаща. Через мгновение крошечная птичка уже парила в темнеющем небе. Казалось, что она почувствовала себя орлом или какой-то огромной мифической ночной птицей. Она бросилась к небесному своду со страстным воодушевлением, пожалуй, слишком сильным для ее слабых крыльев.

Нечто похожее произошло с черной козой. Она рогами продолбила дыру в стенке своего загона и последовала за незнакомцем в пустыню, где к ним подкрался лев. Увидев человека в Плаще, лев распростерся на песке и стал кататься на спине, урча и мурлыкая, как огромная кошка. Но когда человек ушел, лев вспомнил о козе и немедленно повернулся к ней, чтобы убить и съесть. Человек обернулся и бросил через плечо один-единственный взгляд. Его глаза, появившись на мгновение из подобного ночи плаща, блеснули, как две черные звезды, с жестокой жалостью, ироничным сочувствием и безжалостным сожалением.

На песке перед шатром стоял бурдюк с вином. Когда тень незнакомца упала на него, из бурдюка вылетела пробка. Он опрокинулся, и вино пролилось, напоив песок.

Тощая собака завyla без видимой причины и забилась в подушки на хозяйской постели.

Механическая кукла, которая в течение нескольких лет не двигалась, внезапно принялась ходить вперед и назад.

Роза в цветочном горшке ни с того ни с сего сбросила все свои лепестки.

На сухой ветке в охапке, приготовленной для сожжения, вдруг набухла почка.

У большого костра в центре лагеря расположились философы, мудрецы и старцы. Рядом под лампадами с благовонными курениями разместились сказители. Многие участники праздничного паломничества в Белшевед собрались вокруг, чтобы послушать их. Как и подобало случаю, в сказаниях традиционно восхвалялись боги и их благие деяния.

В этот час, перед восходом луны, старцы, как нельзя более кстати, рассказывали старинное предание о глупости Нейура, правителя Шева. О том, как этот богохульник пытался унижить богов и построил высоченную многоярусную Башню, чтобы проткнуть небо. Но боги решили, что знание и сила Верхнего Мира принесут людям вред, и осмотрительно разрушили Башню. Они пощадили только королеву, жену Нейура, которая вымолила у них прощение. Впоследствии эти земли стали священными. Люди приходили отовсюду, чтобы увидеть развалины громадной Башни и руины близлежащего города, покинутого жителями. Они приносили жертвы и возносили молитвы владыкам небес.

В этот момент рассказ прервал ребенок из толпы. Он громко и испуганно спросил, страшны ли на вид боги. Рассказчики улыбнулись и поклонились мудрецам. Один из мудрецов, почтенный старец, важно ответил ребенку:

— Конечно, нет. Боги прекрасны и справедливы. Тем, кто почитает и слушается их, нечего бояться. Боги награждают верующих в них. Тех же, кто спорит, они наказывают. Тогда боги ужасны, ужасны в своем совершенстве и великолепии.

— Но как они все-таки выглядят? — спросил ребенок.

На этот раз старец промолчал, и сказители продолжили повествование.

— Ш-ш-ш, — резко зашикала на ребенка его няня.

— Но, — спросил ребенок, — если я не буду знать, как они выглядят, как же я смогу их узнать и остережться, чтобы не обидеть?

Тогда к ребенку обратился голос. Он зашуршал в ушах мальчика совершенно неожиданно, как шум моря в морской раковине.

— Боги бесцветны, как хрусталь, потому что в их жилах нет крови. Они бесполой. Их глаза холодны, как и их страна, где все заиндевел от мороза. Но тебе, наверно, не удастся их увидеть — они избегают людей.

— О, — только и сказал ребенок. Он посмотрел вверх и увидел бледное лицо человека, склонившегося над ним. Это удивительное лицо слепило, словно полная луна.

Ребенок моргнул, и тотчас человек исчез.

Сказители теперь повествовали о последующих столетиях, пролетевших над пустыней. О том, что предсказания важнее пророчеств, предзнаменования играют большую роль, чем предсказания, а предвидения еще ценнее. О том, как несколько отшельников, живших в развалинах Шева, призвали паломников построить новый город на развалинах старого; город, каждый камень которого будет заложен во славу богов.

Люди на многое способны из ненависти. Но из любви они сделают больше, значительно больше.

Строителей подгоняла любовь так же, как некогда агония и страх смерти заставляли торопиться рабов, возводивших Башню безумия Нейура. То, что время оставило от Шева, они разрушили до основания. Из разбитых камней, как мираж, расцвел новый город. Удивительный город. Исключительный город, совсем не похожий на другие. В нем нет места торговле и уютной семейной жизни. Мимо колоннад и под куполами его храмов каждый год проходят массы паломников. Когда толпы богомольцев приходят совершить поклонение, они оставляют мирские заботы за воротами. Ведь город должен сохранить свою сакральную чистоту, так как это не просто город, а огромный храм: Белшевед.

Когда строители прокапывались сквозь завалы древних улиц Шева, они наткнулись на воду, голубое золото пустыни — затерянное озеро. И этот бирюзовый глаз, глядящий в небо, стал знаком благоволения богов к их замыслам.

Толпа стала расходиться. Люди произвольно начали петь еще одну песню, традиционную для

такого путешествия. О том, как каждый год в одно и то же время люди бросают все свои дела и идут к Белшеведу. Как они стекаются к священному городу с запада, с севера, с юга и с востока, как овцы в стойло, как вино в бурдюк, как усталый человек клонится ко сну; так же естественно они двигаются по направлению к Белшеведу. «И мы, — громко пели люди, — идем с востока на запад, следуем каждый день за солнцем, которое само летит к Белшеведу, чтобы прославить богов. Мы движемся туда, где забываются все печали, исцеляются все боли».

Когда песня закончилась, толпа выглядела еще более счастливой и воодушевленной. Кто-то попросил рассказать легенду о том, как боги спасли мир, когда Злодей, князь демонов, пытался уничтожить ее.

Рассказчики усмехнулись; эта история слишком хорошо запечатлелась в их памяти, потому что была очень популярна. И они выбрали именно ее для следующего рассказа:

«Владыка ночи, Черный Зверь, скрывающийся под землей (такой отвратительный, что сам избегает смотреть на свое отражение), увидел благочестие и красоту человечества и повел несметные силы зла, чтобы покорить землю. Но боги вняли молитвам людей. Они метнули золотую стрелу из самого солнца, которая так сильно обожгла демона, что ему пришлось отступить со всеми своими отвратительными ордами».

При шумном песенном описании беспорядочного бегства чудовищ в свое подземелье толпа громко хохотала. Но нашелся и тот, кто не смеялся. Например, человек в черном плаще. Капюшон не скрывал его лица, освещенного бликами, падающими от лампад сказителей. Этот чужестранец был не просто бледным, он был белее, чем мел. Его глаза горели сухим неугасимым черным огнем. Он был настолько спокоен и тих, что постепенно это спокойствие и тишина разлились от него по рядам слушателей, как будто его неподвижность стала единственной струной, звучащей в ночи снова и снова.

Даже рассказчики услышали этот беззвучный аккорд. Они почувствовали спокойствие и повернулись, чтобы посмотреть на его источник, жмурясь от света лампад. Мудрецы тоже с интересом вглядывались в незнакомца. Наконец, когда тишина охватила все собрание паломников, человек заговорил, и его голос волной пронесся над песками:

— Если уж создание, о котором идет речь, настолько отвратительно, как вы утверждаете, я бы посоветовал вам остерегаться его.

Толпа заворчала. Мудрец, который отвечал на вопрос ребенка, теперь обратился к незнакомцу:

— Господин, нам нечего бояться этого демона. Мы всего в дне пути от Белшеведа. Здесь, как ни в каком другом месте, боги смогут защитить нас от него.

— Да, действительно, — согласился незнакомец и в первый раз улыбнулся.

Мудрец моргнул, но вовремя вспомнил, что находится на пути в святой город. Сейчас внешность и поведение незнакомца не могли сбить его с толку.

— А если бы Злодею все же удалось нанести нам вред, — произнес мудрец, — это означало бы, что боги прогневались на нас и теперь наказывают.

— А... — вздохнул незнакомец. Он опустил веки, как будто в раздумье. Когда он снова открыл глаза, его взгляд напоминал рассвет. — Я тоже расскажу вам кое-что, — сказал незнакомец.

Он был настолько красив и обладал таким прекрасным голосом, что лишь немногие паломники смогли оценить всю его красоту. Как человек, смотрящий на ночное небо и восхищающийся звездами, не может охватить их все одним взглядом, так и они любовались им, думая про себя, что незнакомец очень красив и удивительно говорит, но чувствовали, что он во всем несравнимо лучше их; он смог заинтересовать, околдовать и ошеломить их одним лишь своим присутствием.

Незнакомец вышел прямо на середину освещенного лампадами пространства, и рассказчикам пришлось освободить ему место. Было заметно, что они нервничали, завидуя его умению привлечь слушателей. Легкий ночной бриз пронесся над пустыней и лагерем, заиграв пламенем слабых огней светильников. Полы плаща незнакомца разлетелись, словно их подхватил ветер, хотя это был не ветер. Плащ сам по себе сложился за его спиной, как два черных крыла, и на волосы чужака упал свет далеких звезд. Ветер утих и улегся на песок, как собака, у его ног, и незнакомец начал свой рассказ:

— Однажды прохладным вечером один владетельный князь прогуливался вдоль границы с соседней страной. В той стране царило беззаконие. Поэтому правитель не удивился, когда узнал, что ее жителей одного за другим убивало страшное чудовище. Тогда князь, а он всегда принимал близко к сердцу судьбы своих соседей, видя их бедственное положение и понимая, что они обречены на уничтожение, решил найти чудище и избавиться от него.

Решив так, он покинул свои владения и отправился странствовать по стране беззакония. На своем пути он встречал ужасные разрушения, которые произвело чудовище. Наконец князь обнаружил его логово и, стоя на голой скале, он вызвал чудовище на бой. И оно вышло, ужасное, жирное и лоснящееся от крови. Чудовище, пресыщенное людскими страданиями, впитало в себя всю их силу. Но князь не дрогнул. Он вытащил из серебряных ножен свой единственный меч и вступил в неравную схватку с этой грязной тушей. Сверкали молнии и грохотал гром. Земля трещала и раскалывалась. Чудовище изрыгало ядовитый огонь и осыпало князя дождем из стальных осколков. Осколки обжигали и ранили его, тонкие иглы вонзались в тело. Князь лишился глаз, но, даже ослепнув, он не сложил оружия. Ему казалось, что он бьется уже целое столетие, испытывая смертельную боль и ужас. И вот наконец мертвое отвратительное чудовище распласталось перед ним. Но князь замертво рухнул на труп поверженного соперника.

Здесь незнакомец прервал рассказ и медленно обернулся, чтобы посмотреть на слушателей. Он вгляделся в каждое лицо, впился в каждую пару глаз своим пронизательным нечеловеческим взглядом. Его голос околдовал всех. Рассказ произвел впечатление. С невыносимой болью люди слушали его, и им казалось, что сам рассказчик испытывает такую же боль. Хотя никто не понял, откуда им известно о его чувствах, ведь голос незнакомца был очень спокойным, а лицо лишено всякого выражения. Рассказчик продолжил:

— Подданные князя отправились на поиски и случайно наткнулись на его тело. Они неплохо разбирались в колдовстве и решили воскресить его. Но для этого нужны были слезы. Казалось бы, в таких обстоятельствах не составит труда раздобыть этот важнейший компонент. Подданные князя немедленно пошли к жителям соседней страны, ради которых он принес себя в жертву, и попросили их поплакать о нем. Но эти добрые соседи лишь отворачивались со словами: «Мы знаем, кого вы имеете в виду, но не верим вам. Вы — лжецы, и мы не пророним ни единой слезинки ради вашего владыки...»

— Вам это не кажется странным? — обратился рассказчик к толпе. Некоторые поежились, услышав вопрос. У некоторых появилось странное чувство вины, стыда и страха... — Но самая удивительная часть рассказа еще впереди...

Подданные князя пролили немало слез, этого и оказалось достаточно для того, чтобы наконец поднять их повелителя из мрачного преддверия ада, в котором тот пребывал все это время. Благородный владыка воскрес. Возвращаясь в свои владения, он случайно взглянул в сторону соседней страны. Все пребывало, как и прежде, в полном запустении, но теперь там проходило всеобщее празднество. Движимый любопытством, князь подъехал поближе. Он увидел, как его соседи воздвигли бесформенный камень и танцевали вокруг него под веселые звуки труб и барабанов. Время от времени кто-нибудь обнимал камень, возливал на него масло или вино. Изумленный — его взору предстало поистине удивительное зрелище — князь спросил, какой здесь совершается обряд.

— Мы почитаем нашего доброго бога, — ответили соседи. — Он спас нас от ужасного чудовища.

Князь некоторое время смотрел на камень, но видел лишь обычную скалу. Мертвую, лишенную всякой божественности. Грубую, бесстрастную, бесчувственную.

Тогда он произнес:

— Простите, мою глупость, но я слышал, что в соседней с вами стране есть князь, который нашел чудовище и убил его мечом.

На что соседи возразили:

— Мы тоже слышали такую ложь, но этот гнусный предатель из соседнего королевства для нас более отвратителен, чем само чудовище. Пожалуйста, не упоминай больше его имени.

Незнакомец давно закончил говорить, а люди все продолжали сидеть в тишине. Они опустили головы

и погрузились в глубокую задумчивость, словно от стыда и унижения. Пока еще толпа не осознала, что именно с ней произошло, откуда возникло это неприятное ощущение в разгар праздника.

Тогда мудрец громко и четко ответил незнакомцу:

— Любопытный намек, господин. Если я правильно тебя понял, ты, кажется, внушаешь нам мысль, что тот, чьего имени не принято называть, Владыка Тьмы, когда-то спас мир.

На этот раз темный рассказчик не стал оглядывать толпу. Он ответил:

— Вы полагаете, что боги настолько ценят людей, что спешат их спасти? По-моему, вы ошибаетесь.

— А ты считаешь, что они просто камни? — строго возразил мудрец.

— Что ж, признаюсь, что погорячился. Если ударить камень, то он может внутри оказаться драгоценным или из него забьет родник. Из камня строят дома, на них вырезают надписи. Камень на что-нибудь да сгодится.

— Твое богохульство отвратительно, — возмущился мудрец, и толпа в свою очередь недовольно заворчала. — Лучше вспомни Башню Бахлу и то, как ее разрушили боги, чтобы излечить человечество от гордыни.

— Гордыни? — спросил незнакомец ласково. — У вас есть то, чем можно гордиться? Например, жизнью, пролетающей в мгновение ока? Или еще более короткой памятью? А может, головой, которая так пуста, что паук с легкостью сплетет там паутину? Или религией? Вы ведь так гордитесь этим сладким и сочным плодом веры? Но плоды портятся. Что ж, если Владыка Тьмы повел себя недостаточно мудро в прошлом, спасая вас от самих себя, он не сделает этого больше никогда.

И лишь через какое-то время все заметили, что человек в черном, говоря о человечестве, употреблял местоимение «вы», а не «мы».

Когда незнакомец замолчал, произошло нечто невероятное. Хотя воздух был неподвижен, вдруг налетел ветер и бесшумно задул пламя в каждом светильнике. Все огни вокруг погасли, так что внезапно весь лагерь оказался в темноте под блеском далеких звезд.

В темноте незнакомец ушел. А когда люди снова зажгли лампы, то обрадовались, что он исчез, хотя так и не узнали в нем Аззарна. Некоторые, однако, разозлились и начали его искать. К тому же и мудрецы решили, что такое богохульство должно быть наказано.

Возможно, в течение веков они уже не раз наказывали Аззарна, они и их предки. Хотя, по правде говоря, он не имел права так вести себя с ними. Абсолютно никакого права, даже в справедливом гневе. Он играл с человечеством веками. Он начал свою игру еще до того, как возникли люди, хотя прекрасно знал, что не стоит играть с этими маленькими созданиями, которые выползли из моря хаоса на плоскую четырехугольную землю; с этими частицами и атомами, с которых началась смертная жизнь. Аззарн так часто играл с людьми, словно ребенок, который не может расстаться со своими игрушками, что вскоре стал чужим среди них. Однажды он уже пожертвовал собой для спасения мира. Владыка Страха прекрасно понимал, что без мира, который можно терзать и в котором можно переворачивать все с ног на голову, его собственная вечная жизнь станет скучной. А может, это все легенды, выдумки поэтов и рассказчиков.

Конечно, Аззарн не сомневался, что его деяния позабудут и исказят в Верхнем Мире. Но так ярко продемонстрированная забывчивость человечества уязвила его. Вероятно, этот удар оказался еще сильнее из-за того, что запоздал. Если он всего лишь завидовал безразличным ко всему богам, наблюдая, как безумно почитают их люди, то насколько горше оказалось увидеть, что забыт он сам, а воспоминания о нем настолько искажены. Это невероятно, чтобы Аззарна Прекрасного вспоминали как отвратительного убийцу. Но, возможно, сильнее всего его разозлило неуважение людей.

Или, может быть, этот Владыка Страха однажды показал, что способен на любовь, и ожидал, что взамен полюбят и его самого? И теперь обнаружил, что это не так. Он понял, что над ним смеются. Испытал самое ужасное из всего возможного — разочаровался в собственных ожиданиях.

Группы молодых людей рыскали по лагерю в поисках нечестивца. Каждый нес палку, некоторые держали наготове ножи, а один или два размахивали длинными кожаными бичами, взятыми в поход,

чтобы отпугивать хищников, а если придется, то и людей.

— Мы не можем допустить, чтобы вместе с нами в святой город пришел и этот негодяй, — рассуждали они между собой. — А что, если в городе не зазвучат гимны в честь нашего приближения? Вдруг он застонет от гнева, если этот демон подойдет близко. Надо поскорее найти нечестивца и отколотить как следует.

С этими словами расхорохорившиеся юнцы разошлись. Они излазили весь лагерь вдоль и поперек, поднимая страшный шум, опрокидывая кухонные котлы и ненадежные стойки шатров, спотыкаясь среди коз и овец, пугая детей и молоденьких девушек. И при этом свирепо выкрикивали проклятия и угрозы.

Сначала они не нашли даже следа незнакомца. Может, он растворился в воздухе или превратился в песок? Но потом они все чаще стали замечать вдали его фигуру — то на том повороте, то на этом. Незнакомец то таился в тени между двумя шатрами, то пересекал загон для скота, беспокоя их при этом не больше, чем сама ночь.

Среди молодежи были три брата, каждый с бичом в руках. Они изрядно хлебнули вина, что особенно подхлестнуло их религиозное рвение. Довольно скоро они отчаялись поймать человека в черном совместно со своими товарищами и решили поохотиться отдельно.

— Я надеюсь, что почтенный мудрый старец одарит нас какой-нибудь особой реликвией из Белшеведа, возможно, даже золотым талисманом, если мы приведем злодея в суд, — поделился с остальными младший брат.

— Не думаю, — вздохнул средний. — Но кто знает, какое благословение могут ниспослать боги на своих защитников?

— Постойте, — прервал их старший брат, теребя свою плетть, — у меня есть подозрение, что этот нечестивец — маг, способный менять облик. Иначе как ему удастся так долго водить нас за нос?

Как раз в этот момент они вышли на открытое безлюдное пространство между шатрами. Здесь в свете звезд, на угольно-черном песке стоял тот, кого они искали.

Увидев его, младший брат быстро развернул кнут и хлестнул им незнакомца. Тот вскинул руку и поймал конец кнута так легко, словно это был шарф.

Парня поразило то, что незнакомец даже не вскрикнул, словно не испытал боли. Но молодому человеку предстояло изумиться еще раз. Холодный дикий огонь выпрыгнул из кулака незнакомца и заскользил, пульсируя, вдоль по кнуту. Парень уставился на этот свет, а когда осознал, что движется он к его руке, то попытался бросить кнут. Но тут он почувствовал, что не может даже отпустить рукоятку. Поняв это, он громко завопил. А полоска огня уже бежала по ручке. Он ждал боли, потому что свечение кнута напоминало скользкую по металлу молнию. Но как только огонь вошел в его руку, он сразу понял, что никакой боли не будет, только наслаждение. Через суставы пальцев, запястье, локоть и плечо это чувство постепенно растекалось, словно расплавленное серебро, и наполнило собой все его тело, конечности и голову. Со стоном парень упал на землю и в экстазе лишился чувств.

После этого Азрарн отпустил конец кнута, и огонь в нем погас.

Два старших брата удивленно глядели то на лежащего в обмороке юношу, то на чародея. Весь их боевой задор вдруг улетучился, и они опустили руки.

— Видите, я отплатил ему наслаждением за удар, — наконец произнес Азрарн.

— Мы видим лишь то, что ты волшебник, — отозвался старший брат.

— Вы льстите мне, — сказал Азрарн. Его голос был холоден, слишком холоден, чтобы они могли понять его истинный холод, но в то же время казался теплее, чем был, словно горящий лед.

— Волшебник путешествовал бы по стране со слугами и всем своим богатством, — упрямо возразил средний брат. — Или прискакал бы по небу на черном коне с крыльями, как у ворона.

Младший брат, лежавший на песке, пришел в себя и прошептал:

— Он не волшебник, он — бог.

Таков был приговор удовольствия.

Но Азрарн повернулся вполоборота, шагнул сквозь ткань вечера, будто протиснулся через узкую дверь, и пропал.

Старший брат подошел к тому месту, где только что стоял князь демонов, и взглянул вниз. На земле лежали три сверкающих драгоценных камня. Они были похожи на самые темные рубины, и казалось, что они очень твердые, тверже обсидиана. На парня накатилась необъяснимая волна ужаса, и он торопливо поддал ногой песок и засыпал их. Он не смог бы точно сказать, что это были за камни, но в глубине души наверняка догадывался, что это вовсе не камни, а три капли ценнейшей крови ваздру, упавшие с пальцев Азрарна. Князь демонов мог без труда защитить себя от любого вида оружия, от любой силы, кроме силы солнца. Солнца, ради которого он однажды пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти мир. Но Азрарн предпочел принять свистящий удар кнута, разрезавший, словно нож, его ладонь.

Это был символ, возможно, тайный знак, который князь демонов подал земле. Знак, говоривший, что, поранив его, земля поранила себя. Воистину, Азрарн был ранен этой ночью, и не только в руку.

Глава вторая

ВСЕ О БЕЛШЕВЕДЕ

Сочны и сладки были плоды веры. С востока и запада, с севера и юга, один раз в год приходили люди и собирались рядом с Белшеведом. Старики видели этот город уже много раз, а самые юные знали о нем понаслышке. Древний Шев, покоившийся теперь под Белшеведом, за обилие водных источников в старину называли Кувшином. Белшевед же считался «Городом, который боги создали из кувшина». А некоторые называли его еще и Лунным городом, потому что он был белым, словно луна.

Удивительно, но если смотреть издалека, то днем, на фоне голубого неба и рыжевато-коричневых песков, белизна Белшеведа представлялась полным отсутствием цвета. И дети, впервые видевшие его, иногда спрашивали: «Кто разорвал небо?». Ночью, светясь, как соляная скала, город, казалось, испускал собственное сияние. Лишь перед теми, кто приближался к Белшеведу с запада, город представал более темным. Ведь они видели его на фоне восходящей луны; но и тогда это была темнота чистого серебра.

Люди наводняли Белшевед лишь один раз в год, в течение всего нескольких дней, пока длился праздник поклонения. Поэтому город успевал остаться чистым. Дыма, поднимавшегося от каминов и алтарей, не хватало, чтобы закоптить его. Даже во время праздника никто не входил в город просто так, чтобы не осквернить его. Напротив, множество лагерей было беспорядочно разбросано вокруг Белшеведа, и каждый из них располагался самое малое в сотне шагов от городских стен. Ворота были открыты день и ночь. Но тот, кто входил через них, входил как гость, — навестить богов в их доме, поклониться им и принести подарки. Никто никогда не злоупотреблял гостеприимством. Празднования и спортивные состязания проводились всегда снаружи, не менее чем в сотне шагов от белоснежного Белшеведа. Белизна этого города была настолько исключительна, так очаровывала, что никто из приходивших сюда не возражал против такого запрета. И город по-своему оплачивал им. Каждый год, когда паломники возвращались к Белшеведу, он, казалось, становился еще прекраснее.

В радиусе лиги от города к нему стекались дорожки, как вода из пустыни. Эти широкие дорожки все как одна были вымощены гладкими блестящими камнями, вызывавшими удивление своей формой. Иногда над дорожками проносился песок, но они всегда оставались чистыми. Песок никогда даже частично не заносил дорожки, ведущие в город, дольше чем на мгновение. Ближе к городу вдоль дорожек появлялись ряды деревьев, сформированных и подстриженных с большим вкусом. Так что богомольцы, шедшие под палящим дневным солнцем, неожиданно попадали в тенистые зеленые аллеи. В четверти лиги от города на пути паломников встречались маленькие фонтаны и небольшие сосуды в форме изящных местных или причудливых мифических животных. Сосуды были вырезаны из того же молочно-белого камня, что и сам Белшевед.

С этого расстояния стены города закрывали собой большую часть горизонта. Создавалось впечатление, что это склоны гор, покрытые снегом. У подножия этих гор-стен, едва отличаясь от них белизной, буйным цветом цвели деревья. Возвышавшиеся над стенами купола и шпили, казалось, трепетали, словно цветы гибискуса или белые гиацинты. А белые птицы перелетали от башни к башне, как пчелы в поисках нектара.

На каждую из четырех сторон света выходили главные ворота. В них переливались три оттенка белого цвета: ярко-белая сталь, украшенная панелями нежной желтовато-белой слоновой кости, укрепленными гвоздями с огромными полированными шляпками из бледных цирконов.

Когда люди подходили к Белшеведу, город пел для них. Издалека их встречал едва различимый звук, но по мере их приближения он становился все громче и громче, разрастался, чтобы приветствовать их. Песня была мелодичной, но при этом таинственно дребезжащей, будто это нашептывал гром или тысячи ос жужжали в стеклянном улье.

Процессии паломников текли по блестящим, свободным от песка дорожкам к Белшеведу, и торжественный гимн пенился в котле древнего города. Когда богомольцы приблизились к городу на дозволенное количество шагов, гимн растворился в небесах.

Паломники в изумлении (которое год от года не уменьшалось) застыли на месте. Они вслушивались в тишину, последовавшую за песней. Тишина воцарилась над нетающими снежными холмами пустыни и птицами, порхавшими над гибискусовыми минаретами.

— Он так похож на город богов, — восхищались люди, не имея понятия о том, что у богов нет городов и они совсем не хотят владеть ими.

Добиравшиеся до Белшеведа ночью тоже слышали песню, возносящуюся из города в небеса, будто столб невидимого звучащего пара. По ночам купола светились, как громадные призрачные жемчужины. А ночные цветы распускались в садах, и их ароматы, словно духи, волнами проносились по воздуху.

Так выглядел Белшевед снаружи.

Внутреннее убранство города было не менее впечатляющим.

Войдя сквозь одни из четырех высоких ворот, паломник оказывался на широкой прямой дороге, выложенной мозаиками из очень бледного мрамора. Мозаики эти не изображали ничего конкретного, на них были лишь туманные разводы, напоминающие клубы пара или облака. Такие, будто воздушные, дороги вели от каждых ворот к сердцу города. По обеим сторонам дорог стояли храмы, тесно прижавшись друг к другу, как дома обычного города. Некоторые из них были так велики, что их похожее на цветы снежные купола сливались с небом. Окна из небесно-голубого стекла освещались изнутри, и каждое было сделано в виде цветка, листа или какой-нибудь абстрактной формы — истинное воплощение божественных грез. Другие строения, изящные и миниатюрные, восхищали хрустальными остроконечными башенками и алебастровыми лепными украшениями. Фигурные лестницы петляли вверх и вниз, напоминая скрипичные ключи. Колоннады окаймляли входы и выходы, а сами колонны были вырезаны в виде женских фигур или деревьев. Деревья внутри города цвели так же пышно, как и за его пределами. От дуновения ветра лепестки осыпались с них, словно снег.

Четыре главные дороги оканчивались в центре священного города у берега чудесного озера. Бирюзовая вода его почиталась за знак благоволения богов. Сверху над бирюзой изогнулись четыре белые дуги мостов. Вместе со своими отражениями в воде они образовывали овалы. Мосты сходились к светящейся диадеме — центральному храму Белшеведа.

Храм не был построен из белого камня, он был облицован пластинками из бледного золота и походил на сказочную ящерицу. Драгоценное ядро сладкого плода веры.

Люди восклицали: «Смотрите, таким и должно быть жилище богов».

Но они ошибались. Жилища богов строились из особенного материала. И ни одному человеку не дано их увидеть, даже если бы он смог проникнуть в Верхний Мир.

Пришедший в город богомолец, остановившись над блестящей поверхностью озера на одном из мостов, украшенных причудливой резьбой, ясно различал внутри туманного храма фигуры в белых одеяниях, подобные призракам.

Большинство обитателей этого мира жило в разных концах плоской земли и возвращалось к этому источнику веры только раз в год. Но были и такие, кто постоянно жил в Белшеведе. Эти люди закрывали городские ворота, поддерживали горевшие там огни, ухаживали за цветущими во славу богов цветами — делали все для того, чтобы красота города не меркла.

Эти немногие выбирались из людей определенного типа. Представление о том, как выглядят боги, сложившееся к тому времени в людских умах, перенесли на смертных. Служившие в городе имели приятную внешность и были стройны. Их белая прозрачная кожа никогда не увядала, потому что ее состояние постоянно поддерживалось религиозными постами, диетой и втиранием целебных мазей. Волосы как мужчинам, так и женщинам полагалось иметь золотистые и осветлять их почти до цвета платины.

Все они были какими-то особенными, отличаясь от простых смертных туманными взглядами и плавными жестами. Они выглядели отрешенными, избранными людьми.

И все же эти избранники божии когда-то были отобраны из обычных людей. Но люди намеренно забыли о происхождении своих жрецов и жриц, так же как забыли, что город был построен на их

собственные средства, придуман и спроектирован их собственными учеными и математиками, наполнен чудесами, созданными их собственными магами.

Когда служители небес приближались, люди кланялись, трепеща от благоговения и страха.

В сердце золотого храма на спинах двух громадных золотых созданий с головами ястребов, туловищами львов и хвостами гигантских рыб покоился алтарь из полупрозрачного кристалла небесно-голубого цвета. Внутри алтаря плыли по кругу опаловые облака и созвездия. Когда храм наполнялся верующими, двери закрывались, и в медовой полутьме астрологический алтарь начинал светиться. Слуги небес пели сладкими голосами, бесстрашно стоя между лапами двух животных, которые, внезапно открыв клювы, кричали медными резонирующими голосами: «Кто любит богов, тот познает вечное блаженство».

После песнопений из алтаря медленно выплывал наружу светящийся шар. Могло показаться, что это второе солнце. Его сияние было способно ослепить, но не ослепляло, потому что в середине мнимого солнца виднелись перемещающиеся фигуры. Никто впоследствии не мог описать увиденное. Некоторые утверждали, что внутри мелькали образы самих богов, окутанные какой-то цветной дымкой. Другие говорили о разыгранных перед ними сценах, отражавших счастливые события из их прошлого или предсказывавших будущее. Некоторые скромно упоминали о видениях рая или картинах других миров. Одни плакали, другие хохотали, а некоторые падали в обморок прямо на мозаичный пол, если было куда упасть.

Но когда блеск пропадал, все приходило в себя. Ошеломленные паломники продвигались к открытым дверям, собираясь принести в жертву богам кровь, драгоценные камни или вино в храмы, что стояли повсюду вокруг озера. Там они исповедовались невидимым за ажурными ширмами духовникам, перечисляя свои грехи и дурные предчувствия, представлявшие в этот момент маловажными, и поэтому о них было легко рассказывать в надежде избежать их в будущем. Паломникам казалось, что их души очищены и пропитаны чудесными эликсирами. Потом они перерезали горло маленьким ягнятам и жарили их мясо на голубом огне, всхлиывая о судьбе этих милых животных и о том, что все на свете находится в руках милосердных и добрых богов.

Дневная серовато-коричневая пелена на небе сместилась к западной кромке земли. Темные пески ночи, громоздившиеся у порога зашедшего солнца, теперь окончательно погребли его.

Между группами шатров скрытно пробирался молодой человек. Он двигался странно: неуверенно и в то же время целеустремленно. В сумерках загорелись лампы, костры, звезды, а бледный призрак города, словно парус стоящего на якоре корабля, отдыхал посреди окружившего его лагеря.

Юноша, младший из трех братьев, далеко отошел от места расположения своего лагеря. Он пробирался через пески, далеко огибая городские стены, придерживаясь правила не приближаться к ним ближе, чем на расстояние в сто шагов. Он завернулся в плащ, хотя ночь выдалась теплая.

Наконец он подошел к рощице благоухающих деревьев, где несколько девушек набирали воду из украшенной орнаментом огромной чаши.

Эти девушки почти одновременно заметили странного парня, покинувшего свой лагерь. Они не узнали его, но две из них непроизвольно затаили дыхание. Девушки сразу вспомнили о другом незнакомце, который иногда бродил ночью по лагерю. Но плащ того будто бы имел черные крылья... Однако этот незнакомец не казался таким уж важным, скорее он выглядел застенчивым. Девушки захихикали над ним, прикрывшись рукавами.

Выждав немного, юноша кивком подозвал одну из девушек и, когда она подошла, сказал:

— Извини, что отрываю тебя от дела, но я ищу шатер мастера, изготавливающего сумки.

— Которого? Седобородого или другого, хромого?

— Или старого Кривоноса? У него еще жена похожа на козу! — смело вмешался в разговор звонкий голосок другой девушки.

Юноша потупил взгляд и плотнее закутался в плащ. Казалось, он нес что-то под плащом, вероятно, сумку, которая требовала ремонта.

— Наверно, того, которого вы назвали Кривоносом, — ответил парень. — Если это он живет на краю лагеря, ближе к пустыне.

— Там нет никакого мастера сумок, — заявила третья девушка.

— Значит, я ошибся... — начал юноша озабоченно, но его остановила вторая девушка.

— Он разыскивает хромого, который вчера перенес свой шатер подальше от нас и все ворчал, что наш шум нарушает его религиозные размышления. Правда, я сомневаюсь, что он займется сумками, — добавила она. — Он хочет, чтобы в его голове водились только благочестивые мысли.

— Тем не менее могу я попросить вас отвести меня к нему? — настаивал юноша.

Девушки яростно трянули волосами и уставились на него, как стая львиц.

— Это недалеко. Разве такой большой и сильный бык, как ты, не может сам найти дорогу?

— Увы! — отозвался юноша. — Мне мешает мой недостаток: я слеп на один глаз.

Девушки смутились. Вблизи святого города можно было бы вести себя и получше с увечным человеком и, уж конечно, говорить повежливее.

— Я провожу тебя, — быстро отозвалась смелая девушка. Она поспешила к юноше и взяла его за руку. — Это там.

Оставив остальных, девушка повела путника мимо деревьев к шатров в более пустынную часть лагеря, где шатров было мало и они стояли далеко друг от друга.

На земле сгущались тени, небо уже надевало свой звездный наряд. Внезапно юноша остановился и беспокойно заерзал.

— Что случилось?

— У меня был кошелек для мастера. Но, кажется, он соскользнул с моего кушака.

— Я не слышала звона монет.

— Это неудивительно. У меня слишком мало денег, чтобы они звенели. Пожалуйста, поищи на земле, может быть, ты найдешь мой кошелек, потому что я мало на что способен в темноте.

Девушка нагнулась к земле, ища кошелек, хотя и не слышала его падения. Как только она сделала это, мнимый калека тут же крепко схватил ее и зажал ей ноздри и рот. Не обращая внимания на отчаянные попытки девушки вырваться, внезапно прозревший юноша держал несчастную до тех пор, пока она не потеряла сознание от нехватки воздуха.

По пустыне бродили львы. Теперь их стало на одного больше. Новоиспеченный «лев» тащил безжизненное тело девушки, но не в пасти, а на руках. Кроме того, он нес разные приспособления, которыми настоящий лев не смог бы воспользоваться, — кусок веревки, кусок материи и свернутый в кольцо кнут.

«Лев» уходил через ночные пески все дальше: прочь от этих паломников, от их огней, их песен, их религии — туда, где его не увидят боги Белшеведа.

Здесь, у скал, юноша связал девушку веревкой и бросил на землю. Он заткнул ее красивый рот грязным кляпом и развернул кнут. Тот самый кнут, который он посмел поднять на Азрарна и который князь демонов схватил рукой. Тогда холодная молния зажглась на конце кнута, прошла через кнутовище в тело дерзкого юноши и превратилась в истому. Он запомнил это сладкое мучение.

Теперь юноша поднимал кнут и хлестнул им свою жертву. Когда конец кнута коснулся тела, врезаясь в него, словно нож, младший брат почувствовал, как огонь — невидимый, но все же ощущаемый каждым нервом — заскользил к нему вдоль скрученной кожи кнута. При втором ударе огонь проник в кнутовище. При третьем ударе наслаждение, как расплавленное серебро, потекло по руке безумца, и он застонал.

На девятом ударе, вскрикнув, юноша без сознания упал на песок.

Позднее, когда взошла луна, юноша поднялся со страшной свинцовой тяжестью в сердце и во всем теле. Он пополз, как жалкая тварь, чтобы взглянуть на объект своей страсти. Несчастный изверг наклонился

к окровавленному плечу, но девушка умерла еще на седьмом ударе: кнут перебил артерию, когда красавица лежала без сознания. По крайней мере в этом Судьба была к ней благосклонна.

Луна взобралась на небо, подглядывая за безумцем. А он тем временем закопал свою жертву в песок и песком же очистил свои руки от крови. Слезы текли по его щекам, а душа ныла. Но при воспоминании об огне, вытекающем из кнута, пульс юноши ускорился, и в отчаянии он понял, что ему придется убивать еще не раз. Такова оказалась кара, которую он навлек на себя. Таков был черноволосый «бог», одаривший ею.

Возвращаясь к своему лагерю через рощу, юноша заметил ребенка, спящего под деревом. Поблизости никого не было, и убийца развернул кнут. Ребенок даже не успел закричать: ему перерезало горло первым же ударом — Судьба снова оказалась милосердна. Свой собственный стон безумец сдержал, задыхаясь от наслаждения и боли, и впал в состояние, подобное смерти.

Когда младший брат на этот раз пришел в себя, его стошнило. Не задерживаясь, чтобы закопать тело, он убежал, скрывая окровавленные руки под плащом.

Одержимый больше не мог вынести этого. Надо было хоть как-то оправдать эту непреодолимую тягу к убийству. Например, так: «Бог посетил меня и приказал так поступать. Это не моя воля, а его». Плача от страха, но заручившись небесным приказом, молодой человек спрятался в шатре своих братьев.

Однажды ночью тот самый почтенный мудрец, который спорил с Азарном о природе богов, глубоко задумался.

Станные мысли, полностью охватившие его, зародились в потайных уголках его сознания, а может быть, в самой ночи. Хотя он не считал, что боги являются камнями, как в притче незнакомца, но все же возможно ли, чтоб боги реально «присутствовали» в камне? А во всех камнях, разбросанных по земле?

И вот старец представил, что он идет по равнине при свете луны. Там и здесь камни излучали какой-то сверхъестественный свет, но кое-где они не светились, и мудрец случайно наступил на один из них. Его охватил ужас от совершенного святотатства. А потом старец услышал: «Кто топчет богов, познает вечное страдание», — и ему показалось, что это прокричал камень. После того как то же самое повторялось много раз, больше, чем он мог сосчитать, почтенный философ осознал свою ошибку. Теперь он пытался проходить между камнями и никогда больше не наступать на них. Но как он ни старался, какой-нибудь кремь или осколок камня попадал в конце концов под его ногу, и крик раздавался снова.

Наконец старец решил остановиться навсегда, и так он стоял в центре равнины, приготовившись, как ему представлялось, к вечности.

Очнувшись от грез, мудрец услышал зловеющий шум, встал и в беспокойстве прошелся по шатру. Снаружи светила луна — лампада, подвешенная к небесному своду. При ее свете старый мудрец увидел, что его сосед-точильщик по простоте душевной точит ножи в столь неподходящее время. Мудрец, увидев искры, вылетающие из камня, ужасно рассердился. Он накинулся на точильщика и стал бить его по голове.

— Как ты осмелился, — закричал мудрец, — оскорбить этот священный предмет, в котором присутствует божественное начало!

От неожиданности точильщик упал с табуретки, а почтенный старец направился дальше и увидел молодую женщину, пекущую хлебы на плоском камне. Мудрец отколотил и ее, а пищу бросил в огонь.

— Богохульница! Нельзя печь хлебы на груди у бога.

И, повернувшись, чтобы идти прочь от нее, старец поскользнулся на гальке, с трудом преклонил колени и взял камешек в свои узловатые старческие руки. Руки эти были все в синяках от ударов, которыми они осыпали мужчин и женщин. А мудрый старый философ вымаливал прощение у камня.

Луна зашла. В задней комнате шатра лежала девушка с рыжевато-коричневыми волосами и размышляла. За стеной спали ее сестры. Это была ее первая брачная ночь. Жених, ее двоюродный брат, которого она видела не более трех раз, привел красавицу в их спальню и запер дверь на засов.

Девушка впала в тоску. В общем, ей нравилось, когда на нее смотрят мужчины, но сама она никогда ими не интересовалась. И хотя сердце новобрачной было свободно, мужа своего она невзлюбила.

— Ну же, дорогая Зарет, — торопил он, — ложись ко мне.

Они легли на диван со множеством подушек. Жених неловко расстегнул пояс Зарет, ощупал вышивку на корсаже и вынул блестящие хрустальные, шпильки из ее волос.

Пока он проделывал все это, легкое чувство отвращения и недоверия, уже зародившееся в девушке, усилилось. Вдруг ее взгляд привлекло узкое окно. Там, за железной решеткой, сидел черный бархатистый кот и смотрел на нее глазами-озерами. В этих глазах юная красавица прочла послание, такое же ясное, как если бы оно было написано буквами: «Тебе стоит лишь поднять одну из своих острых шпилек, которыми этот болван только что поцарапал тебя, и воткнуть ему в голову. Сделай так, и у тебя будет другой, лучший любовник».

И Зарет вспомнила темного мужчину, проходившего между шатрами в ночь накануне их прихода в Белшевед.

Тем временем жених тискал и щипал ее груди. Когда он придавил Зарет своим телом, словно упавший мул, девушка подумала: «А что, если незнакомец был богом, темным богом из белоснежного города. Вдруг он выбрал бы меня себе в невесты, а этот увалень — единственное препятствие. Тогда, избавившись от него, я лишь докажу свою веру».

В этот момент ненавистный жених начал продвигаться своими неловкими пальцами вниз по телу Зарет. Девушка, изменившись в лице, схватила ближайшую шпильку и воткнула ему в глаз. Он умер беззвучно, и безжизненное тело тут же откатилось в сторону. Но красавица в тот же миг забыла об этом, потому что в следующую секунду черный кот упал на ее грудь, как бархатная перчатка.

Лишь мгновение это создание оставалось котом. Затем оно превратилось в мужчину. Девушка увидела его лицо мельком, но этого хватило, чтобы оценить его красоту. Лицо обрамляли длинные черные вьющиеся волосы. И еще были глаза — черные омуты. Но все-таки девушка поняла, что перед ней не тот изумительный незнакомец, которого она видела тогда ночью между шатрами, а кто-то другой, всего лишь чуть-чуть менее привлекательный. И все же он был прекрасен, этот другой незнакомец; прекрасен телом и искусен в ласках. Ночной гость накрыл ее, словно бледная тень, и даже его дыхание оказалось чудесным, пьянило ее... и красавица, опьяненная, решила, что бог принял этот человеческий облик, чтобы не поразить ее своей божественной энергией.

Затем демон — мечта Зарет (а это был действительно демон, один из эшва, служивших ваздру, князьям Подземного Мира, — демон, от ласк которого млели все женщины и открывались даже дверные замки) — начал ласкать ее, и от этих ласк тело девушки таяло, и внутри все пульсировало. Ее тело изменилось, когда демон коснулся его. Волны горячей слабости прошли вниз по рукам Зарет под его пальцами, груди набухли, а живот под нажимом его серебряной мускулистой плоти стал излучать свет. Когда демон проник в нее, хотя Зарет и была девственницей, она не почувствовала боли, лишь ощутила в себе сильный и прямой стержень, как если бы две части разделенного целого соединились в чудесном исцелении. Он двигался по ней сначала медленно, словно река, и эта река постепенно увеличивала скорость своего течения. Зарет знала только его тело, видела только его глаза. И река несла ее к бездонным омутам его глаз. Красавица уже приготовилась броситься в них и утонуть. Как она желала этого! Она даже начала сама плыть по течению, умоляя воды омутов сомкнуться над ее головой.

И тут она почувствовала землю, ущелье расколосось, и Зарет захлестнул вихрь экстаза. Но экстаза особого рода.

В первые моменты она боролась в зелени и сапфирах, ослепивших ее и заставивших даже всхлипнуть. Но это оказалось лишь началом, и теперь ее захлестнули волны второго экстаза. Он был цвета вина, и в нем все ее чувства слились в одно, которое прошло сквозь нее, словно ось вращающейся звезды, закружившей саму Зарет. И это вращение бросило красавицу в бездну наслаждения.

Третий экстаз оказался белым, намного белее, чем любой город. И он пронзил ее насквозь. Зарет затихла и прекратила отчаянную борьбу. Казалось, что даже само ее дыхание остановилось. Здесь, на этой вершине, она вся превратилась в безмолвный крик. Она не могла ни меняться дальше, ни найти себя прежнюю. Она вообще не могла пошевелиться. Словно ее заморозило в расплавленной белизне, без начала и конца.

В этом третьем экстазе красавица просуществовала тысячу лет.

И лишь после этого любовник-демон отпустил ее. Зарет упала обратно сквозь фиолетовое облако и ощутила свое собственное тело. Ей показалось, что ее душа познала восторг оргазма лучше, чем тело.

Открыв глаза, Зарет увидела, что она — в своем шатре, в пустыне, в темноте. Она была одна, не считая ее сестер, спавших за перегородкой. Вокруг все было тихо, даже ее сердце билось неслышно. И теперь во мраке ночи девушка, дрожа, смаковала увядающий вкус своего видения и вертела в пальцах такую ничтожную, но оказавшуюся смертельной шпильку.

Народ продолжал вливаться в священный город, чтобы почувствовать священную радость, принести жертвы, помолиться, исповедаться и выйти с отсутствующим взглядом.

За стенами Белшеведа продолжались песнопения, но теперь к ним прибавились праздничные представления, состязания лучников и копьёметателей, скачки.

Дни сменяли один другой, словно яркие вспышки, а ночи напоминали черных леопардов, перебегающих от одного края мира к другому.

Но что-то было не так, как надо. Что? Нечто мрачное и таинственное нависло надо всем — не то тучи, не то дым. Появились разногласия. Возникли ссоры. Высказывались обвинения...

— Кто-то украл мою маленькую певчую птичку из клетки. Это ты?

— Кто-то оборвал лепестки у моей любимой розы. Это ты?

— Кто пролил мое вино?

— Кто выпустил моих овец из загона?

— Кто подглядывал за мной, когда я купалась?

— Кто клеветал на меня за моей спиной?

— Это был ты? Или ты? Или ты?

Во время соревнований люди стали прибегать к разным хитростям, а когда их уловки обнаруживались, дело доходило до драк. Начались супружеские измены и даже изнасилования. Случались и кражи.

Сказители забывали мифы и легенды, теряли нить рассказа и путались в двух словах.

Лампады больше не зажигали. Костры взрывались, а шатры пылали, как алые деревья в цвету.

Животные словно тосковали по ком-то и издыхали от любви к этому неведомому хозяину.

Были обнаружены трупы — жертвы ужасных убийств, мужчины и женщины, взрослые и дети, страшно изувеченные кнутом. Заподозренного в преступлении безродного плотника забили камнями.

Вокруг сошедшего с ума старого философа стихийно образовалась секта безумцев. Их предводитель выкрикивал в толпу проклятия и проповедовал, что измазанные кровью камни — это божества.

Девушки, которым предстояло вскоре выйти замуж, на досуге полюбили опасные игры с маленькими глиняными фигурками своих женихов. В эти фигурки они втыкали длинные иглы.

И все это происходило вблизи Белшеведа, святого города! Обстановка с каждым днем, а точнее, с каждой ночью накалялась и становилась все нестерпимее, как берущая верх заразная болезнь, как чума.

Туманные сведения просачивались в город, на священную территорию, и передавались шепотом взволнованными верующими сквозь ажурные решетки исповедален «божьем» избранникам и избранницам. Те склоняли головы и внимательно слушали. Но обращали ли на это внимание Слуги Небес, вмешивались ли как-нибудь — трудно сказать. Эти избранники вообще крайне редко говорили с людьми. Выслушивая рассказы об убийствах, поджогах, грабежах или других потрясениях, пережитых паломниками, они даже не меняли выражений лиц. Они делали за ширмами приличествующие случаю ритуальные жесты, означающие благословение или защищающие от бед, и медленно уплывали, как воздушные прозрачные шарфы.

Новая болезнь поджидала людей, попавших в зону не ближе ста шагов от стен лунного города. Болезнь сомнений, правда, пока еще слишком слабых. Болезнь лишь пускала корни, и первое время

паломники могли побороть зарождавшиеся сомнения. Иногда людям казалось, что избранные ими жрецы не замечали их бед и не были способны даже посочувствовать им. А поскольку считалось, что эти жрецы напоминают богов, то выходило, что боги безразличны к бедственному положению людей. Как раз об этом и рассказывал странный незнакомец.

Без сомнения, причиной такого поведения священников послужила их размеренная и отрешенная жизнь. Они забыли, а может, и вовсе не имели понятия о том, что такое человеческая грубость или отчаяние. Рассказы об этом звучали для них как сказка. Возможно, они думали, что над ними насмеются.

Глава третья

ПОРОЖДЕНИЕ НОЧИ

Наконец наступила последняя ночь пребывания паломников в Белшеведе. Накануне днем жрецы вышли из святилища и прошли по лагерям, разбрасывая блестки и цветы, благословляя толпу.

Но их песнопения не оказывали на людей прежнего воздействия. Один из паломников сплюнул, поспешно оправдавшись, что от священных дымов у него начинает першить в горле. А какая-то девушка отвела глаза и смяла священный цветок, упавший ей в руки.

Замечали ли это слуги небес? Казалось, нет. Они проплывали мимо в прозрачных одеждах; их волнистые волосы сияли, как волшебные изделия дринов, этих низших демонов, почти лишенных разума и чувств, зато наделенных великим умением создавать прекрасное... Но кто еще недавно осмелился бы сравнить локоны жрецов с творениями дринов? Теперь же у некоторых паломников промелькнуло в голове и не такое.

Жрецы вернулись в свой храм, твердыню девственной и холодной чистоты, где простые смертные, от короля до простолюдина, могли появляться лишь на короткое время, как смиренные паломники. С уходом жрецов солнце тоже удалилось на покой.

День смежил веки сумерек, закрыв свой золотой глаз, и наступила ночь.

В лагере поднялось невообразимое смятение. Новость летела, словно пожар, от шатра к шатру.

— Шайка воров украла Священную Реликвию, предназначенную в награду тому из нас, кого мы признаем самым достойным!

— Святотатство! Кто-нибудь видел, куда убежали эти негодяи?

— На восток! За ними!

Завершение паломничества и в самом деле сопровождалось избранием достойнейшего. И каждый год наградой счастливцу служила древняя реликвия: кость в драгоценном золотом окладе. Говорили, что это частица самой королевы, достойной жены Нейура, вымолившей прощение у богов и спасшейся при разрушении Бахлу. А нынче, в час, когда последние отсветы заката окрасили горизонт, паломники увидели две или три тени, промелькнувшие поблизости от шатра, где хранилась реликвия. Тут же нашлись надежные свидетели, сообщившие, что видели отблески золотой кости, мелькавшей в бледных тонких руках воров. У свидетелей возникло странное ощущение, будто бы воры глумились над ними, насмехались и оскорбляли их, но — странное дело! — не произнесли при этом ни звука. Кроме того, злодеи оставили за собой четкий след на песке, но не отпечатки ног, а нечто похожее на след огромной змеи. Возможно, это был след от их длинных черных плащей.

Сначала в погоню бросились лишь несколько человек, но вскоре к ним присоединились паломники из всех лагерей. Теперь уже целый людской поток со светильниками и факелами в руках спешил среди ночи на восток, и это больше походило на шествие богомольцев, чем на погоню.

В конце концов в этой толпе оказались все, кто пришел в Белшевед. Прежние смиренные паломники, ругаясь и крича, бежали на восток через пески, казавшиеся голубыми в свете первых звезд. Они торопились именно туда, где давным-давно, еще когда Шев был обычным городом, бросала небесам вызов Башня Нейура.

И вот, среди сумеречного сияния песка, людям начало чудиться, что они видят эту ужасную Башню, снова выросшую посреди бескрайней пустыни.

В семи лигах к востоку от Шева опять стояла башня, столь же высокая, сложенная из такого же желтого кирпича, что и ее предшественница. На месте древней Башни Бахлу темнела вторая башня (если только это не было причудливым скоплением туч). Может быть, тень Бахлу? Или ее призрак? Ведь если временами в подлунном мире появляются призраки людей, то почему бы не появиться и призраку башни, некогда стоявшей среди песков?

По мере приближения перед паломниками все отчетливее вырисовывалась некая туча, или гора, или призрак, или сама башня. Через час пути люди, шедшие с факелами, начали спотыкаться и тяжело дышать. Каждый из них удивленно смотрел вперед. И если один спрашивал другого: «Что это может быть?» — то ему либо не отвечали, либо он слышал в ответ: «Не знаю». Или: «Ты тоже видишь это?»

Неожиданно, когда люди оказались в трех лигах от места, где когда-то была разрушена Башня Бахлу, пространство между небом и землей наполнилось густой темнотой, скрыв от глаз даже ближние песчаные дюны. Паломники пытались разглядеть знакомые очертания созвездий, но не увидели ни одной звезды, словно чья-то рука набросила темное покрывало на сияющий цветник ночи.

Тем не менее таинственный змеиный след не прерывался. Первые ряды толпы, спотыкаясь от усталости, разжав кулаки и приоткрыв рты, палились на него теперь почти с ненавистью, но продолжали идти вперед.

Лиги через две след неожиданно пропал.

Люди искали, размахивая светильниками и факелами, но так и не нашли разгадки этому чуду.

— Воры улетели, — предположил один.

— Или провалились сквозь землю, — отозвался другой.

При этих словах многие содрогнулись.

Затем свет факела выхватил из темноты чью-то фигуру. Кто-то из паломников пробежал вперед, нагнулся, снова выпрямился и закричал, чем-то размахивая:

— Они бросили Реликвию! Мы нашли священную кость!

По толпе пронесся радостный гул.

И словно в ответ на это в небе сверкнул огонь, яркий и в то же время бледный, как рассвет. Словно чиркнуло огромное огниво и потом приблизилось, чтобы зажечь гигантскую черную, как смоль, свечу.

И свеча загорелась...

В толпе раздался пронзительный визг, слышались молитвы, проклятия, судорожные вздохи.

Когда-то здесь стояла башня. И теперь она по-прежнему возвышалась на том же месте. Многоярусная Башня Бахлу, дорога, поднимающаяся в небо, вверх за пределы мира, к небесной крыше. Но эта башня оказалась черной, как агат, и по ее агатовому телу было разбросано десять миллионов огней. Будто вершиной она проткнула небесные сады и стряхнула с веток звезды, чтобы украсить ими свою колоннаду. Гирлянды, нити и ожерелья из звезд сияли и переливались, объединяя в себе огонь и жар, холодную зелень известняка и тропическую бледность аквамаринов, белизну первоцвета, багрянец порфира и капли чистой горячей крови.

Все паломники как один преклонили колени. Приготовившиеся бежать заколебались. Постепенно, один за другим, люди замолчали. Сверхъестественная красота черной башни и цветных звезд поразила и заставила всех притихнуть.

И когда установилась тишина, они расслышали где-то в немыслимой вышине негромкие звуки, словно отдаленное эхо музыки.

Белшевед пел для своих паломников, когда те приближались по дорожке из светящихся камней, звучал музыкой серебряных арф. Черная башня тоже звучала, но целым хором самых разнообразных инструментов. Их голоса сливались в единый поток и проносились над дюнами, словно легкий ветер.

А вместе с музыкой распространилось благоухание. Его аромат напоминал запахи пряностей, цветов и вина, привлекая и одновременно отпугивая, словно запах дьявольской травы или другого запретного вещества.

Мелодия, аромат и огни башни слились в едином магическом призыве.

Несмело, в одиночку или попарно, люди поднялись с колен и, широко раскрыв глаза, двинулись к волшебному призраку.

Некоторые паломники хотели было повернуть назад, но людской поток мягко и неотвратимо подталкивал их вперед, лишая возможности сопротивляться. А когда самые упрямые пытались стряхнуть оцепенение и призвать братьев опомниться, нежность музыки лишала их слова смысла, невидимый бальзам смачивал губы и языки, кружа головы, и они продвигались вперед вместе с остальными.

Когда паломники подошли ближе, их приветствовало новое чудо.

Вокруг самой башни песка не стало. Ее окружал луг странной травы, такой густой, что казалось, будто бы каждая песчинка превратилась в травинку и лепесток. Жасмины и гиацинты цвели в ночи, лилии обнимались с розами, мирты и ломоносы свернулись между ними. Мотыльки с трепещущими крыльями, прозрачными, как хрусталь, порхали над этим лугом. Их крылья, лапки и усики издавали слабый звон, словно миниатюрные музыкальные шкатулки.

Пройдя еще четверть лиги, люди убедились, что на всех ярусах башни кипит работа; там сновали туда-сюда какие-то люди, а вокруг них летали странные существа с огромными крыльями. За лугом начинался лес. И люди, продолжая зачарованно идти по направлению к башне, вошли под его таинственную сень. Тут стояли высокие деревья, без коры и листьев. Их темно-красные и изумрудные прозрачные стволы светились изнутри. Вместо листвы на ветках сидели стайки светящихся птиц. Они мигали слепящими розовато-лиловыми глазами и задевали крыльями струны серебряных арф, спрятанных между ветвей, производя странные музыкальные звуки.

Когда люди вышли из леса, то увидели, что до башни осталось не более сотни шагов. Те, кто шел впереди, замерли в оцепенении. А толпа все прибывала, накапливаясь, как вода перед дамбой.

Остановившись, паломники увидели множество окон и дверей, из которых лился яркий свет. Чудесные цветные фонтаны образовывали арки над ярусами. Люди наконец увидели тех, кто суетился на башне. Там ходили крылатые лошади, темные, как чернила, с молочно-голубыми гривами, сновали черные, как уголь, крылатые львы с гривами цвета хризантем.

Время от времени появлялись изящные драконы с бронзовой чешуей. А ниже, примерно в пятнадцати футах над землей, в воздухе висел широкий ковер из темно-красных и серебряных нитей. На ковре виднелись белые фигуры, словно раздуваемые ветром.

Башня напоминала одновременно и Бахлу, и Белшевед, но в то же время многим отличалась от них, превосходя обоих. Она манила, завлекала, звала к себе. Толпа ринулась к подножию башни, туда, откуда поднимался вверх гигантский нижний ярус. Здесь паломники остановились, разинув рты, сознавая греховность и колдовское очарование этой постройки. Но они не могли ни уйти, ни обратиться к своим богам.

Над людьми проплыл ковер, за ним другие, обрушив на паломников поток шелков и каскады кистей. Под ритмичную музыку медленно кружились белые женщины. Танцовщицы взмахивали руками, извивавшимися то как лебединые шеи, то как змеи. Их гладкие тела соприкасались друг с другом. Черные локоны красавиц украшали серебряные обручи. Длинные ногти напоминали узкие месяцы. Груды походили на бутоны роз.

И вот, когда тысячи глаз были подняты к небу, навстречу немыслимым чудесам, земля дрогнула.

Люди почувствовали, что поднимаются в небо. Снова раздались крики; некоторые паломники упали на колени, но теперь было поздно обращаться к небесам. Их протесты и ужас не были искренними, скорее, они действовали по привычке. Впрочем, любой человек испугался бы в подобной ситуации.

Внезапно паломники поняли, что окружавшие башню цветочное поле и лес из цветного стекла — это еще один огромный летающий ковер. И теперь этот ковер вместе с деревьями, травой и людьми плавно и очень спокойно понимался вверх вдоль башни, как кольцо, снимаемое с пальца.

Когда ковер поравнялся с летающими танцовщицами — конечно же, они были не обычными женщинами, а демонессами, — те сошли на него. Летающие животные, хлопая крыльями, опустились между цветами и начали кувыркаться среди желтых нарциссов. Эти механические создания дринов, а быть может, образы демонических грез, которые должен был разрушить первый же луч солнца, важно шествовали между людьми, вызывая у смертных возгласы ужаса и восхищения.

Человек, который нашел и поднял с песка реликвию — золотую кость, — все еще крепко сжимал ее в руке. Вдруг один из львов подошел и уставился на него топазовыми глазами. Он был, наверно, ваздру, принявшим обличье льва, так как заговорил с гипнотической мягкостью.

— Эта кость, — произнес зверь, — не частица смуглой королевы Шева. Она вообще не принадлежала человеку. Поэтому отдай ее мне. Мне очень нравится собирать забавные штучки.

Человек, дрожа, протянул священную кость, возвращенную такими усилиями, и лев взял ее. Раздался ужасный хруст, после чего зверь выплюнул обломки золота и коричневой кости на гиацинтовую гладь ковра. Потом лев удалился, закрыв глаза, словно от омерзения. Это и в самом деле был демон, потому что прикосновение к золоту всегда напоминало ваздру и эшва о солнце и вызывало у них сыпь и головные боли. Только дрины, будучи менее чувствительными, чем аристократы из Драхим Ванашты, переносили прикосновение к этому металлу. (Такое же отвращение, без сомнения, испытывал и укравший реликвию эшва; не случайно люди заметили, что он перебрасывал кость из одной руки в другую, словно горячий уголь.)

Кольцо ковра поднималось все выше. Когда-то придворные Нейура, обливаясь потом, взбирались по длинным пролетам лестниц, теперь люди легко возносились к самому верхнему ярусу.

Несмотря на то что до сих пор с людьми не произошло ничего плохого, на многих лицах по-прежнему лежала тень беспокойства. Если это порождение ночи, эта башня окажется столь же высокой, как Бахлу, не рассердит ли она богов, и не обрушат ли те призрачную башню? И все же подсознательно паломники понимали, что даже боги не сломят волю Азрарна. Даже если они считают, что в силах противостоять князю демонов, боги все равно не станут вмешиваться в его дела.

И все же как могли предположить эти люди, что находятся на пути к самому Азрарну, в его истинном обличье, в полном блеске его власти? Тому самому Азрарну, о котором всегда твердили, что он отвратителен, неуклюж и злобен как внешне, так и в своих деяниях.

Возможно, уже сейчас, глядя на все эти чудеса, многие начали понимать, что зло не всегда имеет отвратительный вид.

Тем временем ковер поднимался все выше — сквозь фонтаны холодного огня, мимо окон с цветными витражами. За окнами люди смутно различали экзотические движения танцовщиц, видели пирующих за столами, ломившимися от снеди.

Внезапно паломники оказались на уровне самого верхнего яруса — непрозрачного куба с черными лаковыми дверями. Звезды, казалось, висели так близко, что в них можно было попасть камнем, но все же их мягкий свет не разгонял полуночной темноты. Луна вошла в последнюю фазу.

Верхний ярус этой башни, как и в первоначальной башне Нейура, был меньше всех. Правда, он оказался достаточно массивным, но не настолько, чтобы вместить одновременно несколько тысяч людей. А потому все произошедшее после этого, видимо, было иллюзией.

Либо Азрарн, Властелин Ночи, создал путь в иное измерение, которое иногда называли Другим Миром. И здесь (или там) он увеличил размеры сооружения.

Но что бы тогда ни произошло, события развивались именно так, как о них после рассказывали — каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок, поднимавшиеся той ночью в небеса около черной башни.

Магическая музыка резко смолкла, стало слышно только завывание ветра вокруг верхнего яруса башни. Затем все лаковые двери открылись настежь одна за другой, словно по команде, и тысячи людей вошли в башню.

Внутри верхнего яруса оказалось ночное небо. Безграничная черная полусфера с разбросанными звездами и звездной пылью, по которой то тут, то там проносились хвосты комет и метеоритов. Звезды, прочертив сияющую дугу, падали вниз, словно большие монеты. Конечно, некоторые дети дотягивались и ловили их. Один ребенок даже утверждал, что поймал и какое-то мгновение держал в руках звезду размером с колесо от телеги, которая весила не больше маленького камушка. Но звезда горела, и, держа ее, малыш увидел, как на его ладонках вспухают небольшие волдыри, но при этом не чувствовал боли.

Испугавшись, он выпустил звезду. Она упала ему под ноги и опускалась все ниже и ниже, пока не пропала из виду. Одна девушка рассказывала, что поймала звезду за хвост. Но тоже отпустила ее, когда почувствовала, что кожа на ее лице стянулась, как от ожога. Уже позднее паломники пришли к единому мнению, что башни на самом деле не существуют, потому что все эти небесные тела пролетали мимо них и под ними. И при этом люди не испытывали страха, и воздух, на котором они стояли, был твердым, как пол. Как бы то ни было, все знали, что оказались в небесах, намного выше вершины башни, а значит, ближе к богам. Но, как ни странно, богов они не видели, даже их дальних родственников, жителей нижнего неба.

Но самым удивительным было то, что каждый, входя в эту область неизведанного пространства, оказывался там в полном одиночестве. И при этом никто не впадал в панику.

Вскоре чувство одиночества прошло.

Сперва все увидели фигуру мужчины, который шел к ним по полу ночи, хотя никакого пола не существовало. Все узнали в нем странного рассказчика, того самого, в плаще, похожем на орлиные крылья, — ведь все они видели этого человека на пути к Белшеведу.

Незнакомец, закутанный в плащ, остановился в трех или четырех шагах от паломников.

И затем...

Налетел черный вихрь, закрывая звезды, закружился и превратился в крутящийся столб дьявольского дыма. Затем этот дым сгустился, и воздух пронзила гигантская молния. Из той молнии родилась черная чайка с крыльями, напоминающими лезвия, а после она превратилась в орла с двумя звездами вместо глаз. Орел рвал ночь когтями, его крылья свистели и хлопали. И вот перед ошарашенными людьми уже свирепствовал дракон, затмивший собой небесную тьму, темный, как прогоревший огонь, с пастью, наполненной живой лавой вулкана. Затем пламя затухло, и черный волк с огненными глазами превратился в черного пса; пес поднял голову и стал котом, затем пантерой, а после — ягуаром. Последний, встав на задние лапы, утончился в талии и округлился в бедрах, превращаясь в амфору с грудями куртизанки; над странным сосудом угадывалось красивое женское лицо и облако черных волос. Обличья все менялись и менялись, им не было конца. И каждый, кто стоял или опустился на колени от страха перед неведомой силой перевоплощения, узнавал в оборотне знакомые образы — жену, брата, соседа или ребенка. Настолько знакомые, что некоторые отваживались приблизиться к видению и говорили с ним, удивленно обращаясь к нему по имени. Но затем и это пропало.

И теперь перед людьми появился мужчина. Позднее те, кто его видел, говорили, что остальные мужчины по сравнению с ним выглядели просто тенью, а все смертные — и мужчины, и женщины — походили на незаконченные статуи, тогда как он являлся единственным совершенным созданием. Но если так, то кто же его создал?

Они увидели в нем Властелина. Владыку Тьмы. Повелителя. Таким, каким его видел его собственный народ.

По черной кольчуге, покрывавшей его тело, пробегали голубые отсветы. Она была и металлической и бархатной одновременно. Его плащ струился водопадом драгоценностей, черных, темно-зеленых и цвета меди, окутанных парами расплавленного металла. На его груди покоился тяжелый ворот из черепных пластинок дракона, светящийся рубинами в ажурных оправках из чистого серебра — твердого, как сталь, — несомненно, работы дринов. Его сапоги были сделаны из человеческой кожи, окрашенной в совершенный черный цвет, так как даже здоровое тело чернокожего человека не настолько черно, какой должна быть настоящая чернота. Но для демонов тьма играла роль света. Эти сапоги украшала серебряная отделка, но ее форма все время менялась, мерцая, как чешуя змейки. Настоящая змея обвила его левую руку — шипящая кобра с поднятым капюшоном. Его словно высеченное из камня лицо обрамляли черные волосы — никакой иной цвет здесь не подходил. Это лицо казалось таким же ясным, как звезды, но, как они, не слепило. Лицо Азарна казалось настолько прекрасным, что, появившись оно само по себе, могло бы ранить или даже, по примеру Чузара, Владыки Безумия, свести с ума смотревшего на него. Не только солнце способно уничтожать. И все же как прекрасен он был, насколько прекраснее и мужчин, и женщин, и любых других творений!

Пальцы Азарна были унизаны кольцами из яшмы, нефрита и черного янтаря. Его глаза были

драгоценными камнями, одновременно более блестящими и более черными, чем солнце или тьма в отсутствие солнца.

Стройный, живой, как ртуть, и неподвижный, словно камень. Таким он предстал перед людьми. Аззарна абсолютно справедливо и в то же время совершенно неверно называли Прекрасным.

Каждый из паломников испытывал не то ужас, не то удовольствие. Все они по-своему выражали свое почтение. Но он ждал от них не совсем этого. В любом случае было уже слишком поздно.

Наконец Аззарн улыбнулся. Его улыбка была жестокой, но полной удивительной нежности. Будучи ваздру, он умел мстить с изяществом истинного аристократа.

— Ты можешь попросить, — обратился он к паломникам — ко всем вместе и к каждому в отдельности, — и я выполню одну просьбу, раз уж я здесь.

— Государь, — забормотали они, — повелитель...

Люди не были уверены в том, кто он, и, как многие до них, принимали его за бога. Они припадали к его сапогам из человеческой кожи. И потом каждый шепотом бормотал свое сокровенное желание. И все желания, хотя и разные, были либо злыми, либо, в лучшем случае, эгоистичными и бессмысленными. Девушки мечтали приворожить к себе мужчин, пожелав, чтобы те любили их, а юноши — чтобы к ним приходили девушки и спали с ними, вне зависимости от их желания. Многие, и молодые, и старые, желали смерти богатым родственникам или врагам. Одни просили богатства, другие власти, и многие, очень многие просили отомстить за них. Даже дети обращались к Аззарну со злыми просьбами. Некоторые просьбы были просто мерзкими.

Во всей этой толпе никто не попросил о возвращении силы, здоровья или юности, о любви тех, кого они любят, или о помощи тому, кого они любят. Аззарн превратил наихудшие качества людей в быстро распускающиеся цветы, и они расцвели в одночасье и созрели, породив Зло.

И слушая их, Аззарн сказал каждому:

— Я дам тебе возможность исполнить это.

Так он и сделал. И в зеркале Нижнего Мира Аззарн наблюдал, как, используя данную силу подчинять и покорять, бывшие паломники душили своих врагов подушками, отравляли пищу, разглашали секреты или сеяли несчастья. Но так и должно было произойти.

Выявив в людях их наиболее низкую и подлую часть, Аззарн снова закутался в драгоценный плащ. Этим плащом оказалось все ночное небо, оно обернулось вокруг Владыки Нижнего Мира, после чего исчезло. А черное ничто поглотило людей, стоявших перед ним на коленях, словно перед богом.

Когда они очнулись, то снова оказались в лагере перед Белшеведом. Каждый из них решил, что он спал и в этом сне преследовал воров-эшва, топтал лилии и проходил между стеклянными деревьями, поднимался по черной призрачной башне и, встретив там Владыку Тьмы, получил от него подарок.

И лишь те, кто встал раньше других, заметили перепавший песок, как будто целая армия отправилась на восток и вернулась обратно. Но они промолчали. Сама башня, разумеется, исчезла задолго до восхода солнца.

И только через год эти несчастные осознали, что случившееся с ними не было сном. Они сравнили происходящее со своими пожеланиями в ту ночь и похолодели. Их набожность оказалась поддельной, а вера — ложной. И когда они вновь пришли в Белшевед, то сделали это, скорее, по привычке или из жадности. Паломничество стало для них не более чем способом неплохо провести время. Сладкие плоды веры прокисли и сгнили.

Нашлись, конечно, и те, кто не пошел к призрачной башне той ночью. Одним из них был молодой убийца. Позднее братья нашли его повесившимся на дереве на ремне от кнута. Второй оказалась рыжеволосая девушка со шпилькой в руках. Поглощенная мечтами о демоне-любовнике, она пропустила демона, укравшего Реликвию, и не побежала за вором. Разумеется, все прозевали и мудрец со своими последователями, занятые поклонением камням.

Что же касается самой Реликвии, равно как и трех темных капель крови Аззарна, превратившихся в

камень, когда кнут разрезал его ладонь, то они оказались засыпанными песками пустыни. Но, в отличие от трех капель крови, части Реликвии так никогда и не нашли.

Часть вторая

ЛУННЫЙ ОГОНЬ

Глава первая

ЖЕРТВА

Азрарн уничтожил веру в сердцах паломников. Теперь ему осталось лишь разделаться со жрецами Белшеведа. Уничтожение — особый дар демонов, если речь идет о возмездии. Уничтожая, они не оставляют камня на камне.

Тысячи людей, ставших носителями частицы зла Азрарна, разнесли эту заразу по всем странам и селениям. Они ушли с догоревшими факелами, думая только об исполнении своих темных желаний. А священный город запер ворота из слоновой кости и стали. Закрытый со всех сторон, он мог бы выдержать бесконечную осаду. И пусть пока никто еще не пытался разграбить его сокровищницу, все знали: придет срок и для этого черного дела. Но всему свое время. А сейчас белоснежный холм Белшеведа мирно спал в лунном свете...

В этом призрачном свете вокруг стен города бродила пантера. Она проходила мимо светящихся ворот, мимо высоких стен из глазурованных блоков, под раскидистыми ветвями деревьев, сквозь рощи, где на ее черную спину осыпались лепестки. Семь раз обогнула пантера священный город. И еще семь раз...

Властелин Ночи размышлял об особенном привкусе возмездия. И вспоминал о жгучей боли в той странной ране, которую ему нанесли. Но более всего беспокоила его мысль о том, что это может повториться. Люди сильно ранили его сердце, и Азрарн почувствовал свою уязвимость перед родом человеческим. Его месть напоминала изящные завитушки и росчерки, которыми люди украшают свои подписи на пергаменте...

После сорок девятого круга ночная тьма поглотила большую кошку.

Несколькими мгновениями позже исчезновения Азрарн уже стоял на туманном берегу озера в центре Белшеведа.

В лунном свете золотой храм казался серебряным. В зеркале бирюзовой воды, как в лоскутке перевернутого черного неба, отражались четыре арочных моста. Сюда, к мозаичной кладке вокруг озера, подступал сад, и деревья распространяли сладкий аромат тропических цветов. Где-то неподалеку пела ночная птица. Она не знала, слушает ли ее кто-нибудь, но ей, видимо, вдруг стало так хорошо, что захотелось петь.

Час или больше Азрарн стоял там, размышляя. Земной час, который для него казался лишь мгновением. Пока он раздумывал, в воде у его ног чередой проносились смутные образы, порожденные его сознанием; они перетекали один в другой, меняясь вместе с его мыслями. И на иные из этих образов страшно было взглянуть.

Мертвенно-белый месяц отдыхал в небе, покачивая рожками.

И, словно вторя его бледному свету, какая-то тень перемещалась по воде. Она могла показаться скорее тенью лебедя, нежели призраком. Вдоль озера, следуя изгибам берега, двигалась женская фигура. Белизна ее одежды и волос размытым отражением скользила по воде. В правой руке она несла маленький фонарь с зелеными стеклами.

Азрарн поджидал ее в тени деревьев. Вероятно, он улыбался. В этот момент он вспоминал невинное создание, которое, последовав за ним в пустыню, встретило льва.

Эта невинная девушка и предположить-то, наверное, не могла, что в тени деревьев скрывается некто,

совсем не похожий на Слуг Небес: целомудренных, омытых светом святости неземных созданий, которых девушке, пусть даже немыслимо красивой, не нужно бояться.

Шедшая к нему девушка несомненно являлась красавицей — как, впрочем, и все обитатели Белшеведа. Ведь внешняя привлекательность была не последним условием при отборе в послушники.

Девушка была тоненькой и гибкой, как тростинка, с талией настолько узкой, что ее, казалось, можно обхватить пальцами. Ее ножки, словно маленькие белые птички, осторожно ступали по земле. Она двигалась, словно лебединое перо, плывущее по воздуху. Ее волосы, осветленные, как у всех жрецов, казались воздушной паутиной, сотканной самыми искусными на свете пауками, и казались невесомыми, светлыми и прекрасными в свете луны. Белое облако окутывало жрицу с головы до ног, словно плащ или сложенные белые крылья. Концы легких прядей касались земли и взлетали при каждом шаге юной деви.

Одеяние красавицы, такое же легкое и белое, как ее волосы, было сшито из газовой ткани. Широкая полоса атласа с мерцающей, словно звезды, тонкой вышивкой, перетягивала талию девушки. Белые груди, напоминающие бутоны юных роз, плавно двигались в такт шагам.

Азарн еще с другого берега озера заметил, как красива ночная гостья. И теперь это неземное создание приближалось к нему.

Она шла сквозь цветущий сад с белыми крыльями за спиной и зеленой жемчужиной света в руках. Ее прелестное лицо постепенно открывалось перед Владыкой Демонов, как открывается дверь, приглашая войти.

Демоны красивы. Даже лица прекраснейших смертных не в силах соперничать с лицами, что кажутся вполне обычными в Драгим Ванаште. Азарн знал это и с удовольствием развращал и уничтожал красоту смертных.

Но эта незнакомка показалась сказочно красивой даже Азарну. Он не мог постичь сути ее красоты, не мог понять ее источника, — как не мог отныне перестать о ней думать. Эта девушка была для него чем-то новым, еще не изведанным.

Пораженный, Азарн стоял у озера, слившись с темнотой, и созерцал. Она же, сама девственность и недоступность, либо видела его, либо просто знала, что он здесь. Как бы там ни было, она уверенно шла вперед и остановилась только в десяти шагах от Властелина Тьмы. Красавица смотрела сквозь деревья именно туда, где он стоял. Ее широко раскрытые глаза были подобны чистой глади озера и, подобно озеру, отражали прекрасный лик князя демонов.

— Повелитель, — сказала она, обращаясь к деревьям. — Повелитель, я знаю, что ты здесь, и пришла, чтобы встретить тебя.

Ее голос оказался так же прекрасен, как и лицо.

Азарн оставался в тени, продолжая молча смотреть на нее и слушать ее голос. Этот голос был подобен тихой музыке.

— Повелитель, — продолжала юная жрица, — я не знаю, кто ты, но чувствую твою сущность и твои намерения. Ты здесь для того, чтобы, причинив нам зло, взыскать свою дань.

На это Азарн ответил ей из тени с некоторой иронией:

— И откуда ты знаешь так много обо мне?

Жрица не вздрогнула ни от внезапности вопроса, ни от волшебства этого голоса, зачаровавшего уже многих. Она не испугалась и просто ответила:

— Не знаю.

— Значит, ты любишь загадки?

— Как человек может почувствовать, если загорится дом у соседа, так я почувствовала твое присутствие в этом саду, — ответила жрица. — И как другие чувствуют природу огня, не видя его, так и я чувствую твою природу.

— Расскажи мне тогда о моей природе.

— Ты жесток, невыразимо жесток, — ответила она. — Ты неумолим. Ты стремишься вызвать боль ради боли. Боль, которая чернее ночи, холоднее зимы, неотвратима, как восход луны.

— Зачем же ты тогда меня искала?

— Обычаи Белшеведа научили меня терпеть. Я намного сильнее, чем выгляжу. И все же мне легко причинить боль. Ты сможешь долго мучить меня, наслаждаясь моей болью. Я предлагаю тебе себя как жертву. Растрать свой гнев на меня, Властелин Тьмы, и сохрани жизнь остальным.

— Жертва, — отозвался Азрарн. Кто знает, может он испытал горькую радость, произнося это слово. — Но к чему тебе это? Люди не помнят тех, кто идет на смерть ради них.

— Мне не нужна память.

— Что же тебе нужно?

— Я уже сказала. Отвратить твой гнев.

— Сможет ли одна маленькая смерть отвести много смертей?

— Я надеюсь, что ты заставишь меня сильно страдать.

— И ты боишься?

— Да, повелитель. Я знаю, что ты не получишь удовлетворения, если я не буду бояться.

— Ты считаешь меня безжалостным?

— Я считаю, что тебе нужны мой страх и страдания.

— Ты молода, — сказал он, — слишком молода, чтобы уйти из этого мира, словно задутое пламя свечи.

— Я лишь перейду в другой мир, — ответила она. — А когда-нибудь, возможно, еще вернусь в этот.

Совсем недавно в черной башне люди склонялись перед ним, тысячи людей обращались к нему с молитвой — смесью из злости и жадности. А теперь пришла девушка, которая просит, чтобы он убил ее ради собственного гнева и потребности в утешении. Убил красоту, что сияет в небе ярче звезд.

— Взгляни на меня, — сказал он и вышел из тени, чтобы девушка могла увидеть его.

Долго, очень долго девушка и Азрарн, князь демонов, безмолвно стояли на берегу.

— А теперь, — произнес он наконец, — повтори, кто я и как ты собираешься утолить мой гнев?

Ее руки задрожали так, что девушка невольно опустила фонарь, но при этом тихо рассмеялась.

— Прости, — ответила она. — Я думала, что увижу красоту, подобную красоте бога. Но теперь вижу, что твоя красота подобна биению сердца земли. То, что я себе представляла, кажется маленькой каплей воды рядом с океаном. Как может существо столь прекрасное быть носителем Зла? Ты поведешь нас ко Злу и Горю, но зачем такая расточительность? Разве ты не можешь привести все человечество к радости и добру лишь одним взглядом своих глаз? Думаю, мир сам бы умер за тебя, если бы знал, каков ты на самом деле.

Наступила тишина. Кто хоть раз сказал Азрарну такое за все тысячелетия его жизни? Кто мог подумать о нем так?

Наконец Азрарн произнес:

— Мне кажется, белая дева, ты ошибаешься в том, каков я на самом деле.

В ответ юная жрица взглянула на Владыку Демонов и отозвалась:

— Или ты сам ошибаешься.

Азрарн вновь рассердился. Гнев, подобный ветру, что гасит все огни в небесах, охватил его.

— Женщина, — сказал он, — ты глупа.

Азрарн пропал, а перед красавицей появился черный волк с горящими глазами. Этот волк подбежал к

ней, схватил ее руку и прокусил до кости безымянный палец. Ибо она причинила ему боль, и теперь он хотел отплатить ей тем же.

Девушка закричала, из глаз ее брызнули слезы. Укусив, волк отпрянул, словно выжидая. Но красавица, все еще плача, медленно протянула ему свою покалеченную руку, прося продолжить ужасное дело.

Те, кто испытывает схожие чувства, становятся близки друг другу, почти братьями. Азрарн знал, что такое страдать из-за собственного упрямого желания принести себя в жертву.

Человек, а не волк снова поймал руку юной жрицы. Волк пропал.

При его прикосновении боль покинула ее, смешалась с тем необычайным ощущением, которое может вызвать лишь прикосновение Азрарна. Он держал руку жрицы в своей. Длинным квадратным ногтем указательного пальца он содрал собственную кожу, кожу демона, от первого сустава большого пальца до ногтя. Во второй раз Азрарн проливал свою кровь из-за Белшеведа, но сейчас ни капли его крови не попало в землю. Он прижал свой палец к кровоточащей руке девушки. Рана тотчас начала затягиваться. Через несколько мгновений исчез даже шрам.

Все еще держа ее руку, он произнес так тихо, что его голос был едва слышен сквозь шорох листвы:

— Моя кровь смешалась с твоей. Обождет ли это тебя моей злобой, лунная дева?

— Огонь и вода не смешиваются, — прошептала она, — одно уничтожает другое.

Боль оставила ее, и девушка, словно в изнеможении, качнулась к нему всем своим легким телом, и волна ее светлых волос рассыпалась по его темной одежде.

— Я не приму такую жертву, — сказал ей Азрарн. — Ты слишком хороша для того, чтобы стать выкупом.

— Но ты не тронешь Белшевед?

— Я уже нацелил меч, который поразит этот Божественный Колодец. Через год, через десять или двадцать лет. Само основание вашей веры сгниет. И ты все еще думаешь, что я не таков, каков есть на самом деле, дитя мое? А каким, по-твоему, еще должен быть князь демонов?

Но жрица уже впала в полубессознательное состояние, в какое впадают все смертные, оказавшись рядом с Азрарном, и, не слушая его, склонила голову ему на грудь. Ее волосы светились на фоне его одежды, как река под луной.

И все же Азрарн прекрасно понимал, что вместе с кровью утратил какую-то часть себя. Он знал, что кровь ваздру не уничтожит девушку, но и не растворится в ней бесследно.

Князь демонов взял красавицу на руки, и маленький фонарик опрокинулся и погас. Затем Азрарн произнес волшебное слово, и они вместе ушли от озера.

Он перенес девушку в странный уголок среди пустыни, оазис, о котором никто не знал.

Возможно, там возвышались пальмы и плескалась вода. А может быть, не было ни деревьев, ни воды, и лишь приливы и отливы песков сменяли друг друга, подчиняясь прихоти раскаленного ветра.

Азрарн положил красавицу на ковры из мха и травы и устроился рядом. Он просто лежал рядом и пристально смотрел в ее глаза своим немигающим взглядом демона, и ее глаза, растворяясь в его взгляде, изменились, тоже перестав моргать. И так они пролежали, не шелохнувшись, всю ночь, как камни, в странном экстазе абсолютной неподвижности. И юной жрице казалось, что кровь демона течет по их двум телам, отныне неразделимым, как сделались неразделимыми их мысли и души: ее душа, получившая его бессмертность, стала лишь его частью, его отражением.

Только когда первые отблески утра посеребрили восток, Азрарн отстранился от девушки. Но ей по-прежнему казалось, что она чувствует тяжесть его тела и ласку его волос, глядящих ее щеки.

— Я должен оставить тебя, — сказал он, — потому что близок восход. Скажи, куда ты хочешь, чтобы я отнес тебя?

— В Белшевед, ведь там мой дом.

— Тогда пойдем, — сказал он.

Азрарн поднял ее и своим волшебством возвратил в цветущий сад у озера. Там она оказалась одна. Ее фонарь валялся на земле, а солнце уже раскрасило горизонт красками восхода.

Красавицу звали Данизэль, что на ее родном языке означало Лунный Огонь, а на языке демонов — Иштвар.

В Нижнем Море демоны говорили на семи различных языках. А выше, на земле, существовало тоже семь основных языков, но каждый из них делился на десять, то есть на самом деле люди говорили на семидесяти языках. Демоны понимали их все, поэтому Азрарну было понятно значение имени юной жрицы. Возможно, он прочитал ее мысли — ведь девушка не называла себя вслух. Князь демонов, несомненно, знал и ее историю, хотя вряд ли это его действительно интересовало. Его любовницы имели происхождение столь же различное, сколь неповторима была их красота — дочери королей и рабов. Одна из его возлюбленных была дочерью мертвеца.

Но матерью Данизэль оказалась не королева и не рабыня, а слабоумная, болтающая чушь дурочка, шатавшаяся по улицам деревни, рвавшая на себе грязные волосы и царапавшая стены домов обломанными ногтями.

Глава вторая

ВОЛШЕБНАЯ МАШИНА

Деревенская дурочка конечно же никогда не совершала паломничества в святой Белшевед. Но она часто кричала, что хочет туда попасть. А когда она становилась слишком буйной, ее ловили сетью и привязывали к столбу, как собаку, пока она не приходила в себя. Большая часть ее разрушительной энергии, как у большинства сумасшедших, была направлена против нее самой. Она никогда не нападала на других людей, лишь изредка рвала белье, вывешенное на просушку, или крала фрукты из чужих садов. Жители деревни вели себя по отношению к ней весьма терпеливо, часто бросали ей куски еды, чтобы отвратить от кражи яблок. В деревне уже вошло в обычай каждую свадьбу или похороны выставлять к ее столбу кружку пива или слабого вина, вне зависимости от того, была там привязана несчастная или нет. Но хотя сельчане и делали все это, они считали бедную дурочку проклятием богов, посланным им за какие-то неведомые грехи. Они обращались с несчастной, на их взгляд, хорошо, только потому, что надеялись таким образом заслужить благословение небес, которые смиростивятся и избавят деревню от такого позора.

Но дурочка все жила и жила. И никто не осмеливался убить ее, хотя иногда люди кидали в нее камни или пинали со злобы.

В один год, за несколько месяцев до сбора урожая, в старом замке на холме у деревни поселился маг. Он объявил, что переехал из города, дабы поработать в тишине и покое, поскольку, как он всех уверял, является набожным и добродетельным человеком. Деревня приняла его приезд как благословение небес. Однако маг мало общался с жителями деревни, будучи занятым своими делами. Время от времени над крышей замка раздавался грохот, но эти звуки сами по себе, очевидно, не слишком пугали сельчан. Раз или два кто-то из деревенских жителей стучался в окованную медью дверь, прикрепленную к порталу дома, но не получал ответа. И только однажды пастух, увидев мага, шедшего со слугой по холмам, догнал его и стал умолять волшебника облегчить ему зубную боль. Но маг, казалось, не расслышал просьбы и прошел мимо; полы его длинной мантии, расшитой загадочными знаками, волочились по траве. Слуга, однако, повернулся, и когда маг немного отошел, спросил у пастуха:

— Какой зуб болит?

Пастух, ждавший с нетерпением, открыл рот и указал на мучивший его клык.

— Сейчас посмотрим, что можно сделать, — заверил пастуха слуга и, размахнувшись палкой, выбил больной зуб, а с ним и пару здоровых впридачу.

Оставив воющего пастуха, слуга мага, тоже подвывая, с неуместным весельем поскакал за своим задумавшимся хозяином.

С этого времени слуга мага начал повсюду проявлять себя с самой худшей стороны. Он стал настоящим бедствием деревни, гораздо большим, чем какая-то дурочка. У него были отталкивающая внешность и неприятные повадки. Магу слуга был нужен только в качестве охраны, поскольку тот обладал чудовищной силой, так что у слуги оставалось достаточно времени на различные пакости. Мысли мага были вечно заняты высокими материями, поэтому сам он не обращал внимания на то, что вытворял его слуга в свободное от работы время.

Вначале слуга грубо шутил с деревенскими жителями. Так, например, однажды он связал двух козлов, перетянув им веревкой гениталии, а когда на их отчаянное блеяние прибежал пастух, набросился и на пастуха и привязал его к козлам тем же способом. В другой раз негодяй пробрался в дом через трубу, предварительно потушив огонь испражнениями, и ввалился голым к старой женщине, напугав ее буквально до смерти. Потом он испугал женщину, купавшуюся в пруду. Он собирался не только напугать ее и так бы и сделал, если бы она не оказалась женой сборщика тростника и не прихватила бы с собой нож, собираясь после купания нарезать впрок стеблей. Женщина сумела вытащить нож из лежащей на берегу одежды и ранить нападавшего в ногу. После чего насильник убежал, хромая и пронзительно крича. Вечером того же дня, когда женщина готовила ужин, в окно влетела птица тускло-медного цвета и заговорила строгим голосом:

— Я говорила с волшебником, и он интересуется: «Почему ты ранила моего слугу?»

Женщина очень заволновалась, но муж заслонил жену и ответил птице:

— Пусть твой хозяин хорошенько подумает. Когда женщина, такая хорошенькая, как моя жена, оказалась достаточно близко, чтобы воткнуть нож в тело мужчины, у нее, наверное, была на то причина, а у него, наверное, нашлась причина, чтобы подойти к ней так близко.

При этих словах птица спрятала голову под крыло, будто в смущении, и мужчина добавил:

— Передай своему хозяину, чтобы он предостерег этого грубияна. Хотя мы и уважаем магов, но наглецов терпеть не станем.

Когда той же ночью вошла луна, волшебник наслал на своего слугу парочку призраков, чтобы высечь его, и парень с воем убежал из замка. К этому маг добавил строгие угрозы, и больше никаких неприятностей с жителями деревни не происходило.

Но слуга остался недоволен. Его похоть доставляла ему очень много беспокойства, особенно в ночные часы. Иногда волшебник утешал его иллюзиями в виде доступных юношей и девушек. Правда, это случалось не часто, поскольку маг, как правило, был занят другими делами. В городе этот слуга, тайно выбираясь из дома, насиловал многих, не подвергаясь за это наказанию. Здесь же, в деревне, его преступления быстро бы обнаружили и вызвали бы недовольство хозяина.

Шпиона однажды за двумя любовниками на лугу (это было единственным, что ему еще оставалось), он заметил проходившую мимо дурочку. Она тоже следила за любовниками, но открыто, а не таясь, как слуга. Вскоре любовники, поднявшись с травы, тоже увидели ее. Они принялись кидать в нее комьями земли и гнать, называя проклятой. Это заинтересовало слугу. Очень скоро он узнал, что бедная девушка не нужна никому в деревне, никто не хватится, если она исчезнет. Тогда в его порочной голове созрел план.

Под замком существовала система подвалов, которая, в свою очередь, соединялась с каменной пещерой и подземным ручьем недалеке от деревни. Здесь слуга часто бродил, собирая по указанию своего хозяина какую-то плесень и волшебные травы, а также чертя углем скабрзные рисунки на стенах и мучая обитавших в подвалах крыс.

Сходство этого подземелья с тюрьмой навело него на забавную мысль.

Следя за дурочкой, слуга выяснил, что у нее есть излюбленные места для прогулок и отдыха. Дождавшись лунной ночи, когда маг находился на восточной части крыши замка, производя расчеты движения луны, слуга принялся рыскать в округе, пока не набрел на девушку в одном из ее убежищ, достаточно защищенном, но не имевшем ни крыши, ни дверей. Проскользнув туда, он увидел, что дурочка сидит согнувшись в темном углу и рассеянно смотрит на гостя.

Так как сам он тоже не отличался большой красотой и чистоплотностью, неприглядный вид девушки ничуть не ослабил его нетерпения. Не теряя времени, он повалил ее на землю и силой овладел ею. К счастью, его возбуждение было так велико, что все закончилось очень быстро.

Девушка почти не кричала и не сопротивлялась. Она так привыкла к несправедливости по отношению к себе со стороны людей и самой природы, что со смирением приняла эту новую жестокость.

Когда слуга закончил свое грязное дело, он отряхнулся, словно огромный зверь, появившийся из грязи, поднял свою тощую любовницу и взвалил на плечо. Таким способом парень доставил несчастную в замок мага и спустился с ней через подвалы в пещеру, где протекал ручей. Здесь он привязал ее (девушку настолько часто привязывали, что она даже не попыталась протестовать) к маленькому сталагмиту. Затем он овладел ею снова (слишком уж долго длилось его воздержание), после чего преспокойно привел себя в порядок и предстал перед магом. Слуга появился как раз вовремя, чтобы помочь хозяину с тяжелой машиной. Волшебник собирался работать с ней на крыше. Эта машина, громоздкое сооружение на огромных колесах, приводилась в движение не только с помощью человеческих рук, но и под воздействием света звезд и других небесных тел.

Слуга потянул рычаги, устанавливая их в нужное положение. Машина взревела, и маг закричал:

— Через сто девять дней и ночей, судя по излучению луны и ритмам звезд, долгожданная комета

наконец появится в небе!

— Да, хозяин, — радостно выкрикнул в ответ слуга. Хотя на самом деле его поглощали совсем другие мысли.

Маг, однако, был действительно воодушевлен. Единственной целью его переезда в эту глушь из столицы было увидеть комету. Несколько месяцев назад он узнал из своих расчетов, что лучше всего комету будет видно с крыши этого замка. Поэтому маг отказался от всех своих прочих дел и поспешил сюда. Здесь он приказал слуге собрать странную машину, которую теперь подготавливал к работе, планируя с ее помощью поймать частицу энергии кометы.

Слугу, впрочем, не интересовали желания мага. Ему вполне хватало своих. Он лишь нажимал на рычаги машины и пускал ее в ход. Когда же эта задача была выполнена, парень снова прокрался в подземную пещеру, запихнул в рот дурочке черствый хлеб и снова с удовольствием хозяина овладел ею, ведь раньше он никогда ничем не владел.

Так продолжалось девяносто дней. Слуга спускался в подвалы, проходил в пещеру и удовлетворял свою похоть. Между делом он кормил дурочку остатками пищи.

Однако по истечении девяноста дней что-то зашевелилось в темном мозгу парня. Он сообразил, что месячный цикл, обычный для женщин, совершенно отсутствует у его любовницы. Сначала он думал, что слабоумие лишило ее плодовитости, но вскоре заметил в ней изменения, как правило, сопутствующие беременности. Тогда слуга приуныл. Конечно, не из-за нее, а из-за себя. Слабая, полубезумная женщина, вероятно, умрет при родах, и он потеряет ее так же быстро, как приобрел. Поэтому слуга начал обдумывать различные способы избавиться от нежелательного исхода. Наконец парень принес несчастной вина, напоил и принялся сильно пинать ее, веря, что у нее произойдет выкидыш, а сама она останется в живых. Увы, дурочка легко перенесла побои.

Слуга впал в неопишемое отчаяние. Он даже начал подумывать, не обратиться ли ему к знахаркам или к хозяину. Но к этому времени уже прошло сто девять дней и маг удалился в свою келью поститься и медитировать, готовя себя для особо могущественных заклинаний, которые ему предстояло произнести. Теперь маг выходил лишь раз в день, чтобы проверить машину на крыше, и в эти моменты бывал очень занят.

— Хозяин, — льстиво обратился к нему слуга, — одна бедная деревенская девушка вчера спрашивала, нельзя ли избавить от нежелательной беременности ее мать, уже благословленную сорока тремя детьми...

— Нет, нет, — пробормотал маг, — твое вмешательство совершенно напрасно. Сорок семь — число слогов в астральной мантре, которую я должен повторять для рассеивания кометы.

— Хозяин, — завыл слуга, — если я признаюсь, что позволил одной плохой женщине, сходящей с ума от желания доставить мне удовольствие, увести меня с пути целомудренного воздержания и что теперь она угрожает гневом своего отца, если я не облегчу ее состояние...

— Что за чепуха? Механизм в превосходном состоянии. Но ты должен смазать вот этот зубец.

Слуге пришлось отступить. Волей-неволей он стал приносить несчастной, все еще жившей в пещере, хорошую еду: фрукты и мясо. Даже принес теплый коврик. Иногда он отвязывал ее и водил на прогулку. Но если женщина и чувствовала пробудившуюся в нем доброту, то не показывала этого. Казалось, она даже не подозревала, что находится в положении. Слуга же по-прежнему часто наваливался на свою жертву и неистово овладевал ею, используя последнюю возможность, так как был уверен, что вскоре потеряет ее. В такие минуты дурочка, немного хмурясь, рассматривала каменный потолок сквозь спутанную гриву грязных волос.

На сто девятый день бодрствования мага в небе появились первые признаки кометы.

Кометы, пролетающие над плоской землей, имели иные происхождение и свойства, нежели те, которые посещают круглый мир. Клочки хаоса, существовавшего за пределами земли, случайно или в результате неких космических сдвигов проникали в верхнюю часть воздушного мира, где тут же обволакивались элементами воздуха — защитными частицами, — потому что чистый хаос и упорядоченные атомы мира не могли сосуществовать без разделительного слоя нейтральных частиц. Эти

кометы прилетали и улетали, редко появляясь на небе во второй раз, потому что, преодолев внешний барьер, должны были вернуться в хаос. Кометы второй разновидности образовались из падающих звезд. Каждая из них несла пламя первородного удара. Им каким-то образом удавалось не падать на землю: то ли редкие атмосферные течения носили их туда-сюда, то ли небесные элементы удерживали их благодаря своим особым волшебным свойствам. Кометы второго типа появлялись в небе по несколько раз, через регулярные и нерегулярные интервалы времени, носясь по небосводу столетиями, пока не сгорали дотла. Но существовали еще и кометы третьего типа. Именно такую комету ожидал маг.

В те дни солнце всегда оставалось на одном и том же расстоянии от земли и, путешествуя по небу, росло и убывало, подобно луне, создавая таким образом лето и зиму. Каждую ночь оно заходило за край земли, погружаясь в некое пространство под нижними областями мира — те самые глубины, которые располагались ниже Царства Мертвых. Дневное светило умирало каждый вечер, но утром оно таинственным образом возрождалось и с каждым восходом снова появлялось на востоке, обновляя мир своим светом. С луной происходило примерно то же самое. Однако иногда — возможно, раз в тысячу лет — новорожденное солнце обладало большей энергией, чем было необходимо. Эта избыточная энергия со временем испарялась, словно пар из кипящей воды, иногда различимая, подобно утренней дымке, но чаще абсолютно невидимая для глаз смертных. Солнечный пар поднимался выше обычной для солнца траектории. Здесь, в более холодных областях высокого неба, он постепенно уплотнялся, сгущая тепло и холод, пока, наконец, не вырастал в огненную газообразную сферу.

После того как этот призрачный огненный шар полностью сформировывался, на него начинала действовать сила притяжения. При этом шар месяцами или даже годами мог медленно падать на землю. Огненный хвост отмечал его дорогу в атмосфере. Но каждый такой шар, без исключения, в некой достаточно удаленной от поверхности земли точке распадался. Выделяющаяся при этом энергия была огромной, но благотворной. Сам газ впитывался земной поверхностью или рассеивался в воздухе.

Такое событие случалось крайне редко. Маг верил в математическую и астрологическую возможность такого случая, к тому же существовали записи о подобных кометах, которые наблюдали в далеком прошлом. Слабый блеск кометы бывал различим за ночь до ее появления, подобно отблеску лампы на стене.

Увидев этот отсвет, маг пришел в восторг.

Но жители деревни не разделяли его радости. Будучи невежественными, селяне с ужасом следили за новой странной грушевидной звездой в небе. Более того, их беспокойство росло всю ночь, так как комета становилась все больше и больше. Когда же на рассвете неведомая звезда все еще горела на небосклоне, став еще крупнее и ярче, и обзавелась сверкающим алмазами хвостом, сердца людей переполнил страх.

Некоторые бросились стучать в обитую медью дверь замка, где жил маг. Как всегда, ответа не последовало. Но вскоре появился слуга, поднимающийся на холм. Хозяин послал его собрать особые растения. Увидев толпу, преградившую ему путь, парень струсил, решив, что тут ему и конец.

Но жителям деревни было не до него.

— Умоляем тебя, попроси своего хозяина выйти и рассказать, — закричала толпа, — что за ужасная звезда висит над нами, пылая в воздухе.

Слуга зевнул от скуки. Он знал, как будет выглядеть комета, и не боялся ее.

— Ах, это. Это всего лишь плевков солнца. К завтрашнему дню он пропадет, и добро восторжествует.

Люди начали совещаться между собой. Ответ слуги прозвучал слишком неубедительно. Слуга боком протиснулся к двери, быстро пробормотав заклинание, отпирающее замок.

— Нет, подожди, — сказал кто-то. — Попроси все же своего хозяина поговорить с нами. Нам кажется, что этот шар несет Зло. От одного его вида у трех женщин произошел выкидыш.

Слуга, уже собиравшийся исчезнуть за дверью, заколебался. Выражение его уродливого лица изменилось.

— Подождите немного, — бросил он людям и захлопнул дверь.

После трех или четырех часов бессмысленного ожидания жители деревни окончательно убедились, что вскоре на них обрушится бедствие, и кинулись домой. Здесь они вместе со своими женами начали собирать вещи и сгонять в стада животных. К середине дня деревня опустела.

С наступлением сумерек магу обычно требовалась помощь слуги, чтобы запустить волшебную машину. Но этой ночью должна была проявиться вся магическая сила кометы. Слуге показалось, что если ему удастся привести дурочку на крышу дома и привязать ее, скажем, на западной стороне крыши, подальше от машины и мага, она все равно увидит комету и сильно напугается. Шум сверхъестественной машины заглушит ее крики. Если судьба будет благосклонна к слуге, дурочка избавится от своей беременности еще до конца ночи. Что касается мага, то, занятый своими делами, он, словно одурманенный или пьяный, будет сидеть в келье, не замечая ничего вокруг.

Наступила ночь. Небо стало абсолютно черным, комета затмила звезды. Тускло светила луна, всплывшая на востоке. Но света было предостаточно.словно золотой медальон на серебряной цепочке, комета висела над землей, а в разные стороны от нее расходились сияющие лучи. Ночь набирала силу, и сияние становилось все ярче.

Машина, стоявшая на крыше, казалась игрушкой, сделанной гигантским ребенком из кусков и обрезков металла. То там, то здесь маленькие мерцающие змейки мелькали вверх и вниз, извиваясь по трубкам и колесам; Маг был занят окончательными приготовлениями и еще не появлялся. Слуга пробрался на крышу. Перед собой он толкал дурочку. Ее запястья были связаны, а голова закутана черной материей. Насильник хотел, чтобы вид кометы стал для нее неожиданностью.

Слуга снова закрыл люк и прикрепил веревку, которой были связаны руки несчастной, к железному кольцу. Он привязал дурочку настолько туго, что ей пришлось согнуться вдвое. В таком положении маг навряд ли увидел бы ее. Но на самом деле слуга прекрасно знал, что маг вообще редко видел, слышал или замечал то, что не имело отношения к его изысканиям.

Когда туманный булыжник луны поднялся в небе на высоту локтя, а сияние кометы стало похожим на свет ясного утра, маг появился на крыше и направился прямо к машине.

К этому времени рычаги уже были установлены в нужное положение, и магу оставалось только запустить машину. Что он и сделал, позвав на помощь слугу.

— Иду, хозяин, — закричал слуга самым услужливым тоном.

Когда машина зашумела, слуга сорвал материю с головы сумасшедшей и помчался помогать магу, предоставив все на волю небес.

Что происходило в голове несчастной женщины?

Вопреки надеждам слуги, вначале — почти ничего. С ее точки зрения, жизнь и так не имела смысла. Еще одна нелепость не могла ошеломить ее. Деревенский насильник ошибся в своих расчетах, забыв, что несчастная слишком много времени провела в темноте, не видя солнца и луны. И теперь ничто не мешало ей принять свет кометы за наступление дня.

Конечно, ослабленные сумраком глаза несчастной заболели от яркого света. Поэтому дурочка, захныкав, закрыла их руками. Но она не испугалась, а просто испытала очередную боль, добавив ее к тем, которые уже знала. Женщина приняла эту боль, не задумываясь, с чем она связана.

Но позже, когда комета стала блестящей, словно летняя луна, начали происходить невероятные события.

Люди, привыкшие рассуждать логично и разумно, утратили большую часть инстинктов и лишились природного чутья. Именно эти качества и собирался усилить в себе маг. Он установил, что лучи кометы не приносят вреда, наоборот, они являются лекарством почти от всех болезней. Если бы звездочет хоть немного думал о других, он сказал бы жителям деревни: «Останьтесь и извлеките пользу из этого чудесного события. Положите своих больных на открытое место, и они станут здоровы». Вместо этого маг держал свои знания в секрете, боясь, что ему будут докучать невежественные селяне. Он также собирался с помощью машины поймать часть энергии кометы, чтобы в будущем использовать ее для своих целей. К тому же маг интересовался, каков окажется эффект воздействия лучей на его ужасного слугу, — но это уже

был отдельный эксперимент. Как бы там ни было, звездочет понимал, что комету надо благословлять, а не бояться. Но слуга был слишком равнодушен к происходящему. Узнав, что комета не сможет навредить ему, он успокоился; его скудное воображение не позволило ему поразмыслить над тем, что может случиться с ним, после того как он попадет под эти слепящие лучи.

Деревенские жители, утратив свое природное чутье, не нашли ничего лучшего, как убежать.

А вот животные, ничего не понимающие, но все же повинующиеся инстинкту, вместо того чтобы разбежаться, собрались перед замком.

Как только комета начала разгораться, все птицы в округе принялись хором распевать свои самые торжественные песни, приветствуя целительный свет. Они летали и кружились, словно листья при вихре, вне себя от восторга. Пчелы и бабочки наполнили воздух, напоминая летающие драгоценности. Ящерицы и змеи повывлезали из земли насладиться ярким светом: Прибежали кошки, зайцы, лисы, оставшие от стада овцы и козы, даже один оцелот. Все они, не обращая внимания друг на друга, катались по траве, урча от удовольствия. Большие и маленькие обезьяны кричали на вершинах деревьев и, играя, кидали друг в друга фруктами. Распускались цветы. Созревали и тут же лопались от спелости плоды, наполняя воздух ароматом. Даже камни старого замка и деревенских домов, казалось, раскрыли свои трещины, словно рты, жаждущие испить золотой свет.

Ревущая машина волшебника заглушала большинство пронзительных восторженных птичьих песен, прорывавшихся, словно колокольчики. Конечно, она без труда заглушила бы и крики дурочки, если бы та кричала.

Будучи безумной, несчастная никогда ничему не училась и знала только одно: жизнь жестока, а люди — ее сестры и братья — ненавидят ее. Поэтому у нее не было причины подавлять свои инстинкты.

Только минуту несчастная защищала глаза от яркого света, а потом что-то подсказало ей: не стоит прятаться от него. Так, сквозь слезы, ручьями стекавшие по грязному лицу, она смотрела в самое сердце небесного огня. Ослепляющие лучи излечили ее слабое зрение. Женщина обрела способность ясно видеть и теперь радовалась увиденному.

Внезапно все вокруг показалось ей прекрасным. Она восхищалась изумрудными сверчками, танцующими на краю крыши, птицами, поющими песни в небе, всем великолепием этого дня в середине ночи. И впервые за много лет, возможно впервые в жизни, женщина засмеялась от счастья.

Рыжевато-коричневая крыса вылезла на крышу. Привлеченная, как и остальные, кометой, она не доела ужина мага. И сейчас она подумала о соблазнительной жирной веревке, которой руки девушки были привязаны к железному кольцу. В какой-то мере крыса тоже привыкла к плохому обращению и некоторое время не отваживалась подойти поближе. Но заметив, что девушка не обращает на нее внимания, крыса проскользнула вперед и начала покусывать пеньку, пропитанную жиром, пахнущую, с точки зрения крысы, весьма аппетитно.

Почувствовав, что ее руки внезапно освободились, дурочка не удивилась. Она никогда ничему не удивлялась.

В этот момент комета начала изменяться.

Небо, долгое время остававшееся черным, приобрело роскошный розово-голубой цвет, теплый и приятный. И поперек этого цветного поля во всех направлениях заструился золотой поток, напоминающий искры разноцветного фейерверка. Эти искры падали на землю сверкающим водопадом.

— Теперь отойди подальше, мой дорогой, — сказал звездочет своему слуге. Даже на мага это зрелище произвело впечатление.

Но слуга сам догадался отойти на безопасное расстояние от ревущей машины, и уставился на небо разинув рот. Машина пульсировала и шумела. Быстро и уверенно маг начал декламировать хорошо заученную сорокасемистопную мантру. Когда он произнес последние слова, небо прочертила золотая молния. Она ударила в верхнюю часть машины, и та взревела. Волны света бились внутри нее вокруг все еще видимой, словно замороженной, молнии.

— Смотри! — воскликнул маг вне себя от восторга.

Но тут он увидел еще кое-что.

Привлеченная светом, как мотылек, стремящийся к лампе, дурочка промчалась по крыше дома к машине.

— Останови ее! — закричал маг своему слуге, но тот, бросившись вперед, споткнулся и упал, так и не успев схватить несчастную.

Маг попытался произнести заклинание, но декламация мантры ослабила его способности. Прежде чем он открыл рот, девушка уже добежала до машины. Мотыльки, подлетающие к обжигающему огню свечи, умирают. Женщина кинулась к обжигающему огню частицы кометы, пойманной машиной. Но не умерла. Конечно нет.

Сумасшедшая прильнула к корпусу машины, коснувшись щеками переплетения труб. Ее лицо стало почти прозрачным. Маг застонал от досады, увидев, как радужный свет струится из гудящей машины, наполняя тело сумасшедшей.

Маг мечтал создать проводник и резервуар для энергии. То, что сейчас происходило, никак не входило в его планы.

Несмотря на благость солнечного дождя, маг расстроился и рассердился. Как воздух стремится заполнить пустоту, так и энергия из машины ринулась в пустоту сознания девушки. Но маг не собирался оттаскивать это создание от машины. В первую очередь потому, что это могло бы повредить самой машине, как раньше времени снятая пиявка — телу больного. Кроме того, мог произойти взрыв.

И, наконец, сам звездочет мог получить очень большую порцию энергии кометы. Он знал, что слишком разумен и цивилизован, чтобы выжить после такого. Только слабоумный мог выдержать небесный огонь.

Поэтому магу осталось лишь наблюдать, как вся энергия, для поимки которой он так долго и упорно трудился, перетекла в тело женщины.

Глава третья

АШТВАР

Когда рассвет вернулся на чисто вымытое небо, золотой дождь прекратился, волшебные испарения впитались в землю. Звездочет тоже исчез — ушел спать, обиженно кляня свою судьбу.

Далеко от деревни, в пещерах и расселинах среди холмов прятались жители. И потому они благополучно пропустили все чудеса, принесенные кометой.

На крыше замка, лицом к восходящему солнцу, сидел мужчина. Он играл с рыжевато-коричневой крысой, позволяя ей бегать по себе вверх и вниз, время от времени похлопывая зверька по огненной спинке. Оба — и мужчина и крыса — казались очень довольными этим занятием.

Приятель крысы отличался крепким телосложением и, по-видимому, немалой силой. Его чистую, гладкую кожу покрывал бронзовый загар. На смуглом лице выделялись большие зоркие глаза. Сейчас они светились искренним весельем и дружелюбием, отчего лицо мужчины казалось почти прекрасным, хотя черты его были лишены правильности и благородства, присущих настоящей красоте.

Причиной этому оказался, конечно же, золотой дождь, преобразивший не только небо. Незнакомец на крыше замка в прошлой жизни был не кем иным, как слугой мага. Знай этот человек заранее, что сделает с ним комета, он убежал бы и забился в самую глухую щель. Золотой поток очистил его тело и разум. Словно старый пыльный шкаф как следует проветрили, вычистили и заполнили новой, праздничной одеждой и драгоценными украшениями. Ложь, жажда насилия, зверства — все это осталось в прошлом. Отныне сердце бывшего слуги было открыто людям. А поскольку изменениям подверглась не только его душа, но и облик, можно было не сомневаться, что отныне этот человек не встретит отказа ни в чем.

А дурочка, которая обняла машину, а значит, источник самой энергии, — что случилось с ней?

На другом конце крыши в паре со своей тенью танцевал прекрасный белый призрак. Молодая женщина, очаровательная, словно скромный лесной цветок, с золотистыми волосами цвета солнца, цвета хвоста самой кометы. Движения ее были неуверенны, как у девочки-подростка, и в то же время грациозны. Кружась в медленном танце, она, за неимением иного зеркала, смотрела на свою тень, разглядывая с изумлением и восторгом собственные руки и ноги.

Наконец она взглянула на свою тень в последний раз и подбежала к мужчине, на коленях у которого резвилась крыса.

— Осторожнее, не подходи к краю, ты можешь неловко ступить и упасть вниз, — забеспокоился слуга. — Ведь ты ждешь ребенка. Нашего ребенка.

— Да-да, — отозвалась женщина. — Это восхитительно.

— Но было бы еще восхитительнее, если бы я сообразил это раньше, — вздохнул он. — Мне очень жаль, что так получилось. Но теперь я буду заботиться о тебе.

— Не стоит, — сказала красавица. — Я думала, у меня родится чудовище или урод. Но теперь я впитала великий огонь с небес и чувствую, что во мне зреет что-то прекрасное. — Она села рядом с преобразившимся слугой и взяла его за руку. Будущая мать сама во многом напоминала ребенка, — правда, ребенка доброго, доверчивого и не по годам умного. — Я была глупой и бесчувственной, но теперь я изменилась. Мне кажется, я изменюсь еще, но не сейчас. А до того мы будем жить здесь? Пока не родится наша девочка. Мне уже сейчас не терпится посмотреть на нее, ведь она будет не такая, как все. Зачатая тобою в моем теле, но сформированная светом звезды.

— Какие у тебя прекрасные волосы, — заметил слуга. — Они пахнут липой и корицей. Как тебя зовут?

— У меня никогда не было имени, — ответила женщина.

— Я буду называть тебя Аштвар — Солнечное Пламя, потому что твоя голова похожа на солнце в обрамлении золотых лучей.

Рыжевато-коричневая крыса, видя, что люди потеряли к ней интерес, встряхнулась и побежала к своей семье. Облученный светом кометы, зверек теперь понимал человеческую речь. И сразу же похвастал перед своими женами:

— Двое очень красивых людей гладили меня. А мужчина сказал, что будет называть меня Солнечное Пламя, за мою шкурку.

— О! — ответили его жены. — О!

И принялись почтительно вылизывать ему бакенбарды в знак того, что верят каждому слову.

Позднее, когда день пошел на убыль, крысы вылезли из своих нор — навестить мага и поджесть его ужин, появившийся, как обычно, силой колдовства. Маг по-прежнему пребывал в унынии, а потому ел без аппетита. Крысы с радостью помогли ему и под конец даже опрокинули кувшин с вином, после чего начали распевать хриплые песни о тех временах, когда крысиное племя правило миром.

Маг тем временем поднялся на крышу.

Сумерки уступали место ночи, но звездочет все же разглядел гулявшую по холмам воркующую парочку.

— Так я и думал, — пробормотал маг, наблюдая за тем, как ставший чрезвычайно любезным и нежным слуга срывает фрукты и отдает их молодой женщине. — Мое отчаяние погубит все планы, — добавил он, заметив слабое сияние, которым все еще светились ее кожа и великолепные волосы.

Перегнувшись через зубцы, венчавшие крышу, маг окликнул слугу:

— Я собираюсь вернуться в город. Ты едешь со мной?

— Дорогой хозяин, — сказал слуга. — Если считаете, что я окажусь вам полезен, я, разумеется, буду сопровождать вас. Но тогда я хотел бы просить вашего разрешения взять с собой жену.

Это было сказано так искренне и с такой очевидной готовностью услужить, что маг рассвирепел.

Он молча повернулся, звонко пнул волшебную машину и, громко топая по ступеням, вернулся в свою комнату. Сотворив на заднем дворе некое подобие повозки, он препроводил в нее книги и инструменты и поспешно покинул замок.

Любовники не заметили его ухода.

Когда жители деревни вернулись из пещер, гоня перед собой блеющие стада, то заметили, что все изменилось: их дома и сады, сама земля, на которой они жили. И продолжало меняться — прямо у них на глазах. Люди боятся изменений. Ведь неизвестно, чем станет то, что начало меняться: из одного и того же яйца может вылупиться и птица, и змея. Но перемены, принесенные кометой, были явно к лучшему, и страх, охвативший людей поначалу, постепенно исчез.

Там, куда проник свет кометы, не осталось ни одного засохшего дерева, ни одной травинки, которые не распустились бы свежей зеленью и цветами, ни одного клочка земли, который не начал бы приносить плоды. Фрукты созревали раньше срока, а когда их срывали, на ветвях тотчас вырастали новые. Урожай злаков был невероятно велик, а когда его собрали, на пашне появились новые зеленые ростки, и так повторилось несколько раз. Урожай получился впятеро больше обычного, и так должно было продолжаться еще не одно десятилетие.

В старой шахте, давно истощенной и заброшенной, люди обнаружили следы медной руды и золота.

Голубые розы, ценнейшие розы древней земли, оплели каждую ограду. Из трещин в стенах проросли орхидеи.

Дикие кошки больше не нападали на стада. Лисы не таскали цыплят. Время от времени какое-нибудь животное начинало говорить, хотя, как правило, суть его речи, обращенной к людям, оставалась непонятной.

Со временем из земли поднялись неизвестные деревья с золотистыми листьями и пьянящим ароматом. В реке появились рыбы с золотой чешуей. Мясо их оказалось несъедобным, но, умирая, рыба превращалась в чистое золото, а ее глаза становились сапфирами.

Из скалы над прудом, где росли камыши, забил водопад. Новорожденная вода прыгала по камням и пела, словно эолова арфа.

Люди говорили друг другу:

— Если небесный свет принес всю эту красоту, значит, он был не так уж вреден.

А женщины добавляли:

— Зачем же мы убежали? Почему ожидали зла, а не добра? Если б нас тоже коснулся этот небесный огонь, может быть, мы стали бы такими же плодородными, как земля.

Но при этом жители деревни не забыли отметить, что дурочка наконец пропала. Небеса сняли проклятие и послали свет. И люди с радостью прославляли богов.

А Аштвар, та самая дурочка, которую не узнал ни один житель деревни, поселилась с мужем недалеко от поющего водопада. Домом им служила хижина из хвороста, обмазанного глиной, садом они считали весь окружающий мир.

Эта пара счастливо проводила дни и ночи в своем саду, питаясь его обильными плодами. Животные прибегали к хижине, чтобы поиграть с ними. Вода пела, и мужчина учился петь вместе с ней, сочиняя собственные песни. Аштвар плела из тростника самые разные предметы — аккуратные лодки, легкие птичьи клетки, изящные статуэтки — и оставляла их на берегу пруда. Женщины, приходившие купаться, обычно забирали эти игрушки, восхищаясь искусностью работы. В обмен они приносили монеты, соты с медом и домашнюю утварь.

Каждое утро, просыпаясь, Аштвар целовала мужа, спавшего рядом с ней. Когда она плела из тростника, нежно разговаривала со своим будущим ребенком: «Любовь моя, я никогда больше не буду так близка к тебе, как сейчас».

Иногда ночью Аштвар в одиночестве прогуливалась около пруда. Она пристально вглядывалась в подмигивающие глаза звезд. Муж обычно подходил к ней и спрашивал:

— Тебя что-нибудь беспокоит?

— Нет, мое настоящее не беспокоит меня, как, впрочем, и мое будущее.

Но в такие моменты ее душа и сознание были далеко, очень далеко. Они парили в небесах, словно два пера, связанные тонкой шелковой ниткой.

— Мне кажется, ты вскоре оставишь меня, — продолжал ее муж. — Даже сейчас ты путешествуешь где-то, куда я не могу пройти.

Тогда Аштвар обнимала мужа. Ее волосы и кожа светились в темноте. Мотыльки прилетали к ней, словно к ночной лампе, а осы, которых манил нектар водяных лилий, садились на кончики ее пальцев. По мере того как плод созревал в ее чреве, женщина полнела, но выглядела по-прежнему прекрасной.

— Как я жажду посмотреть на тебя, — говорила она своему ребенку, плоду насилия и ужаса, ставшему носителем чистоты и эфирного огня.

Однажды, когда мужчина отлучился из хижины, чтобы собрать дикие тыквы, у Аштвар начались схватки. По своему неведению она не испугалась. Боли были не очень сильными, и это обнадежило ее. Женщина решила, что сможет их вынести. Аштвар знала их причину; кроме того, неудобство, которое она испытывала, подстегивало ее. Очень скоро та, кого женщина ждала с таким нетерпением, будет рядом с ней. Природный животный инстинкт подсказал ей, что делать. Свет сделал ее сильнее. И роды были легкими и недолгими.

Около полудня мужчина уже возвращался домой через рощицу молодых деревьев. Проходя над водопадом, он услышал детский крик, бросил собранные им тыквы и помчался к хижине.

Вбежав в дом, мужчина увидел жену с ребенком на руках. Малышка деловито сосала грудь.

Когда девочка заснула, родители наконец смогли как следует рассмотреть ее. Новорожденная была беленькой, как лилия, и на ее маленькой головке светились туманным облачком светлые, почти белые волосы.

У малютки было трое родителей: мужчина, женщина и комета. Но золото солнца обернулось в ней лунным сиянием. В отличие от матери, девочка не светила в темноте. Зато неземным светом сияла ее красота. Капля молока упала с груди Аштвар на землю, сверкнув на мгновение, словно дымчатая жемчужина, пока не впиталась в благодарную землю. Позднее на этом месте вырос цветок.

— Завех, — напевала женщина. Это имя она выбрала для своей дочки. Муж не возражал, потому что «завех» означало «пламя».

Мужчина сидел в самом темном углу жилища, чтобы скрыть текущие по лицу слезы. Он знал, что жена скоро покинет его, а ребенок предназначен для иных рук. Теперь он достаточно выздоровел, чтобы чувствовать, насколько болезненным окажется наказание за его прошлую жестокость.

Уже почти год родители и ребенок жили вместе. Аштвар делала для девочки игрушки из тростника. Отец смастерил ей колыбель из ствола дерева. Временами они смеялись и пели, но чаще просто сидели молча. Иногда супруги занимались любовью, а ребенок бестревожно наблюдал за ними.

Часто ночью, в самую темную пору, бывший слуга мага прогуливался со своей дочкой. И не раз, подходя ко входу в жилище, он видел отблеск света, скользящий по берегу пруда, и его отражение в воде. Сначала он принимал это свечение за бесовские огни или болотные гнилушки, но однажды, когда свет начал перемещаться, он понял, что это светится в темноте Аштвар, его жена.

Прошел еще один год. Однажды ночью мужчина увидел Аштвар, идущую по воде. Она казалась сосудом из золотистого стекла, до краев наполненным тихим светом.

Женщина подошла к нему, и на ее отрешенно-прекрасном лице он прочел одновременно сожаление и радость.

— Значит, ты уходишь, — пробормотал он, но постарался не показывать своего горя, чтобы не испортить ей последних минут расставания.

— Так должно быть, — сказала она. — Мне кажется, я не должна оставаться дольше в таком обличье. Я знала, что мне недолго придется быть женщиной. За этот короткий срок я узнала, что такое счастье, — ведь я была с тобой и с нашей дочкой. Какая-то часть меня сожалеет, что настала пора расставаний, но другая стремится навстречу судьбе. Небесный огонь, давший мне жизнь, теперь зовет меня.

— И ты не боишься? — прошептал мужчина. Сам он со страхом видел, как сквозь кожу жены просвечивают кости, словно каркас хрустальной статуэтки, а в темных глазах разворачиваются сверкающие созвездия.

— Ребенок ведь не боится расти, как и река не боится течь к океану, — отозвалась Аштвар.

Они вместе вошли в хижину и посмотрели на девочку, названную ими Завех.

— Мне кажется, что наша дочка не сможет жить так же, как живут другие дети. Ее судьба необычна, — сказала Аштвар. — Не упускай знамений. События покажут, как тебе поступать с ней.

— Значит, я не смогу удержать ее?

— Ты же не можешь удержать в клетке лунный свет.

На это он не смог промолчать и с горечью сказал:

— Когда я останусь один, я умру.

— Не теряй времени попусту, — предостерегла его жена. — Живи и учись.

Утром она ушла.

Говорят, пастухи на ближних холмах видели женщину, идущую по склону. Один из них воскликнул, что она одета в золото, другой утверждал, будто ее одежды светились. А третий видел, что, едва краешек солнца показался над горизонтом, топазовая звезда поднялась, словно птица, и полетела навстречу восходу. Эта звезда-птица была настолько яркой, что он с трудом смотрел на нее, и все же ему казалось, будто это летела женщина в одежде цвета расплавленного золота и с крыльями, как у голубки...

В деревне жила одна женщина, жена сборщика тростника. Года за два до появления кометы она

пошла к озеру нарезать тростника, а заодно искупаться. Там грязный слуга мага кинулся на нее, и отважная женщина ранила его в бедро. Вечером, когда она готовила ужин для своего мужа, к ней прилетела птица, посланная магом, чтобы выбрать ее. Тогда муж заслонил ее от птицы и обругал мага. Когда испуганная птица улетела, женщина подошла к мужу и обняла его.

— Какой ты смелый и умный! — похвалила она его.

Они забыли про ужин, стывший на очаге, и провели прекрасную ночь, зачав ребенка. Когда комета появилась над деревней, они вместе со всеми жителями деревни убежали. Женщина к этому времени была уже беременна, но избежала выкидыша, как это случилось со многими другими женщинами. Однако она постаралась, чтобы ни один из странных лучей не коснулся ее, и после возвращения продолжала жить в деревне, как прежде. В назначенный срок она родила здоровую, крепкую девочку, которую все соседи сочли прехорошенькой. В самом деле, в те времена, как и сейчас, многие новорожденные были очень милы.

Однажды утром эта женщина снова оказалась у пруда. Срезая тростник, она оставила ребенка лежать неподалеку в корзинке на безопасном, как казалось матери, расстоянии. Погода стояла жаркая, и женщина работала медленно, напевая в такт мелодии водопада. Она думала о водопаде, о том, как он создает музыку, и обо всех невероятных изменениях, которые все еще происходили вокруг. Ритм работы так увлек ее, что она все срезала и срезала ножом серо-зеленые стебли... Между тем девочка, предоставленная самой себе, выбралась из корзины. Она поползла среди тростника, разглядывая широко раскрытыми глазенками эти таинственные темные заросли. Под листьями на стеблях сидели пауки, похожие на зеленые марципаны; они пристально смотрели на крошку жемчужными глазами, блестящими на их мохнатых головах, словно шапки из драгоценностей. Изящные жуки в блестящих, словно латы, панцирях ползали возле девочки, шумно сталкиваясь длинными рогами.

Ее мать прервала работу, чтобы перевести дыхание, и обернулась. Дочь, только что мирно спавшая в корзинке, уверенно топала к воде.

Потрясенная и испуганная, женщина громко вскрикнула. Девочка вздрогнула и потеряла равновесие. Густая, как патока, вода медленно расступилась, чтобы принять драгоценный дар. Затем поверхность сомкнулась и уже не разошлась. Ребенок остался в царстве водяных лилий.

Жена сборщика тростника начала кричать и бросилась бы прямо в воду, но в этот момент из тростников показался мужчина. Он ринулся к пруду и нырнул в черный омут. Он не сказал ни слова, но женщина поняла, что этот человек видел ее ребенка в момент падения и бросился на помощь. Поэтому она выбежала на берег и, в ужасе бормоча молитвы, смотрела, как на поверхность пруда поднимаются пузыри и черный ил. Дважды мужчина выныривал на несколько мгновений: он глотал новую порцию воздуха и нырял снова.

Уже тогда каждому, кроме матери, стало бы ясно, что ребенок утонул. Но мать есть мать. И когда мужчина наконец вылез из пруда, держа в руках сверток, полностью покрытый илом, женщина решила, что это просто большой ком грязи, который он поднял со дна и теперь неловко протягивал ей вместо девочки. Хотя жуткое выражение лица незнакомца говорило о другом.

Но жена сборщика тростника не глядела в лицо спасителю. Она уставилась на черный комок у него в руках. Женщина помотала головой, начала медленно пятиться от кромки воды, а затем вдруг повернулась спиной к пруду, к мужчине и его противному черному свертку и опять заголосила, хлопая ладонями по земле.

Именно в этот момент мужчина, а это был, конечно же, бывший слуга мага, услышал бление козы. На противоположном берегу пруда появились молодая белая козочка, кормившая молоком его собственную дочь, и сама девочка по имени Завех. Мужчина поспешил на тот берег, не желая, чтобы только что увиденное им повторилось с его ребенком. Положив мертвого, измазанного илом младенца в камыши, он добрался до берега и взял дочь на руки.

Завех встревожил крик женщины. Она обмочилась и зашлась громким плачем. Этот крик проникал в сознание, словно тонкая золотая игла.

Поэтому он без труда проник в ухо обезумевшей матери, заглушив ее собственный плач. В голове

бедной женщины колоколом загудел призыв, словно кто-то невидимый заговорил с нею: «Слушай, слушай! Конечно, ты не могла ошибиться. Твой ребенок жив!»

Мать бросилась к воде и через мгновение уже изо всех сил плыла к тому месту, где стоял мужчина с девочкой на руках. Он стоял и с удивлением наблюдал за странной женщиной, наблюдал до тех пор, пока она не выбралась на берег, подбежала к нему и выхватила ребенка из рук.

— Ты спас ее! О, тысячу благословений тебе! И столько же от отца, когда он узнает об этом!

Мужчина был настолько потрясен, что не сразу сообразил, как ответить обезумевшей матери. Опомнившись, он указал на тростники, где лежал мертвый ребенок, воскликнув:

— Нет, это моя дочь! У тебя на руках сидит моя дочь. Твой ребенок утонул, он лежит там.

Услышав эти слова, жена сборщика тростника пришла в дикую ярость. Лицо перекопилось, глаза налились кровью, а из горла вырвался звериный рык.

— Грязный обманщик! — кричала она. — Неплохо придумано! Ты показал мне пригоршню грязи и думаешь, будто я поверю, что мой ребенок мертв? Хочешь заполучить его себе, проклятый похититель детей? Это моя девочка, она только что выбралась из воды, я же чувствую, что она совсем мокрая!

Должно быть, сходство между двумя девочками и впрямь оказалось велико, к тому же малышки были примерно одного возраста, иначе мать не смогла бы так жестоко обмануться. И все же странно, что мать не узнала свое дитя, рожденное ее телом, вскормленное ее грудью; дитя, которое она укачивала и носила повсюду два года — в животе и на руках. Случилось так, что резкий материнский крик заставил младенца упасть в воду. Нелепое, неумышленное убийство. Ее вина была не больше, чем вина дикой собаки, в бешенстве кусающей всех обитателей леса. Возможно, бедная женщина сама хотела ошибиться, чтобы не успеть почувствовать, как эти зубы хватают ее за сердце.

— Мерзкий грабитель! — продолжала кричать она. — Какое зло ты задумал? Может быть, убить и съесть мою дочь? Или изнасиловать ее?

Выкрикивая эти ужасные обвинения, женщина обратила внимание на голубоватый шрам вдоль бедра мужчины. Несчастная будто глотнула пшеничной браги: ей хватило одного вида этого шрама, чтобы вспомнить о насильнике и своем ноже. И тогда женщина повернулась и бросилась прочь, прижимая к груди свою ношу. Раздался надсадный детский крик, но она приняла его за страх перед этим страшным человеком, а вовсе не перед ней самой, уносящей ребенка прочь от отца.

Мужчина застыл как вкопанный, уставясь на обезумевшую женщину. Когда она побежала, он бросился вслед. Но маленькая белая козочка преградила ему дорогу. Взглянув на кормилицу своей дочери, он вспомнил Аштвар, часто игравшую с козочкой. И словно наяву услышал слова жены, прозвучавшие перед разлукой: «Не упускай знамений. События покажут, как ты должен поступить с нашим ребенком». И теперь возмездие свершилось. Он был наказан и награжден одновременно. Мужчина не стал преследовать беглянку, а козочка, потоптавшись у его коленей, слегка подтолкнула своего хозяина к дому. Заплавав, бывший слуга поднял ее на руки и вытер длинной белой шерстью слезы, горькие, как умолкшая песня водопада.

Женщина, убедившая в невозможном себя, убедила в том же и мужа, а с ним и всю деревню. Но когда люди собрались разыскать и убить злодея, оказалось, что он исчез. Они нашли только хижину, несколько тростниковых игрушек, сделанных еще Аштвар, и пустую колыбель. Все это жители деревни без сожаления сожгли. А в свете костра в тростнике у кромки воды танцевали жуки и пауки.

Но через месяц, а то и два многие женщины стали замечать неладное:

— Как-то иначе выглядит твоя девочка. Должно быть, тот негодяй сильно напугал ее. Но, как бы то ни было, она стала еще красивее.

И женщина улыбалась. (Хотя теперь ночами ее часто мучил один и тот же кошмар: маленький сверток с белыми костями и проросшие сквозь него тростники.)

Больше девочку не называли Завех, что означает «пламя». Ее называли именем утонувшей. Но это имя люди уже забыли, хотя оно и звучало не хуже других простых имен. А девочка становилась все краше.

Как солнце в лунном свете. Та, которая могла бы родиться чудовищем, хромым, отвратительным и безумным ребенком, изменилась в свете кометы.

Но время шло, и красоту девочки все чаще стали называть «нездешней». Она росла скромной и доброй, как и полагалось деревенской девочке, но в ней, словно в кристалле, заключалась сдержанная сила, свет и что-то еще, неведомое даже ей самой. Она была живым человеком, до нее можно было дотронуться и ощутить тепло молодой кожи; задать вопрос и услышать вежливый и тихий ответ. И все же кто мог почувствовать ее сквозь оболочку кристалла? Кто мог любить сквозь оболочку?

Глава четвертая

ИЗБРАННИЦА

Девочка росла. К пятнадцати годам она превратилась в настоящую красавицу, но по-прежнему оставалась отрешенной и недоступной.

Странные взаимоотношения сложились у нее с соседскими парнями и девушками. Еще детьми они инстинктивно понимали, что она не такая, как все. Но тем не менее не боялись и не питали к ней злобы. Необычная девочка держалась так спокойно и сердечно. Если у детей что-нибудь происходило: спор, перебранка, даже ссора, а взрослых поблизости не случалось, ребяташки обычно шли к ней, даже когда девочке было всего только три или четыре года. И каким-то образом ей удавалось успокоить и утешить их. Они относились к ней, как к старшей, хоть она и была одного с ними роста и возраста. Они даже немного гордились ею — и в этом им вторили взрослые. Когда через деревню проходили путешественники, им показывали дочь сборщика тростника, ту самую, которая утонула и была спасена. Девочка стала достопримечательностью деревни, почти святой или блаженной, хотя открыто этого не признавали, — то ли потому, что не хотели, то ли просто не могли.

Но красавица росла, и мысли молодежи все чаще крутились вокруг нее. Девушки обычно усаживались рядом с ней, рассказывали ей обо всех своих горестях и радостях, прислушиваясь к ее разумным замечаниям. Парни избегали смотреть ей в глаза, иногда казавшиеся синее, чем само небо, но все же искоса поглядывали на ее гибкую стройную фигуру и копну волос цвета полированной стали. Они думали о ней, когда ходили за птицей и скотом, когда пахали землю, собирали урожай или били молотом по наковальне. И вспоминали о ней, когда занимались любовью со своими девушками или с охочими до таких забав девицами из таверны, что появилась рядом с замком на холме. Но даже думая о том, какова она окажется в постели, парни не без стыда ощущали греховность таких мыслей. Ее нельзя было назвать нежеланной и холодной, нет. Скорее, она была окружена невидимой, но в то же время всем очевидной аурой, тем напряженным покоем, что окружает бутон, страстно желающий распуститься. И каждый спрашивал себя: «Суждено ли мне освободить ее?» Но помимо туго спеленатых лепестков этот бутон защищала еще одна оболочка — едва ощутимые грани кристалла, в котором томила душа девушки.

Однако человеческое желание часто слепо, его девиз: «Я хочу иметь, а значит, я буду иметь». Иногда такая слепота помогает жить, но в данном случае стремление сорвать желанный цветок было чистым безрассудством.

И все же молодые люди начали свататься к дочери сборщика тростника.

Родители, несмотря на то что немало гордились своим чадом, знали о «странных особенностях» своей дочери еще меньше, чем остальные. Им было вполне достаточно того, что она лучшая дочь в мире, самая прекрасная, самая добродетельная и трудолюбивая, и нечему тут удивляться, ведь это их дочь, а значит, ей и быть лучше всех. А с прибытием сватов они исполнились еще большего восторга, поскольку предложения руки и сердца приходили одно за другим: от богатого сына кузнеца, от сына местного землевладельца, у которого было больше сотни оливковых деревьев и более трехсот коз. А также от всех трех сыновей пекаря. И еще от младшего брата виноторговца. И кроме того — правда, об этом лучше помалкивать, — совсем уж невероятное предложение от племянника продавца шелков, который однажды проезжал мимо деревни и увидел девушку в окно кареты.

«Разве это не удивительно?» — радовался сборщик тростника. И он обстоятельно рассказывал дочери о каждом из молодых людей, просивших ее руки, расхваливая их обаяние и достоинства. Но при этом, будучи честным человеком, он ни разу не превозносил богатых над бедными, а каждого оценивал сообразно его личным качествам.

Он разглагольствовал, а девушка сидела тихо, как лист, и счастливый отец радовался ее скромности. Но странно то, что ее мать становилась все более беспокойной и все реже улыбалась. Мать вспоминала зеленый пруд и мертвого ребенка, который вернулся из объятий смерти, превратившись из комка черного ила в нечто живое и прекрасное. Матери казалось, что она видит слабое сияние над головой ее чудесной

дочки, но она уговаривала себя, что это лишь отблески лучей летнего солнца, светившего в открытую дверь. Женщине хотелось обнять мужа и прошептать: «Больше ничего не говори». Но, возможно, в ней просто заговорил обычный материнский страх потерять свою дочь.

— Теперь, — сказал отец, еще раз подробно описав всех претендентов, — ты можешь думать столько, сколько нужно, чтобы решить, за кого тебе выйти замуж. Это трудный выбор, потому что многие из них хороши, а некоторые очень хороши. Помни одно: нельзя руководствоваться только богатством. Твоя мать и я бедны, но мы всегда были счастливы друг с другом.

Девушка подняла голову. Она улыбнулась ему своей нежной улыбкой и произнесла:

— Я еще не встретила человека, с которым хотела бы жить.

Такой ответ озадачил отца. Сам будучи мужчиной, он считал, что большинство мужчин — прекрасные создания.

— Послушай, что за нелепые речи, — удивился он. — Какие же тебе еще надобны женихи?

Девушка всегда была послушной и кроткой. Родители знали ее как любящую, внимательную и спокойную дочку. Они не замечали ее внутренней силы и удивительной рассудочности, хотя время от времени и удивлялись иным ее поступкам. Но в этот раз их всегда послушная дочь произнесла своим обычным мягким тоном:

— Я не хочу выходить замуж. Я всем и каждому отвечу «нет».

Отец был ошеломлен. Он никогда не считал себя тираном, но сейчас в нем закипел гнев. Не получив от дочери другого ответа, он начал выходить из себя.

— Но ты должна выйти замуж! — рявкнул он, вскакивая.

— Нет, — ответила девушка все так же спокойно. Так спокойно и тихо подтачивает камень вода, тысячелетиями роняя каплю за каплей.

— Я покажу тебе «нет»! — прорывал отец и запер ее дома, запретив выходить.

Отец заставил ее сидеть среди глиняных горшков у очага. А когда она в очередной раз сказала «нет», он приказал жене давать ей только хлеб и воду. Несчастный стал сам не свой, потому что не мог понять, что же случилось с его девочкой. Мать плакала и просила дочь вести себя разумнее. Как-то раз сквозь открытую дверь в дом пробрался солнечный луч и, прикоснувшись к стопе девушки, пробежав по ее лодыжке, попросил: «Скажи „да“, стань свободной, и мы будем играть вместе». В другой раз аромат цветов проник в комнату и посоветовал: «Скажи „да“, стань свободной, и я навечно пребуду с тобой». Однажды птицы пропели девушке: «Мы все живем парами, и каждая счастлива в совместной жизни, скажи „да“, скажи „да“». Но красавица опять ответила: «Нет».

Через неделю отец пришел в себя. Он вошел в дом и поднял дочь на руки. Он дал ей в одну руку апельсин, а в другую — чашу вина.

— Я глупо вел себя, — сказал отец. — Нельзя не уважать девичью безрассудность. Ты должна меня простить. — И с этими словами он надел на ее палец массивное золотое кольцо. — Не надо было заставлять тебя делать выбор. Я понял свою ошибку и решил за тебя. Вот обручальное кольцо от сына землевладельца. Через месяц ты предстанешь с ним перед старейшинами и выйдешь замуж.

Сказав это, отец выждал немного, глядя на дочь, словно ожидая вспышки гнева. Но девушка подняла свои бирюзовые глаза и открыто посмотрела ему в лицо, без упрека и слез.

— Ты хочешь поступить как лучше, — ответила она. — Мне жаль, но так не будет.

Она сказала это так уверенно и спокойно, что едва взявший себя в руки сборщик тростника снова не на шутку разозлился. Он замахнулся, чтобы ударить девушку по лицу, но жена поймала его руку и повисла на ней.

— Только подумай, как это будет выглядеть! — закричала она. — Наша дочь, снявшая вуаль во время обряда, с золотым кольцом на пальце и синяком на лице!

Красавица не знала тайны своего рождения. Да и откуда ей было знать? Никто не мог поведать ей об

этом — ни в детстве, ни когда она уже достаточно выросла, чтобы понять. Даже звезды и солнце не говорили с ней, как говорили с ее настоящей матерью. Дочь кометы выросла и жила среди людей. Она никогда не жаловалась на судьбу, ожидая чего-то большего, чем размеренная деревенская жизнь.

До сих пор ей никогда не приходилось говорить раз за разом: «Нет, этого не будет».

Что же теперь направляло ее? О чем мечтает цветок, запертый внутри кристалла?

Вероятно, для изначального добра жизнь, человеческие поступки и само добро слишком просты. То, что другие принимали за утонченность, для девушки было просто способом существования. Она не стремилась стать хорошей. Она была сутью добра, его квинтэссенцией, и это казалось ей таким же естественным, как дыхание. Ненависть и жестокость, зависть и отчаяние — эти четыре ядовитые змеи, разъедающие душу человечества, не могли подобраться к ней. Но самой себе она не казалась особенной, принимая себя такой, какая есть. И все ее существо ожидало чего-то всеобъемлющего, абсолютного, со своей, неясной ей самой целью, и это было такой же частью ее, как и все остальное. Она не перечила сборщику тростника, но и не разделяла его чаяний. Девушка не перечила ни женщине, пришедшей сшить ей свадебное платье, ни соседям, которые принесли ей подарки. А когда молодые люди, которым отказал ее отец, приходили к ее дому, дико озираясь по сторонам, она выходила к ним и, как и прежде, могла, к удивлению родителей, успокоить их. Когда в их доме появился сын землевладельца, бледный от уксуса и романтических вожделений, она держалась с ним очень любезно и даже не отказала ему в братском поцелуе. Только после его чванливой фразы: «Надеюсь, ты не пожалеешь, что выбрала именно меня. Ты ведь тоже хочешь этого» — она тихо возразила: «Нет, не хочу».

Последовала немая сцена. Сборщик тростника как мог успокоил будущего мужа своей дочери. А надменный слуга молодого человека заявил, что землевладелец также против этой свадьбы и согласился на нее только под угрозой сына покончить жизнь самоубийством.

Когда гости ушли, сборщик тростника выскочил из дома, боясь, что поколотит дочь, если останется с ней наедине.

Наконец настал день свадьбы.

К дому сборщика тростника пришли женщины. Напевая и разбрасывая цветы, они проводили девушку в дом старейшин. Здесь красавица, одетая в расшитое платье, дала слово верности сыну землевладельца. После церемонии жених поднял вуаль невесты и разорвал ее пополам, что символизировало окончание ее девичества.

В экипаже, запряженном белыми, как голуби, лошадьми, жених и невеста отправились в имение землевладельца и здесь, вместе со всей деревней, отпраздновали свадьбу среди тамарисков, оливковых деревьев и ручных павлинов.

Кончился день, и солнце неспешно скрылось за краем земли. Медленно, словно неохотно, подобралась сумерки. Однако пиршество и танцы продолжались до первых звезд. Но глаза ночи не увидели невесту: едва отгорела заря, ее увели слуги. Красавицу проводили в покои, освещенные светильниками с ароматным маслом, убранные богатыми шелками. Здесь прислужницы раздели ее, надушили, одели в шелковые одежды под цвет тонких простыней. И когда все приготовления были закончены, они по традиции вслух стали восхвалять ее красоту. Прислужницы так увлеклись этими занятием, что не заметили очевидного — все сказанное оказалось правдой. Невеста действительно была стройной и гибкой, как стебель лотоса, а ее груди напоминали медовые колокольчики. Ее бедра и ноги, несомненно, радовали не только взгляд, но составляли предмет вожделений самого искушенного мужчины. Волосы девушки напоминали поток звездного света, а глаза — священные озера Белшеведа. То, что сказали прислужницы, было и так очевидно, но женщины едва ли это заметили. Если бы их спросили, показалась ли им невеста красивой, они бы ответили: «Очень хорошенькая». На самом же деле девушка походила на молодую луну, сияющую над морем. Или на свет утренней зари.

Возможно, именно ее свет, мягко струящийся сквозь шелковые одежды, сдержал молодого человека, когда он вошел к ней. Он был разгорячен вином и желанием, но, возможно, испытывал некоторую неловкость.

— Мой отец тотчас согласился на свадьбу, когда узнал, что недостаток приданого щедро искупается

твоей красотой, — провозгласил он.

Затем сын землевладельца подошел к своей невесте и обнял ее со всей показной страстностью, на какую был способен. Этот молодой человек уже преуспел в искусстве любви и, где надо, умел торговаться. Он ласкал и целовал свою невесту, ожидая от нее робкого ответа новичка на то, в чем сам мнил себя мастером. Но постепенно в нем зарождалось чувство, схожее скорее не со страстью, а с благоговением.

Нельзя сказать, что девушка проявила холодность по отношению к своему жениху, она, как и раньше, осталась нежной и любезной. Но в ответ на его прикосновения она не загорелась от страсти и не сжалась от стеснительности. Казалось, новобрачная была знакома со всем, что он делал, и в то же время проявляла к этому полное безразличие. Юноша, как прежде другие молодые люди, обнаружил перед собою цветок, заключенный в кристалл. Его страстный призыв разбивался об острые грани, цветок же продолжал пребывать в своем волшебном сне. Казалось, новобрачный должен был бы разозлиться и заставить девушку уступить своим требованиям. Но он не испытывал злости, а вскоре исчезла и его страсть. Желание угасло и заснуло в нем, не оставив после себя ни неудобства, ни разочарования. Сын землевладельца лишь удивился.

— Наверно, ты знаешь какие-то заклинания, — сказал он наконец. — И твои чары лишили меня мужества.

Это, конечно же, была шутка, хоть и немного неуклюжая, но девушка восприняла его слова всерьез.

— Твои мужские достоинства уже не раз подтверждались, — отозвалась она. — Просто я не для тебя.

При этих словах молодой человек побледнел и прошептал:

— Может быть, сами боги удерживают меня от этого?

— Я не знаю.

Сын землевладельца долгое время сидел на постели и пил вино. Наконец он рассмеялся и объявил, что боги дураки и он все равно когда-нибудь нарушит их запрет. Красавица не стала ему перечить и легла рядом. Но даже почувствовав рядом с собой ее гибкое, молодое тело, юноша не загорелся необузданной страстью. Его сердце охватила глубокая печаль.

Наконец бедолага заснул в ее объятиях, а красавица осталась девственницей. Так прошла их брачная ночь.

Наутро сын землевладельца устыдился своей несостоятельности, но девушка убеждала его в обратном снова и снова, постепенно распутывая узелки его беспокойства, пока он не убедил себя, что здесь, несомненно, вмешались боги, а значит, стыдиться нечего.

Наконец новобрачных навестил отец юноши, чтобы поздравить и поддразнить их, а вместе с ним пришли женщины, которым предстояло удостовериться в наличии крови на свадебных простынях (или, если необходимо, разлить ее, чтобы продемонстрировать всем желающим). Вошедшие так и застыли в дверях, увидев, что молодые спокойно сидят за игральной доской.

Отец немного смутился, но, обладая живым умом и острым языком, заметил, что, раз его сын выступает в роли учителя, а девушка — ученицы, игру следует рассматривать как прямое продолжение брачной ночи.

— И твоя жена, надо думать, не настаивает на чрезмерной защите своих бастионов, сын мой?

Молодой человек поднялся и со спокойным лицом печально ответил:

— Увы, она не моя жена. И никогда ею не будет.

Женщины, добравшись до постели, обнаружили, что там нет следов крови, и развели руками.

— Какие же этому могут быть препятствия, дети? — удивился отец, ведь глядя на девушку, он не мог придумать ничего другого, кроме какой-нибудь ужасной тайны.

Но сын опять не оправдал его ожиданий, мягко ответив:

— Препятствие одно — воля богов. Они хотят, чтобы эта девушка принадлежала им. И да будет так.

Легко представить, как быстро распространилась эта новость и какую бурю она вызвала в каждом сердце. Не только среди старейшин, но и в каждой деревенской семье, а в особенности в доме сборщика тростника начались перебранки. И они повторялись изо дня в день.

Но у сына землевладельца оказался твердый характер. Он выдержал все насмешки и грязные намеки с самым невозмутимым видом. После нескольких месяцев воздержания с одной стороны и спокойного отпора любому сплетнику он сумел вернуть себе доверие женщин и уважение окружающих.

Примерно каждые двадцать лет знатнейшие люди страны, богатые жители и старейшины самых больших деревень, тянули жребий. Избранные таким образом отправлялись через все земли, подвластные Белшеведу. Им, в свою очередь, предстояло отобрать среди детей и подростков тех, кого они сочтут достойными служения богам в городе белой луны. Юные соискатели препровождались в замок, одиноко стоящий недалеко от Белшеведа. Здесь детей подвергали всяческим испытаниям и проверкам, дабы определить истинных избранников богов. Иные впоследствии возвращались домой, ибо не были признаны достойными. Остальные же становились жрецами великого города.

Очередной отбор должен был произойти лет через шесть или семь. Но слова «девственница, предназначенная богам» звучали так часто, что на дочь сборщика тростника наконец взглянули другими глазами... И словно увидели ее в первый раз. Словно впервые была замечена ее удивительная бледность, ее серебристые волосы и немыслимо синие глаза... Да, эта девушка очень подходила для Белшеведа.

В деревню прибыли старейшины и аристократы. У местных жителей возник новый повод для гордости. Даже сборщик тростника опять заулыбался. Он снова чувствовал себя на высоте. Мало ли девушек удачно выходят замуж! А вот быть избранной самими богами... Разве не он всегда выражал сомнения по поводу ее замужества и даже запирали ее в доме, чтобы она уверилась, действительно ли хочет выйти замуж?

Завех принялись подвергать самым разнообразным проверкам. Ее долго расспрашивали. Женщины с холодными глазами проверяли ее тело, чтобы удостовериться в девственности претендентки, а потом целое судилище из хмурых старцев выясняли, чисты ли ее помыслы, мечтания и чаянья.

Но даже им она показалась цветком в кристалле. Раскрываясь внутри, снаружи она оставалась цельной, сосудом, наполненным чем-то, что было выше их понимания. Пристрастные судьи обнаружили, что не могут ни озлобить ее, ни задеть, ни вызвать гнев или слезы. Кристалл оставался цел, и в конце, концов экзаменаторы вынесли вердикт: эта оболочка имеет небесное происхождение, являясь некоей священной формой, в которую боги поместили девушку, закрыв к ней доступ смертным своей божественной волей.

Жители деревни плакали, когда девушку увозили в пустыню, в замок, расположенный в миле от ворот Белшеведа, где ей предстояло пройти последний отбор. Но сквозь слезы они радовались за нее. Радовались и ее родители. И те, кто любил ее сначала ребенком, а потом прекрасной девушкой. Все, кроме сына землевладельца. Он не плакал и не радовался. Уединившись в кружевной тени оливковых деревьев, он занимался любовью с другой девушкой, смуглой и прекрасной, словно распускающаяся роза. И только достигнув вершины блаженства, он еще раз почувствовал, что пустота, оставленная Завех в его сердце, соизмерима разве что с каплей дождя или случайной слезой. С маленькой комнатой в огромном дворце его страстей и желаний. Такая маленькая пустота не принесет ему сильной печали. Но так никогда и не заполнится.

Место испытания и подготовки соискателей находилось в лиге от Белшеведа. Это была старинная башня Шева, та самая, в которой когда-то Язрет играла костью своего ребенка, та самая, куда Чузар, Владыка Иллюзий, мастер недобрых шуток и страха, явился на ее зов. Но с тех пор пролетели столетия.

Старую башню укрепили новой каменной кладкой и дополнили множеством пристроек и дворов. Пруд, в котором некогда горел факел, теперь был облицован камнем и окружен тенистыми деревьями. Пальмы стали еще выше, а одна из них засохла. Ее громадный ствол превратили в деревянную колонну, возвышавшуюся теперь в центре помещения для опроса.

Эта колонна стала немым свидетелем того, как, сидя или стоя на коленях, в одиночестве или с такими же соискателями, она, деревенская девушка, которую снова называли Завех, выдержала немало трудных

испытаний.

Иной раз ее оставляли в одиночестве на много часов или даже дней. Или запирали в келье, где ползали ядовитые змеи, золотые и зеленые, или в комнате с зеркальными стенами, где она видела только себя, или в темной комнате, где она вообще ничего не видела. Таким испытаниям подвергались все соискатели. Тому, чьи нервы не выдерживали, достаточно было трижды громко крикнуть, и его тут же освобождали. Но за освобождением следовало окончательное исключение из числа соискателей. Дух жреца должен был закалиться сильнее, чем его тело. Поэтому ни одно из этих испытаний не проверяло физическую силу или выносливость, а лишь надежность внутреннего источника силы и веры, гибкость ума и духовную стойкость. По существу, они выявляли тех, кто давно обрел душевное равновесие в вере и неуязвим для соблазнов и мороков извне. Ритуал насчитывал много столетий и был разумен, как все, что проверено временем.

Завех выдержала все испытания с уже привычной отрешенностью. Она не знала, что значит «необычное», ведь она сама была необычной. И потому все ухищрения проверяющих ее воспринимала как нечто само собой разумеющееся. Она ничего не боялась. Даже многодневного поста, казавшегося многим почти невыносимым. Она шла навстречу каждому новому испытанию настороженно, но без колебаний, с широко раскрытыми глазами и открытым сердцем.

Последние этапы этого бесконечного экзамена проверяли интуицию и гибкость ума. Например, перед испытуемым могли положить яблоко. «Что ты видишь?» — спрашивали у кандидата. Некоторые, изучив яблоко, отвечали: «Это — жизнь. Пища в его теле и будущая пища в косточках, которые можно посадить в землю». А другие отвечали иначе: «Это символ человека — кожа и тело; а семена — в человеке являются семенами его души». Девушка взяла яблоко в руки и улыбнулась. Она подбросила его в воздух и поймала. Приведя экзаменаторов чуть ли не в ужас, она легкомысленно заявила: «Оно похоже на мяч, с которым играют дети». И добавила, окончательно лишив дара речи изумленных судей: «Круглое, как, возможно, когда-нибудь будет мир, который сейчас плоский».

Позднее, в тот же день, ее вывели на крышу башни и оставили у парапета, велев: «Наблюдай, пока не наступит темнота».

В ту эпоху жар пустыни был уже не так обжигающ, как в прежние времена. День угас за листьями и ветками деревьев, а воздух превратился в синее море. Появились звезды. В сумерках девушка услышала тихую музыку и шепчущий женский голос: «Скоро он вернется ко мне». Это звучал живущий в веках голос Язрет.

Девушка не испугалась. Всю жизнь она была уверена в своем сверхъестественном происхождении. Красавица поняла, что теперь замечает больше, чем раньше, слышит намного четче, а ее удивительные способности растут с каждым днем.

Повернувшись, она увидела на фоне блестящего синего неба темную женщину, стройную и прекрасную, а рядом с ней женщину с белой кожей и желтыми волосами. Девушка могла бы узнать из преданий, что это две королевы Шева, две жены Нейура. Но она узнала их по-иному, увидев их неземную суть своим обострившимся магическим зрением. Обе женщины спокойно беседовали друг с другом, прогуливаясь вдоль парапета. Девушка не расслышала их слов (а может, язык за прошедшее время сильно изменился). Они поравнялись с ней и прошли сквозь нее. Словно легкий летний бриз дохнул ей в лицо и просочился сквозь клетку ее костей и птицу ее сердца.

Но не все присутствовавшие на крыше стали свидетелями появления темной и белой женщин. Только наиболее восприимчивые видели эту короткую сцену, по какой-то причине неизгладимо впечатанную в фундамент и венец древней башни — возможно, потому, что это был редкий миг гармонии в череде страданий и несправедливости, жестокости и плача. Воспоминание об одном счастливом дне, запечатленное среди уныния многих печальных лет.

Но после того как призрачные женщины ушли, девушка, дитя кометы, увидела третью фигуру, идущую по крыше.

Справедливости ради стоит отметить, что это существо она увидела нечетко, как будто контур его тени размазало ночным ветром. На светлом фоне сумерек он напоминал темное облако. Его пурпурная фигура

клубилась, смешиваясь с темными испарениями ночи, а яркие блески на капюшоне можно было спутать с далекими тусклыми звездами.

Этого незнакомца она не знала даже из легенд, потому что все легенды о таких, как он, были искажены — как выяснил это сам Аззарн. Но не узнавая, она все же чувствовала, кто он, и сразу же опустила голову и закрыла глаза.

— Значит, ты узнала меня? — спросил он самым музыкальным из своих голосов.

— Я даже не догадываюсь, кто ты такой, Владыка, — возразила девушка, — но воздух волнуется, словно море, перед тобой.

— Я скажу тебе, кто я. Я — твоё безумие, — сказал Чүзар, Владыка Обмана, он же Повелитель Безумия, один из Владык Тьмы. — Ты безумна, моя дорогая. Даже твоё целомудрие не нормальное явление среди людей, верно? Но все блаженные — сумасшедшие, равно как и негодяи. По сути, не существует различия между святым и нечестивцем, кроме как в мыслях и делах. Они оба фанатики. Оба безжалостны. Завтра тебя отправят в храм. Не так уж долго осталось тебе ждать своей судьбы. Ты хочешь знать, что тебя ждет? Нет, — добавил Чүзар внезапно. — Не смотри на меня. Ты и так много видела, дальнейшего не жди. Я понимаю, что соблазн велик, но я не покажусь тебе. Мое лицо останется скрыто от тебя — пока.

— Благодарю тебя за это, — произнесла девушка. — Я почувствовала твою силу и понимаю, насколько ты велик и могуществен.

— Нет, это не я. Другой придет к тебе в положенный срок. Я верю в то, что именно его безумство, а не мое, руководит всеми другими безумствами в мире. Ты хочешь знать его имя? Лучше не надо. Мой третий двоюродный брат, отдаленный тремя поколениями черных династий ночи. Скорее я назову родственницей ящерицу, чем его, но он ближе ко мне, чем одна песчинка к другой. И ты сразу узнаешь его. Я думаю, ты достаточно безумна, моя дорогая, чтобы немного пожалеть его. Интересно, как он это воспримет!

Край капюшона, темно-синий, словно сумеречное небо, взметнулся, словно огромное крыло, над пыльной крышей. Девушка увидела звезды, напоминавшие осколки стекла. И услышала стук игральные костяшек, когда он исчез.

Опрашивавшие ее после испытания судьи пришли в замешательство.

— Возможно, это был неудавшийся соблазн дьявола, — решили они. — Или неведомый знак, явление какого-то посланца богов.

Как бы то ни было, на следующий день ее привели в белый, как соль, Белшевед, провели мимо гибискусовых башен к озеру с синей, как ее глаза, зеркальной водой. Она стала жрицей и получила имя Даниэль, что означало Душа Луны.

В своем пузыре-кристалле она теперь плыла рядом с другими, находящимися в подобных, но все же совсем не в таких, пузырях. Каждый по-своему плыл по течениям священного города, этого Верхнего Мира на Земле.

Здесь редко встречалась дружба. В каждом посвященном горел собственный свет, постоянно поддерживая их божественность. Религия была для них цветком, а они для нее — пчелами, создающими духовный мед, которым услащали горечь внешнего мира. Белшевед был их ульем.

Так со своей красотой и радужной девственностью, которую она когда-то отстояла, Даниэль жила в течение трех лет. Пока в ночи не пришел к ней запах темного огня, злого и не дающего света черного пламени. И выйдя ему навстречу, она увидела Аззарна, того самого, которого Чүзар назвал ее судьбой.

Глава пятая

ОБРАЗ СВЕТА И ТЕНИ

Солнце взошло над миром, и Даниэль, Душа Луны, вернулась в цветущий сад у священного озера Белшеведа. А тот, кто возлежал с нею этой ночью, вернулся в свой город Драхим Ванашту, под землю. Его чудесные прикосновения были легкими и мягкими. Казалось, он весь состоял из неведомого, неземного вещества, которое теперь смешалось с ее собственной плотью.

Драхим Ванашта, город демонов, вечно освещался светом Нижнего Мира, исходящим не от солнца, не от луны и даже не от звезд, но имел сходство со звездным, хотя и был ярче. Ярче, чем солнце в пасмурный день, и в то же время мягче. Он напоминал свет луны, но лишь напоминал, потому что все цвета в этом свете выглядели бледнее, словно подернутые дымкой. Показался ли Драхим Ванашта светлым Азарну, когда он вернулся из мира людей?

Башни остались такими же высокими и стройными, как и прежде, с теми же фантастическими орнаментами. Кружевные парапеты все еще поддерживали стрельчатые балки с горящими драгоценностями, все так же сверкали многоярусные окна из стекла, хрусталя, сапфиров и рубинов. Стены все так же поднимались, словно клинки мечей, или закруглялись, как сомкнутые крылья. Медь и серебро, нефрит, фарфор и платина — этому скоплению несметных сокровищ можно было только удивляться. В садах и парках на ажурных деревьях пели рыбы, а в прудах плавали птицы, и вокруг, словно колокольчики, звенели цветы. Здесь все оставалось неизменным. И неизменно прекрасные жители кланялись и приседали перед Азарном. Все его подданные были демонами, и все они любили его, потому что демоны редко служат тому, кого не боготворят, а Азарна они боготворили и жалели. И чувствовать чужую любовь было так приятно.

Но любить...

Жизнь демонов мало чем напоминала недолгую человеческую жизнь. Их страсти, как и они сами, были подобны ярости белого огня. Скорей всего, именно они изобрели плотскую любовь. Демоны не сделали бы этого, если бы сама любовь не являлась для них своего рода ключом к сердцу мира. Но огонь потребляет, съедает то, что дает ему силу и блеск.

Когда-то Азарн уже любил. Он даже решился перенести своего возлюбленного в город демонов и наблюдал за его ростом, словно садовник, ухаживающий за цветком или молодым деревом. Как-то Азарн сказал ему: «Я не отдаю свою любовь легко, но, однажды отдав, храню верность». Это было не совсем правдой. Список увлечений Азарна мог тянуться до бесконечности, некоторые из них были поверхностными, другие абсолютно случайными и длились не более земного года, то есть всего лишь дня в Драхим Ванаште. Но любовь обитала во многих домах множества разных стран. Все существует, как тогда, так и теперь, лишь пока оно видит, чувствует и думает. А любовь является всего лишь продуктом мысли. Может показаться, что она нелогична, но от нее не укрыться никому — ни божеству, ни демону, ни человеку.

Азарн бродил по своему городу, по его садам и окраинам в неизменном полусвете Нижнего Мира.

Демоны, отзывчивые к переменам его настроения, почувствовали в нем страсть к чему-то находящемуся за пределами подземного царства. Раньше, уверенные в его холодном гневе, они с готовностью служили ему. Однажды они уже доказали свою преданность, когда волшебная башня Тьмы и Света поднялась в пустыне. И теперь в княжеской касте демонов ваздру росло недовольство: «Наш владыка больше не нуждается в нас. Он встретился с кем-то, с кем хочет расправиться самостоятельно». И чувствуя одним им известным способом, кем является этот «кто-то», они испытывали болезненную ревность.

Даже взаимная любовь может оказаться болезненной. Ведь кроме мгновений счастья существуют часы ожиданий, сомнений и упущенных возможностей. Действительно, большинство смертных любовниц Азарна изменяли ему — конечно, не предпочтя ему другого мужчину, ибо ни один мужчина не в силах превзойти бессмертного Владыку Тьмы. Нет, они просто разочаровывали его, обманывали его надежды,

переставали удивлять или восхищать его. Или желали обладать еще чем-то, хотели удержать его любовь. А главный закон любви гласит, что ничто не может быть ценнее самой любви. Непреодолимое стремление к чему-то суетному, постороннему обычно заставляло Азарна сначала скучать, а затем оставлять своих любовниц — чаще всего лишая их жизни. Демоны всегда стремятся убить того, кто оказывается недостойным их любви, но не из чувства мести, а из желания привести в порядок незаконченные дела. (Ведь никто не хранит испортившуюся пищу, ее сжигают или выбрасывают вон.) В центре сада перед дворцом Азарна бил фонтан красного пламени. Он не обжигал и не давал света, но все же являлся самым прекрасным фонтаном на земле.

Азарн, князь демонов, уселся на черный газон у фонтана. Струя пламени танцевала в сумеречном свете, топазовые осы играли около прозрачных цветов, а он наблюдал за ними, в то же время думая о своем. Демоны старались не подходить к нему. Но когда в саду появилась эшва-женщина, одна из его служанок, пришедшая покормить рыб с нежными крыльями, сидевших на деревьях в серебряных корзинах, Азарн взглянул в ее сторону. Эшва, как и все демонессы, была чрезвычайно красива, и он с удовольствием отметил ее красоту. Но он сравнивал ее с цветами и кустами в саду. Если он и ощутил в ней женщину, то это было лишь отражение Даниэль.

Это казалось странным. Солнце могло сжечь его в пепел, а Даниэль была ребенком солнечной кометы. Но, возможно, ничего странного в том и не было.

А на земле проходили дни и ночи. Семь дней и еще дважды по семь дней. Прошел месяц. Два месяца. Начался третий.

Азарн не возвращался. Не послал никакого знака. Хотя время в Нижнем Мире текло иначе, нежели на земле, демоны обладали способностью чувствовать оба течения, и Азарн мог сравнить их до секунды. Он знал, что покинул красавицу достаточно давно. Следовательно, он думал о ней, но не искал ее. Могло ли так случиться, чтобы он боялся встречи, думая, что она разочарует его, ее привлекательность погаснет, а желания окажутся призрачными? Но он так же мог сомневаться и в самом себе. Не так уж просто было понять, что творилось тогда в его сердце и мыслях. Так или иначе, но Азарн не возвращался к Даниэль до середины третьего месяца.

На земле той ночью светила полная луна.

В Белшеведе давно отцвели деревья, и листья в саду повисли, словно налитые бронзой. Белые столбы у дорожек напоминали зубья костяного гребня, запутавшегося в волосах темноты.

Нигде не было слышно ни звука. Ветер не шелестел в деревьях, не морщил водной глади, не сдувал пыльцу с цветов и не шуршал маленькими клочьями пыли вдоль колоннад.

В своих чисто выбеленных кельях жрецы грезили во сне или наяву о своих богах, мечтая, чтобы их прекрасные волосы обвились вокруг молящихся, как серебряные волны. Повсюду в храме горели священные лампы, несколько жрецов раскачивались рядом в трансе. У главного храма Белшеведа над озером парили, появляясь и исчезая, неясные огоньки, следы колдовства и благоговения, оставшиеся после магических обрядов, словно отпечатки ног на песке.

В сердце Белшеведа зажегся и пропал черный огонь.

Азарн оглянулся вокруг. По его лицу и жестам нельзя было понять, с чем пришел он сюда. Его намерения и чувства были известны только ему самому.

Он прошел вдоль храма за великолепный алтарь, возвышающийся на спинах двух гигантских золотых скульптур. Его взгляд задержался на металлических животных, потому что между лапами одного из них сидела Даниэль.

На земле перед ней лежал лист пергамента, и время от времени она выводила на нем пальцами какие-то символы. Девушка тоже пребывала в трансе, ее дух витал где-то далеко от этого места.

Азарн бесшумно подошел ближе, но так, чтобы тень его плаща не упала на ее пергамент. Он был видим и в то же время невидим. Обычный смертный мог заметить лишь отблеск присутствия Азарна, а звук его шагов был недоступен человеческому слуху.

Он стоял рядом с ней и читал ее мысли.

Даниэль могла решить, что Азарн покинул ее и обратить свои мечты к чему-либо другому, заслуживающему внимания, например к своим богам, что от нее, разумеется, и ожидалось. Это было бы простительно, с точки зрения смертного, но Азарн никогда не простил бы ей, если бы она забыла его образ на какое-то время.

Он посмотрел сквозь ее светлые волосы, бледную кожу и белые кости, сквозь метафизическое вместилище мыслей в самое средоточие ее внутреннего «я» и замер, застыл, пораженный увиденным.

Он словно наткнулся на зеркало. В мыслях Даниэль царил Азарн, разрисованный красками темноты на холсте ее грез.

Да, она видела богов, но каждый из них для нее был Азарном. Некоторые представляли в женском облике, некоторые в мужском, одни были прелестными детьми, другие фантастическими зверями, но каждый из них был Азарном, каждый по отдельности и все вместе взятые. И если Владыка Демонов видел в ее мечтах небо, то тоже сталкивался с самим собою. И моря были Азарном, и земля.

Глядя на различные образы в ее разуме, он сам терял веру в них. Но девушка верила и видела, ясно и четко, сущность Азарна. Он превратил для нее в реальность даже нереальное, одухотворяя природу всех вещей. Он стал для нее всем — жизнью, сущностью мира.

Вероятно, если бы размышления Даниэль оказались не о нем или выдали Азарну обычные мечтания молодой девушки, он мог бы, в конце концов, постараться избежать ее, наказав за то, что она обманула его надежды. Но она не обманула Азарна. Она сделала его Богом.

И он высвободил из-под плаща руку и осторожно возложил на ее прекрасную головку, ставшую храмом Азарна.

Когда паломники, приближаясь к Белшеведу, шли по слабо светящимся дорожкам, ведущим из пустыни, город пел для них. Секрет этого волшебства заключался в том, что под дорожками располагались воздушные полости, в них от топота шагающих ног рождалось эхо, серебряный гром. Только у границы города эти полости обрывались, и, когда последний человек оказывался у ворот, звук стихал, вызывая удивление толпы. И теперь прикосновение Азарна породило подобное эхо в теле девушки, вызвав звук, который не мог умереть, а порождая все новые звуки, эхо от эха, песню от песни.

Он медленно входил в ее транс. Ее взгляд сфокусировался на Азарне, и она улыбнулась ему. Он снял руку с ее головы, продолжая безмолвно смотреть на нее.

Наконец девушка сказала ему:

— Хочешь, я преклоню перед тобой колени? Хотя я всегда на коленях пред тобой.

— Нет, не кланяйся мне, — отозвался Азарн. — Я долго был вдали от тебя, долго по вашему отсчету времени. Ты думала, я не вернусь?

— Но ты никогда не покидал меня, — возразила красавица.

Он знал, что она говорила правду, дважды правду — для Даниэль, потому что сохраняла его образ в своей душе, и для Азарна, который на самом деле был с ней в Нижнем Мире.

Князь демонов наклонился и поднял девушку на ноги. Все люди отзывались на его ласку, но сейчас, видя, что и она подвержена его чарам, он смутился и сделался неловок, словно впервые заметил такую реакцию смертного на явление божества.

— Я должен тебе кое-что сказать, но не сейчас, — продолжил Азарн. — Я возьму тебя с собой в путешествие сегодня ночью. Не пугайся.

— Если я буду с тобой, то мне нечего бояться, — ответила Даниэль.

— Все жрецы в Белшеведе — волшебники. Но ты больше чем волшебница. Показать тебе, кто ты?

Либо он всегда знал, либо без труда открыл тайну ее происхождения.

— Это новое знание обо мне?

— Возможно.

— Ты хочешь, чтобы я изменилась?

— Нет.

— Тогда не говори и не показывай мне. Покажи мне только то, что сохранит меня такой, какой я буду желанна тебе.

Аззарна удивило, а возможно, и взволновало такое самоотречение, которое, впрочем, вовсе не унижало. Демоны получали удовольствие от лести и услужливости и знали эту свою слабость.

— Тебе придется противоречить себе и унижаться, если будешь стремиться только к тому, чтобы доставить мне удовольствие, — предостерег ее Аззарн.

— Я — это больше чем мое тело, ум и моя душа, — сказала Даниэль. — Я — это еще и моя любовь к тебе. Я не могу отрицать или унижать свою любовь.

Аззарн, не найдя ответа, окутал девушку вихрем звездной ночи. Этот вихрь подхватил их и втянул в озеро сквозь пол храма. Аззарн стал черной рыбой с глазами-метеорами, а она — серебряной чешуей вокруг его лба. Рыба вынырнула из воды и превратилась в черного орла, форму, более привычную для князя демонов. А Даниэль стала светом на его груди — но не белыми перьями, а белым пламенем.

Ночное небо разорвалось вокруг них, как прежде разошлась гладь озера. Течения и потоки света, ветра и неосозанного эфира расступались и огибали их. Луна взобралась на самую вершину небес. Мир сверкал внизу, как гряда темных кристаллов.

Лигу за лигой Аззарн нес Даниэль в образе белого огня. Девушка видела землю и воду, появляющиеся и исчезающие внизу под ними, населенные города, озера их огней и черные провалы древних руин. Оказавшись над лесом, черный орел ненадолго остановился, чтобы отдохнуть на раздвоенном стволе старого дерева. Рядом с этим деревом появилась розовая птичка, светящаяся, как клочок тумана, пронизанный солнцем. Она осторожно села на ветку, несколько раз подняла и опустила головку, а затем пропела единственную звонкую ноту. А позже, когда луна начала опускаться, черный орел пролетел над полосатой поверхностью моря и сел на мачту призрачного корабля. Двести весел тут же вспенили воду, паруса развернулись к ветру, а штурвал стал вращаться вправо и влево, как будто чья-то рука управляла им, хотя на борту не было ни единого человека, ни даже призрака. Оставив корабль, перелетев море, Аззарн принес Даниэль к отдаленному склепу и, влетев через высокий вход, опустился на плиты пола. Здесь находился удивительный драгоценный камень сине-пурпурного цвета высотой в пять или шесть футов. Вначале казалось, что этот камень не имеет определенной формы, но постепенно становилось ясно, что это статуя, изображающая мужчину и женщину. Их длинные волосы переплелись, как и их одежды, а их руки крепко обнимали друг друга с дикой и яростной нежностью. В основании статуи был мраморный постамент, с выгравированными двумя именами и словами под ними:

«Эти любящие должны были умереть от рук врагов, так как оба были волшебниками. Они превратились в этот драгоценный камень, ставший тенью их любви. Пожалей их. Или позавидуй».

Когда луна уже садилась, орел спланировал на огромный луг, где огромные ночные цветы вздымались в рост человека. В темноте цветы казались серыми, но их запах был благороднее, чем самые изысканные благовония.

Здесь Аззарн принял мужской облик и возвратил Даниэль ее человеческий вид. Они безмолвно пошли вместе между стройными стеблями.

Наконец звезды притушили фитили своих ламп, прилив ночи начал убывать вдоль берегов утра. Наступил тот час перед рассветом, когда все живое и неживое как бы замирает, сдерживая дыхание. Серые цветы над их головами складывали крылья, словно спящие птицы, их запах делался все слабее.

Аззарн наконец заговорил:

— При нашей первой встрече я ранил тебя, а потом вылечил своей собственной кровью. Ты помнишь?

Улыбнувшись, она ответила:

— Ты думаешь, я могла это забыть?

— Я никогда не занимался с тобой любовью, Даниэль. Знай же, что для демонов плотская любовь не

является ни грехом, ни доблестью. В ней наше наслаждение, искусство и отдых, не менее, но и не более того. При таком общении мы не создаем ничего живого. Зарождение новой жизни среди нас требует больше сил и больше устремлений.

Она внимательно посмотрела на него и спросила:

— Каким же образом происходит зачатие ваших детей?

— По-разному, — ответил Азрарн. — Но среди ваздру это происходит в миг слияния крови. Моя кровь смешалась с твоей. Когда-то ночью я лежал рядом с тобой и запечатлел свой образ в тебе так же прочно, как печать перстня оставляет свой отпечаток на воске. Если бы я захотел сейчас, но только если бы захотел, ты могла бы носить моего ребенка и родить его. Но если я не выполню этого последнего этапа волшебства, которое я подготовил, ты останешься такой, как была прежде. Это не повредит тебе и не даст никаких преимуществ. Ты лишь будешь знать об этом, потому что я сказал тебе, что это так.

— И ты сказал мне это, потому что не хочешь, чтобы я родила твоего ребенка?

— Я хочу сказать, что ты можешь сама решить, будешь ли носить и рожать моего потомка. Ребенок будет девочкой, так как ты станешь формой, в которой она образуется, потому что у тебя есть детородные органы, как у всякой смертной женщины. Но хотя она будет похожа на тебя, она будет дочерью Азрарна, князя демонов, Владыки Ночи, одного из Владык Тьмы. Подумай об этом. Потому что, хотя ты и даруешь ей свой свет, ее сущностью будет Тьма. Сможешь ли ты предоставить в своем теле убежище такому созданию, Даниэль? А потом родить и баюкать его на руках. Я не делал и не делаю за тебя этот выбор. И никогда не буду настаивать.

— Почему же? — спросила она. — Ведь отцом ребенка будешь ты.

— Отцу также приходится видеть много зла в мире. Как, впрочем, и боль, и страдание.

Его лицо стало холодным и жестоким.

— Мой возлюбленный! — обратилась к нему девушка. — Ты — могущественнейший из могущественных. Ты не должен слушать глупых сплетен несчастных смертных и уж тем более верить им.

— Не сердь меня, — оборвал ее Азрарн. — Я не хочу сердиться на тебя.

— Я не верю в твою Тьму, — сказала она. — Впереди тебя ждут тысячелетия. А сейчас в тебе говорила злоба твоего невежества, которое умнее любой мудрости на земле. Но ты придешь к другому. Пока деревья живут, они должны расти.

— Помолчи, — бросил он ей, и уход ночи, казалось, приостановился, прервался, и закрывающиеся крылья цветков неслышно зашипели, словно перед молнией. Трава под ногами Азрарна стала сворачиваться и засыхать. Князь демонов опустил глаза, подобные черным солнцам, и длинные прямые ресницы, казавшиеся трещинами ночи, скрыли его мысли. Наблюдая за обуглившейся травой и воздухом, мерцавшим от страха перед ним, — или делал вид, что наблюдает, — Азрарн сказал девушке: — Ты не понимаешь сущности бессмертия. Только смертные могут предвидеть свое будущее.

И она увидела в нем, или ей это только показалось, слабый и очень отдаленный отблеск непонятного страха. Все создания, теперь и тогда, боялись Азрарна. Почему же он хотя бы один раз за двадцать веков не мог испугаться сам?

И возможно, заметив его страх, она подошла и встала перед ним на колени, словно желая разделить его страх. По правде говоря, даже если бы он убил ее в тот момент, девушка не испугалась бы, ибо любовь не оставила ей места для страха.

Но Азрарн поднял ее на ноги и поставил перед собой.

— Ты не сказала мне, согласна ли ты, — спросил он.

— Я уже сказала, — ответила красавица. — Тебе не нужно спрашивать.

— Если солнце становится луной, — прошептал Азрарн, — то это — ты.

Затем, обернув лицо к звездам, он произнес фразу на одном из магических языков Нижнего Мира. Небо, уже теряющее свою темноту, еще больше посветлело, словно сгустившись в круглую луну. И этот

освободившийся кусочек ночи медленно стал падать на луг, тихонько вращаясь при падении. И падая, он не рос и не уменьшался. Он опустился в раскрытую ладонь Азарна, оказавшись не больше клубка шерсти, состоящей из тонкой полупрозрачной темноты. Ночь сама по себе не была и не могла быть осязаемой, но Азарну с помощью волшебства удалось отделить от нее зримый кусок. И теперь он формировал частицу ночи, искусно и осторожно, пока в его руках не появилась легкая тень. Она оказалась взрослой и прекрасной женщиной, но маленькой, как кукла.

Он не произнес ни звука, но, словно поняв все без слов, Даниэль подняла руки, чтобы взять маленькую фигурку. Когда ее руки прикоснулись к этой форме, из нее начал исходить мягкий свет. Он напоминал лунный, но не был светом луны; он казался звездным светом, но не был им. Это был свет Нижнего Мира, Драхим Ванахты, города Демонов.

Фигурка постепенно увеличивалась. Она повисла в воздухе и вобрала в себя Даниэль. Потом, мерцая и подрагивая, устроилась на ней, словно вторая оболочка, приспособившись к каждой части ее тела, к каждой косточке и к каждой пряди волос. В течение нескольких секунд Даниэль была как будто окутана тонким слоем тумана. А затем туман проник внутрь ее тела, и девушка, в свою очередь, сама стала оболочкой, содержащей эту тень. И сквозь ее прозрачную белую кожу можно было различить сумеречное мерцание тени, наподобие бледного черного пламени за белым экраном.

На востоке появилось голубое сияние, исходящее словно от полированного ножа.

Луг с цветами опустел.

В Белшевед, среди деревьев, смотревших в озеро, неожиданно вернулась ночь в лице Азарна, и Даниэль — звезда, пойманная этой ночью.

Остались считанные минуты до того, как восход должен был разорвать горизонт своими позолоченными ногтями. Но, видимо, этого времени было достаточно, чтобы сказать тайные, невысказанные слова. И все же, когда они появились на краю темноты, Азарн заметил, что прежде них здесь появилась другая фигура, парившая теперь над водами озера.

Она больше походила на насекомое, возможно, на богомола, обернутого розовато-лиловыми полами плаща, напоминавшими крылья.

Даниэль обернулась, чтобы разглядеть пришельца, но Азарн повернул ее голову прочь от этого создания.

Но сам он пристально смотрел прямо на фигуру, и крылообразный плащ зашевелился, голова приподнялась. Под капюшоном показалась одна половина лица.

— Доброе утро, мой смелый брат, — раздался над озером мелодичный голос. — Почему же ты задержался так поздно? Солнце почти поднялось. О чем, интересно, ты думаешь?

— Это тебя не касается... А тебя, я полагаю, привело сюда безумие Белшеведа.

— Я не стал бы беспокоиться из-за безумия Белшеведа. Это так скучно. Есть кое-что гораздо притягательнее.

— Ты ошибаешься, — произнес Азарн. — Я совершенно уверен в том, что ты ошибаешься.

Повелитель Безумия, он же Владыка Иллюзий, засмеялся. Его смех напоминал скрежет ржавого металла. Он потряс лиловым плащом и улыбнулся. Впрочем, с уверенностью это можно было сказать только об одной половине его лица.

— Азарн Прекрасный, — сказал Чужар любезно, — это на твое великолепное безумие я пришел посмотреть.

Азарн, заслонивший Даниэль от взгляда Чужара как телом, так и магией, не зная или не желая знать, что она уже виделась с ним раньше, бросил на парящее над озером существо взгляд, исполненный холодной ярости. Владыки Тьмы редко затевали борьбу с себе подобными. То, во что могло это вылиться, пугало Азарна. Военные игры, иногда развлекавшие их, всегда велись по определенным правилам. Каковы будут правила на этот раз, предугадать было трудно. Тем не менее Чужар оставался над озером и не проявлял, не открывал свой двойственный облик. Между тем восточная часть неба светлела, солнце

посылало на восток первых гонцов. У Азрарна оставались считанные минуты.

— Скажи, чего ты хочешь, — бросил Азрарн Чузару.

Пытаясь за маской холодного презрения скрыть свой страх, Азрарн говорил с братом нарочито грубо. Князь демонов не мог повернуться лицом к солнцу. Через минуту или и того меньше ему придется покинуть девушку или взять ее с собой в подземный мир. Но выдержит ли Даниэль такой спуск — ведь она уже вышла из детского возраста?

— Я уже сказал, чего хочу, — ответил Чузар. — Я безумно доволен.

— Эта девушка — моя, — ответил Азрарн. — Ты знаешь это?

— Верь мне, мой дорогой. Я все знаю. Я подслушал твой шепот. И наблюдал за вашими объятиями еще у розово-голубого драгоценного камня в гробнице. Безумство любви. Я получил большое удовольствие, поскольку тоже приложил к этому руку. Ведь это я явился причиной сумасшествия Нейура. Его безумство вызвало появление Бахлу. А Бахлу породила Белшевед. И Белшевед выманил тебя из Нижнего Мира. Теперь ты здесь, и здесь эта смертная женщина, которая родит тебе дочь. Безумство воистину потрясающих масштабов. Вот я и пришел, мой брат, — сказал Чузар, раскачиваясь над озером, словно ядовитая змея. — Я пришел, чтобы стать дядей твоей еще не родившейся дочери. И предложить ей подарок.

На востоке начали открываться ворота. Птицы истошно запели на деревьях — этим криком они могли выражать как испуг, так и радость. Бледно-желтый блик всколыхнул еще темную воду, но это оказалась всего лишь плеснувшая рыба.

— Мой господин, — обратилась к Азрарну Даниэль. — Я не боюсь его. Он не хочет причинить мне зла, потому что однажды сам сказал мне это и был очень вежлив со мной. Солнце появляется. Оставь меня. Я буду в безопасности.

— Он может быть и любезным, — сказал Азрарн язвительным тоном. — Но у него две стороны. Какой подарок? — спросил он у Чузара бесцеремонно.

— Нечто очень для меня дорогое, конечно же. Позволь мне приблизиться, — почти пропел Чузар, по-прежнему улыбаясь своему колеблющемуся розовато-лиловому отражению в воде.

— Ты не сможешь предложить ничего такого, чего не могу предложить я, — огрызнулся Азрарн. — В некоторых странах нас вовсе путают. Меня тоже можно назвать Владыкой Обмана.

— А меня, — отозвался Чузар музыкально, — иногда тоже называют Прекрасным. Правда, только те, кто видит меня с правой стороны.

Внезапно он поднял левую руку — мелькнули черная ладонь и красные ногти — и бросил что-то через воду в траву. Предмет упал у самых ног Даниэль. Это была игральная кость, сделанная, казалось, из аметиста, покрашенного черным.

Азрарн быстро нагнулся и поднял кость. Едва коснувшись ее, он зашвырнул кость обратно в озеро.

Но Чузар дотянулся до нее и поймал прежде, чем она упала в воду. Все еще улыбаясь, он поцеловал кость, которую Азрарн держал одно лишь мгновение.

— У меня к тому же есть три капли редкой крови ваздру, крепкие, как алмаз, которые я нашел среди песков недалеко от Белшеведа, — добавил Чузар. — Говорят, эти капли — кровь Азрарна. Ты помнишь молодого человека с бичом? Помнишь, как ты схватил конец кнута и как капала кровь? Цена за рассказ притчи велика. Ты не раз убедишься в этом.

Чузар учтиво развернулся и зашагал прочь по озеру под арочные мосты, поддерживающие храм. Десятка два рыб, охваченные безумием, выпрыгнули на берег, думая, что смогут жить на воздухе, и задохнулись.

Как только Чузар исчез, восток раскрылся, словно веер.

Азрарн завернулся в свой черный плащ. Он проводил Чузара злобным взглядом, но предчувствие солнечных лучей, напоминавшее боязнь настоящего огня, который однажды уже обжег его, заставило его

уйти в землю. Он стал вихрем, затем дымом и после этого исчез, не успев сказать девушке ни одного слова.

Даниэль осталась одна. Внезапно на своем пальце она заметила серебряное кольцо с горящим серо-зеленым драгоценным камнем. Девушка даже не заметила, как Азрарн надел его. А на запястье она обнаружила браслет в форме серебряной змейки с сапфировыми глазами. Таковы были драгоценности демонов. Изделия дринов необычайной, удивительной красоты незаметно и застенчиво подарил ей Азрарн.

Когда солнце поднялось на востоке, Даниэль почувствовала в животе слабое движение.

Тогда она заплакала.

Солнце позолотило ее слезы и пригладило золотом ее волосы. Даниэль стала, вероятно, еще прекраснее при солнечном свете и сожалела, что Азрарн не мог увидеть ее такой, разве что сквозь туманное магическое стекло.

Но слезы Даниэль быстро высохли. Девушка прошла мимо деревьев и колоннады, думая о той, что растет у нее внутри.

Часть третья

ГОРЕЧЬ СЧАСТЬЯ

Глава первая

СЕМНАДЦАТЬ ДЕВУШЕК-УБИЙЦ

В пустыню пришла зима. Днем по барханам гуляли страшные ветры. По ночам пески сковывал мороз, покрывая инеем городские стены. Тростник у воды сделался хрупким, как зеленый сахар. Деревья в Белшеведе лишились всего — цветов, листьев и птиц. Песчаная пыль засыпала мозаичные плитки дорожек. Озеро из синего сделалось серо-стальным, напоминая прекрасный, но незрячий глаз. Зима выдалась суровая и сухая, — самое тяжелое время года.

Жрецы сонно бродили среди пыли и морозных узоров инея, размышляя о богах. Их приучили смирять плоть и воспринимать неудобства как часть послушания и служения. С такими ограниченными представлениями о чувствах они многое теряли. Они даже не заметили, как у них на глазах совершилось настоящее чудо.

Даниэль носила ребенка уже седьмой месяц. Но, как ни странно, не расплнела. Ее живот был едва заметен, словно у женщины на третьем месяце беременности.

Красавица не стала менее подвижна или неуклюжа. Даниэль двигалась по-прежнему легко и грациозно, и волосы цвета лебединого пуха по-прежнему развевались у нее за спиной. Тень обещанного ребенка Азарна светилась в ней, как огонек в масляной лампе, но никто из жрецов не обращал на это никакого внимания. А сама она не стала им рассказывать. Она бродила, как и прежде, среди храмов, а по ночам иногда гуляла в садах священного города. Не раз жрецы, молившиеся в сумерках, поднимали глаза и видели огромную тучу, мчащуюся по небу на черных крыльях. В полночь в некоторых рощах возникали странные видения, появлялись незнакомые ароматы, слышались обрывки мелодий. Днем Даниэль гуляла в тени, стараясь не выходить на открытые пространства, куда зимнее солнце тянулось слабыми, холодными лучами. В своем добровольном изгнании она не чувствовала себя одинокой. Когда красавица молилась с другими жрецами, им казалось, что она не видит их, ее братьев. На самом же деле они просто не понимали ее. Они любили небеса. Что же еще она могла любить? Искушенные, но равнодушные жрицы считали ее девственницей. Впрочем, ее свежесть, невинность и детское очарование не исчезли, скорее даже приобрели новую, доселе невиданную глубину.

Жители Белшеведа едва не пропустили то, что Даниэль собиралась им вскоре показать.

Но может быть, такое чудо, по законам небес, не могло свершиться незамеченным.

Однажды, через час после восхода солнца, послышался легкий шорох. Кто-то шел в Белшевед по дорожкам, и подземные полости эхом вторили шагам. Когда шорох стих, на западные ворота обрушился град ударов, как будто кто-то нетерпеливый стучал в них кулаками.

Зима никогда не была сезоном паломничеств, а значит, те, что собрались у ворот, пришли с худыми намерениями. Жрецы, эти безмолвные наблюдатели, непонимающе переглянулись и вновь посмотрели на гудящие ворота. Пожав плечами, они разошлись, не обращая больше внимания на шум снаружи.

За воротами послышались крики, перекрывающие завывания ветра:

— Впустите нас! Мы требуем суда и справедливости! Мы ждем ответа небес.

Жрецам, услышавшим крики, эти вопли показались святотатством. У богов никогда ничего нельзя было требовать.

Ворот не открыли.

Шум затих.

Ветер погнал полусгнившие листья по дорожкам вслед за жрецами.

Снаружи, в стороне от ворот Белшеведа, спорила негодующая толпа. У стен города расположились лагерем девяносто восемь человек. Среди них выделялись семь молодых женщин, державшиеся все время вместе. Это было неудивительно, поскольку каждая левым запястьем была привязана к соседке. Их волосы были распущены, глаза покраснели от зимнего ветра, слез и гнева. Они злобно бормотали что-то себе под нос.

Остальная часть толпы совещалась. Если бы не зима и ветер, можно было бы подумать, что все эти люди съехались сюда на летний праздник и теперь обсуждают, как приятнее провести время.

Позже днем с юга пришла другая толпа. Она мало отличалась от предыдущей. Три связанные между собой женщины шествовали под охраной десятка сильных мужчин. Увидев первую группу, вторая присоединилась к ней. Опять раздались голоса у ворот, но теперь уже никто не стучал.

В середине дня появилось еще две группы.

Ходил слух, что теперь около Белшеведа расположилось лагерем около четырехсот человек. Среди них оказалось семнадцать девушек, объединенных в группы по семь, четыре, три и три. Все они были связаны запястьями.

Но ничего необычного в таком стечении народа не было: о месте и времени все четыре группы уговорились заранее. Необычайной оказалась причина, приведшая их под стены белого города в столь неурочное время года. По всем странам были разосланы гонцы с одинаковыми посланиями: «Молодые невесты во время брачной ночи убивают своих женихов. Одни это делают при помощи ножа, другие — яда, а большинство прокалывают несчастным головы через глазницы длинными шпильками. И все женщины-убийцы над телами своих мужей громогласно заявляли, что им велели сделать это боги Белшеведа. И даже один из богов лично наставлял их, обещая в награду взять себе в жены. Но бог, очевидно, не сдержал своего слова. „Это — ваши преступления! Вы помешали нам! Вы испортили все!“ — кричали женщины-убийцы своим отцам, свекрам и братьям, размахивая окровавленными орудиями преступления».

По деревням давно ходила легенда об одной девушке, которая не хотела замуж и была выдана насильно. Тогда она отказалась спать с мужем, и боги признали ее право на целомудрие. Так распространилась в народе история Даниэль. И теперь люди сочли, что их женщин охватило безумие, чье-то внушение пополам с глупой сказкой затмило их разум. Преступления были настолько схожи, что деревенскими жителями овладел настоящий страх: уж не возьмутся ли теперь все жены истреблять своих мужей прямо в постели? Люди связали преступниц и потащили их в священный город, словно маленькое стадо коз на жертвоприношение. Даже те, чьи сыновья и братья были убиты руками этих прекрасных женщин, не жаловались, а понуро брели за процессией, опустив глаза и сжав губы.

Но самих убийц, казалось, совсем не страшила возможная расправа. Они гордо шагали в центре толпы, а их распущенные волосы развевались за спинами, словно штандарты.

Каждая, разумеется, считала избраницей бога себя, а своих спутниц — жертвами какого-то недоразумения. Ни одна из них не питала ненависти к убитому мужу, — но и сожаления о содеянном тоже не испытывала.

Возбужденные и злобные, семнадцать девушек-убийц стояли среди безлистных рощ перед Белшеведом в толпе своих обвинителей, которые так и не добились ответа богов. Недовольство толпы все росло, и причиной тому были не только закрытые ворота.

Никто из деревенских жителей не бывал в этих местах в холодное время года. Паломничества всегда совершались в начале лета. Сейчас они впервые увидели Белшевед во всей его наготе, в стылой холодности, с оголенными садами и коричневой пылью песка, ползущей вдоль стен. Люди почувствовали себя обманутыми.

Ночь пришла, окутав всех своим тяжелым темным дыханием, на землю спустился жгучий холод. Высокая луна слепо пялилась голубыми глазницами, и даже костры, зажженные на ночь, казались холодными. Тепло и вера сменялись стужей и отчуждением. Люди совещались там, где еще недавно

можно было только преклонять колени.

— Мы не получим ответа из Белшеведа. Мы должны решить дело сами.

— Конечно, если бы боги действительно приказали нашим дочерям совершить такие жуткие преступления, они бы уже заговорили с нами!

— Ваши дочери — дикие кошки! Мой мальчик умер ужасной смертью. Они должны быть наказаны. Здесь и сейчас. Нет нужды спрашивать богов о том, как закрепить веревку на дереве!

— Да, кажется, богам просто нет до нас дела. Они не желают, чтобы мы их беспокоили.

Пришедшие к стенам святого города пролили много слез, они часто ссорились и дрались, рассыпая проклятия направо и налево. После обмена бранью и тумаками собравшиеся приняли решение: «На рассвете все семнадцать женщин будут повешены на деревьях в ста шагах от города и останутся висеть там до знака свыше». Такой постыдной казнью они собирались осквернить священное место, откуда столь тщетно ожидали помощи. Люди мстительны и любят срывать злость на невинных.

Девушки-убийцы все еще были связаны между собой. Согнувшись, они сидели у отдельного маленького костра. Когда к ним подошли мужчины — огласить решение старейшин, — девушки подняли головы.

Одна из них, с рыжевато-коричневыми волосами, с вызовом уставилась в полные ненависти глаза отца своего убитого мужа.

— Ну, какие новости? — спросила она.

— Хорошие новости, Зарет, — отозвался он. — Вы умрете на восходе солнца.

Шестнадцать девушек разразились слезами, оплакивая свою судьбу. А рыжеволосая Зарет оскалилась, словно волчица.

— Убейте нас и будьте прокляты. Правда, только я была избрана богом, а другие действовали лишь в надежде на его благодарность, но он все равно отомстит за всех нас.

— Ты сумасшедшая стерва! — закричал мужчина. — Ты спятила от своих развратных мечтаний! Я видел тебя, перепачканную кровью моего сына. А завтра я увижу, как ты будешь болтаться в петле.

— Я буду танцевать в раю, когда ты будешь корчиться и вопить на бесовских ножах.

В ответ он ударил ее, сбив с ног, и, лежа на земле, Зарет сказала ему:

— А за это бог отрежет тебе обе руки.

Мужчины повернулись и ушли. Они шли так быстро, как будто хотели убежать.

Ночью, когда луна зашла за ветви деревьев, Зарет проснулась от того, что кто-то нежно гладил ее по волосам. Постепенно напряжение спало, и в первый момент девушка даже не задумалась о причине беспокойства. Но потом она вспомнила о синяках, которыми наградила ее свекр, вспомнила об убийстве мужа, о предстоящей расправе и поняла, что некому гладить ее по голове. Она поднялась.

— Не бойся, возлюбленная, — произнес ласковый голос. — Это всего лишь я.

Глаза Зарет широко раскрылись от удивления: перед лицом девушки, прижавшись к ее щеке, лежали ослиные челюсти. Казалось, говорили именно они. Затем девушка повернулась и увидела Чузара. Грациозно скрестив ноги, он сидел рядом с ней на мерзлом песке.

Луна светила тускло, огонь костра едва тлел. В таком свете сложно было понять, что за незнакомец пришел поглумиться над ней. Зарет ничего не знала о Чузаре. О нем, как и о других Владыках Тьмы, в этих местах почти не сохранилось легенд. Сначала она приняла его за бога, но только на какое-то мгновение. Его волосы были слишком светлы, а правой половины лица, пусть и миловидной, явно не доставало для того, чтобы считаться ликом божества. К тому же взгляд Чузара был неприятен.

— Поскольку тебя убьют сегодня на рассвете, зачем терять ночь на сон? — проговорил Чузар.

Девушка вздрогнула. Она заметила, что он причесывал ее волосы скелетом рыбы, белым, словно слоновая кость. Рыба из священного озера?

— Даже если мне суждено умереть, я успею побывать в объятиях моего любимого хотя бы в мечтах, — отозвалась Зарет.

— И кто же этот счастливец?

— Черный бог Белшеведа.

— Твоя вера удивительна. Твои сестры, кажется, не разделяют ее.

И Чузар указал рукой в белой перчатке на живой комок из шестнадцати девичьих тел. Они прижимались друг к другу, стараясь согреться. Некоторые даже стонали, мучаясь ночными кошмарами.

— Он, без сомнения, удовлетворит их всех, — легко ответила Зарет. — Хотя они слишком самонадеянны и ошибочно принимают на свой счет предложение, которое было сделано одной только мне.

Ослиная челюсть засмеялась. На этот раз мелодично. Чузар бросил пару игральные кости на песок.

Истощенная тяжелыми испытаниями, Зарет тем не менее обиделась.

— Не подобает здесь играть в кости.

— Вот и сыграй со мной.

— Это не имеет смысла.

— Завтра ты будешь играть в кости с Владыкой Смерти.

Зарет закрыла лицо руками. В темноте она увидела тело своего мужа с хрустальной головкой шпильки, торчащей из-под закрытого века, и негромко хихикнула. Чузар редко появлялся перед тем, кто не хотел его видеть, или там, где о нем и вовсе забыли. Когда девушка отняла руки от лица, она смогла получше рассмотреть незнакомца, обе половины его лица. Но оно не испугало ее.

— Ладно, — решила она. — Мы сыграем в кости. А ты поможешь мне избежать виселицы, если я выиграю?

— Более того, я проведу тебя в Белшевед, несмотря на закрытые ворота. И ты увидишь там много удивительного.

— Неужели? — воскликнула Зарет. Эти слова взволновали ее. Безумие нашло себя, обрело почву и пустило корни. — Но твои игральные кости без меток!

И в тот же миг она увидела метки на костях.

— Начинай, — сказал Чузар.

Они сыграли несколько партий, и эта игра накануне казни показалась Зарет вполне обычной. Разве что ей не везло. Кости редко выпадали так, как она хотела.

— Не имеет значения, — наконец сказал Чузар. — Я позволю тебе выиграть. При условии, что ты поцелуешь меня.

Девушка презрительно засмеялась, забыв приличия, и наклонилась вперед.

— Нет, не в губы, — удержал ее Чузар. — В левую щеку.

И подставил девушке свою левую щеку — сухую, как серый пергамент, щеку, обрамленную рыжими волосами, свисающими, словно черви. Зарет посмотрела и содрогнулась. Но потом без стеснения крепко поцеловала его. И пока она целовала незнакомца, Чузар поспешно стянул перчатку со своей правой руки. Извивающаяся змея — его указательный палец, перегрызла веревку, соединявшую Зарет с другой пленницей. Когда обрывки упали на холодный песок, девушка зашевелилась. Но Чузар сказал ей два-три непонятных слова, и она снова впала в забытие.

Чузар усыпил весь лагерь. Двое стражников прислонились к дереву и теперь храпели в унисон. Повсюду слышалось лишь сопение и бормотание спящих. Преступница могла думать только о том, что теперь она, кажется, избежит ужасной смерти, а потому не обратила внимания на всеобщее оцепенение. Возможно, так было нужно ее спасителю. Однако она не сомневалась в том, что незваного гостя послали

боги. Зарет не успела и глазом моргнуть, как избавилась от грозившей ей петли, хотя и готовилась к тому, что ее у всех на виду освободят стремительные феи под звуки фанфар и сверкание фейерверков. Предложенный Чузаром способ освобождения казался ей менее впечатляющим, но более надежным.

— Идем, — кивнул ей Чузар. Он уже стоял в десяти шагах от девушки. Еще не потухший костер поймал край его мантии. Девушка была уверена, что сейчас просторный плащ сгорит в одно мгновение, но произошло невероятное: казалось, материя сама поглотила умирающий огонь.

Зарет неуверенно пошла вперед вслед за Чузаром. Но услышав звук мягких спотыкающихся шагов, девушка обернулась.

Шестнадцать девушек, по-прежнему связанные (теперь группами по три, три, четыре и шесть), как слепые за поводырем, следовали за ней и Чузаром, широко открыв глаза, словно в трансе.

Чузар подошел к главным западным воротам Белшеведа, запертым изнутри. Он прошептал что-то воротам, похлопав их рукой в перчатке.

— И кто это осмелился оставить вас приоткрытыми? — спросил Чузар.

Ворота молчали, но все, стоявшие поблизости, поняли, что они ответили:

— Никто не оставлял нас приоткрытыми. Мы закрыты, нас заперли изнутри.

— К сожалению, вы ошибаетесь, — сказал Чузар. — Мне стоит лишь легонько надавить на вас, чтобы войти.

— Это ты ошибаешься, — возмутились ворота. — Ты лжешь.

— Я толкну вас. Вы широко откроетесь.

— Никогда.

— Несомненно.

— Ты сумасшедший, если надеешься войти.

— Вы еще более безумны, если рассчитываете удержать меня снаружи.

— Никто не может войти сюда.

— Кое-кто может.

— Кто?

— Лунный свет приходит и уходит когда ему вздумается.

— Да, — согласились ворота. — И нас это смущает.

— Теперь войду и я, — сказал Чузар.

— Нет, нет. Мы закроемся перед тобой.

Раздался скрежет зубчатых колес и рычагов. Ворота отчаянно задвигали засовами в единственном возможном направлении — и, разумеется, открылись.

Чузар толкнул ворота, и створки разъехались, широко распахиваясь перед ним.

— Теперь я и правда не могу войти, — съехидничал Чузар.

— Ах-ах, — вздохнули ворота.

Чузар вошел в Белшевед. Шестнадцать девушек-убийц сонно шагали вслед за ним, и лишь Зарет, семнадцатая убийца, гордо выступала впереди.

В холодной темноте храмы напоминали гробницы, но гробницы обитаемые, потому что повсюду горели белые, словно призраки, сторожевые огни. Озеро было тусклым и непрозрачным, его поверхность полностью засыпали гниющие листья.

И Зарет стало ясно, что богов здесь нет. Они либо давно ушли, либо вообще никогда не существовали на свете.

Чузар остановился.

— Слушайте.

То ли уже очнувшись, то ли еще находясь в трансе, семнадцать девушек-убийц прислушались.

Они слышали сначала что-то вроде звона серебряных бусинок, а затем песню, похожую на шорох змеи, ползущей по зыбучему песку.

— Смотрите, — сказал Чузар.

И Зарет увидела, словно в легком тумане, нечто походившее на звездный вихрь. За этой завесой проступали очертания деревьев и фонтана, но все было размыто, словно соткано из того же вихря.

— Давайте подойдем поближе, — вежливо предложил Чузар.

Они приблизились. Но все же не смогли переступить невидимую границу. И дело было не в том, что они не могли пройти сквозь завесу; просто, замерев у нее, они не хотели входить вовнутрь. А может, и хотели.

Внутри царило лето. Деревья и трава пестрели цветами. В вышине сверкало яркими звездами совсем другое небо, небо летней ночи. Несколько звезд упали на землю, превратившись в разноцветные лампы. И хотя лето оставалось только внутри, удерживаемое колдовской завесой, снаружи немного утих холод, и до немых зрителей донеслись обрывки музыки и запах ночных цветов.

Девушки-убийцы, захваченные прекрасным зрелищем, приникли к прозрачной границе, как мухи, попавшие в паутину.

Они видели фигуры, движущиеся, словно болотные огни. Девушка, напоминавшая белую свечу в обрамлении облака темных волос, перебирала хрустальные струны арфы, наигрывая нежную мелодию. Бледный молодой человек с темными волосами наливал искрящийся напиток в фантастическую нефритовую чашу. За первой завесой была еще одна. Девушки разглядели сквозь эту прозрачную пелену Азарна, князя демонов и Владыку Ночи на фоне сверкающего ночного неба и рядом с ним женщину, белую, как звезды. За второй занавесью был еще один мир. Там царила любовная одержимость, в которой жили два уникальных существа, знавшие только друг друга. Кто-то заткал их в причудливый гобелен магии, создав им волшебную защиту. И она стала их частью. Теперь они были вместе, словно две виноградные лозы, сплетенные между собой.

Все это увидели девушки, смотревшие сквозь обе завесы, отделявшие любовь от стремления к любви. И каждая из них поняла, сознательно или бессознательно, что перед ними бог и его избранница. И что избранной не оказалась ни одна из них.

Вероятно, из-за того, что остальные шестнадцать девушек были в состоянии транса, именно Зарет отвернулась первой. Она прошла вдоль мозаичной кромки озера шагов двадцать, а потом, остановившись, обхватила себя руками, словно получила смертельную рану.

Чузар следовал за ней, подобный сгустку тумана.

Она не ругала его за содеянное зло, — за то, что он открыл ей правду, только прошептала:

— Как я это переживу? Он отнял у меня все, после того, как пообещал так много!

— И как же ты это переживешь? — спросил Чузар.

— Никак. Пусть они повесят меня завтра. Теперь я не стану возражать.

— Я предлагал тебе свободу, — напомнил он.

— Мне не нужна свобода. Я уже никогда не стану свободной. Ко мне прикоснулась зима. Я устала, как мертвый лист, оставшийся на дереве. Завтра меня сорвут с ветки, а я и рада умереть. Я вообще могу умереть без их помощи. Просто закрою глаза и умру, словно падающий лист. Зима прикоснулась ко мне.

Тогда Чузар взял ее на руки, и она зарыдала у его груди, как когда-то, давным-давно, рыдала безумная Язрет, не так уж, впрочем, и далеко отсюда.

Возможно, Чузару была необходима ее печаль, словно пища или вино. Или он просто сочувствовал

тем, кто попадал в его владения. Ведь за ним по пятам всегда шло одиночество.

Наконец он спросил ее:

— Может, ты хочешь чего-нибудь еще помимо смерти?

— Убить его, — сразу же нашлась девушка. Она не знала точно, каким именно «богом» был Азрарн и насколько нелепы или кощунственны ее угрозы. — Хотя... если он бессмертен, думаю, его нельзя убить.

— Как и любого бессмертного, моя возлюбленная, — сказал Чузар. — Конечно же, ты не сможешь ни проткнуть шпилькой его восхитительный глаз, ни вообще как-либо повредить ему. За исключением, впрочем, одного способа.

Убийца прижалась к плечу князя Безумия.

— Расскажи мне о нем.

— Существует единственная вещь, более драгоценная, чем капля крови ваздру, — в раздумье проговорил Чузар. — Это слезы ваздру. Потому что они очень редки. Для эшва плач — это песня. Но ваздру улыбаются, даже когда разбиваются их сердца, зная, что сердца демонов исцеляются человеческой кровью. Все же Азрарн иногда приказывает всей своей стране горько плакать.

— Кто такой Азрарн? — прошептала Зарет. — Разве это не чудовищный демон, который живет в грязном подземелье?

Лицо Владыки Безумия осталось неподвижным, но ослиные челюсти затряслись от хохота. Девушка вздрогнула и ухватилась за плащ Чузара.

— Я не забыл про тебя, — сказал Чузар.

В этот момент поднялся ужасный крик. Зарет повернулась и увидела, как ее шестнадцать спутниц очнулись и заметались в ужасе, попав в незнакомое место. Эти несчастные меньше интересовали Чузара, поскольку и так полностью принадлежали ему. Они рвали на себе волосы и царапали себе лица, крича об измене. Девушки вопили о непорочной божьей матери, на месте которой они рассчитывали оказаться. Зависть обострила их чувства, и они сразу же поняли, какой плод зреет во чреве той женщины. Лучше всех знают цвет и покрой одежд те, кому не дозволено носить их.

Сияние в саду пропало. Князь демонов и его земная любовница исчезли без следа. Не исключено, что сказочное видение было иллюзией, созданной самим Чузаром.

— Идем, — Чузар снова обратился к Зарет. — Я отведу тебя в пустыню. Ты должна научиться ждать. К моим служанкам быстро приходит терпение.

— Мне холодно, — пожаловалась девушка.

— Я согрею тебя. Разве тебе уже не тепло?

— Может быть...

Разбуженный криками за стенами Белшеведа или, возможно, просто очнувшийся от колдовства Чузара, лагерь негодующих крестьян постепенно приходил в себя. Некоторые даже заметили, что убийцы исчезли.

Другие обнаружили открытые ворота.

Чузар и семнадцатая девушка-убийца выскользнули из этих ворот, словно зыбкие тени. Тем временем триста восемьдесят три человека, растерянные, недоумевающие, вступили в святой город.

Слабое сияние разгоралось в восточной части неба. На людей пала тень смущения, и многие смотрели на этот свет в страхе, пока не поняли, что он — предвестник рассвета.

— Мы не уйдем из этого города, пока не найдем ответы на все вопросы, — заявили люди.

Невольные паломники расположились на мозаичных дорожках, вокруг озера, вдоль белых мостов, у дверей в центральный храм. Нет, теперь они не уйдут просто так. Невиданные доселе толпы народу заполонили священное убежище, которое раньше посещалось только в летний сезон. Толпа требовала объяснений. Безмолвные жрецы разбежались, словно перепуганные кролики, едва слышав крики под

окнами келий, и теперь, сбившись в небольшие стайки, взволнованно переговаривались. Паника заставила их впервые насильственно выйти из религиозного транса. Близость непрошенных гостей, обнаглевшей толпы, которую не устроил даже божественный гнев, пугала жриц.

Шестнадцать девушек-убийц — потому что семнадцатая таинственным образом исчезла, как видно, предпочтя убежать в пустыню на растерзание львам, — не были повешены. Их привязали к огромному дереву на берегу озера. Они уже не кричали, потеряв силы и надежду. Они призывали смерть, но та отказалась от них. Некоторые пытались утопиться, но длина веревок не позволяла им уйти под воду. Преступницам только и оставалось, что угрюмо смотреть в землю. «Что вы видели?» — спрашивали их. И они подробно описывали видение, потерянные и униженные, рассказывая о девственнице с ребенком — жене бога.

Неудивительно, что толпа отказывалась разойтись. Неудивительно, что жрецы послали старейшин и мудрецов за помощью.

Глава вторая

МАТЬ И ДОЧЬ

Даниэль стояла в маленькой келье в северной части зимних обителей Белшеведа.

Она не слышала криков, а если и слышала, то не заметила их. Красавица слушала, как шевелится в ее теле новое человеческое существо. Она не боялась, но испытывала знакомую печаль ставшую такой же частью ее любви, как и счастье.

Днем сокровища демонов, подаренные Азрарном, бледнели. Она хранила их в особом ларце, но все же казалось, что под лучами солнца их магия слабела. Это же подтверждала бледность металла и камня. Ребенок внутри нее, однако, больше бодрствовал днем, словно отзывался на свет, одновременно приветствуя солнце и бросая ему вызов.

Даниэль любила свое дитя и, как когда-то Аштвар, часто разговаривала со своей еще не родившейся дочерью.

В центре Белшеведа шумела и совещалась толпа. А рядом в маленькой чистой келье, сидя под голубым окном и вспоминая прикосновение губ Азрарна, находилось сокровище, которое само по себе стоило полмира.

Даниэль рассказывала своему ребенку о демоне-отце:

— Вначале, моя дорогая, в мире существовали все животные, кроме одного. Говорили, что за миллионы лет до потопа великий предвестник Бахлу утверждал, будто бы божественная воля проявляется только в жестокости. В воде плавали лебеди и рыбы. Олени бегали по полям, а собаки лаяли на луну, тогда еще очень молодую и не знавшую, что она такое. Птицы парили в воздухе, а человек начал воображать, что он царствует на земле, хотя и боролся за каждую ее пядь с диким быком, медведем и драконом... Тогда уже существовали демоны.

Вероятно, так было всегда. Хотя рассказывают, что вначале они не имели властелина. Но...

Прекраснейшим из живых существ Нижнего Мира являлся змей. Внизу, под яркими тенями, он восхищался своей грацией и красотой, хладнокровием и одиночеством. В конце концов демоны, тогда еще невинные или просто слишком циничные, решили перенести змея на землю, думая, что им удастся заставить и людей полюбить это создание. Но люди невзлюбили змея, им не понравилось его демоническое происхождение. Они подозрительно отнеслись к тому, что у него нет ног и ушей, не оценили его красивые зубы, а одежды сочли безвкусными. В результате люди отворачивались от змея, гнали его с порога, когда он входил в их дома, били его по голове деревянными молотками, если те попадались под руку, а в остальных случаях просто бранились и плевали на него.

Эшва жалели змея, так как любили его больше всех. Ваздру решили между собой: «Давайте хитростью заставим человечество поклоняться змею». Они пытались достичь намеченной цели различными способами, внушая людям избрать его богом или почитать как покровителя магии.

Однажды, не то ночью, не то днем, в Драхим Ванаште некоторые князья дошли до того, что стали биться об заклад, будто сумеют убедить людей любить змея как образец совершенства. Но все их попытки потерпели неудачу.

Наконец об этих досадных промахах узнал Азрарн. Тогда он отправился в мир, чтобы послушать мнение людей о змее.

— Как же отвратителен этот холодный змей, — жаловались они. — Мы ненавидим его зубы, которые часто таят яд, его противный раздвоенный язык. А как раздражает нас его светлое брюхо! Ведь он весь — один сплошной хвост. От его шипения у нас волосы становятся дыбом.

Азрарн улыбнулся и вернулся в Драхим Ванашту. Там он нашел змея и поинтересовался у него:

— Ты не хотел бы немного измениться, чтобы завоевать любовь человечества?

— А что хорошего в любви людей? — спросил змей.

— С теми, кого любят, они хорошо обращаются, — ответил Азрарн. — А тем, кого ненавидят, они вредят.

Змей выслушал от своих братьев рассказы о молотках и плевках и после некоторых размышлений согласился.

Тогда Азрарн привел змея к дринам, поручив им исправить все недостатки, внушавшие людям неприязнь. Сначала дрины сделали ему четыре мускулистые маленькие лапки, заканчивающиеся четырьмя круглыми подушечками. А затем добавили два маленьких заостренных уха с обеих сторон головы. Затем они ловко утолстили его тело с помощью хитрого способа и выпрямили ему язык. Правда, он все равно остался тонким, а большая часть хвоста оказалась сзади. После этого дрины сделали ему шкурку из длинной мягкой черной травы, а его мордочка стала красивее, когда они украсили ее орнаментом из прекрасной серебряной проволоки. Его удивительные глаза, напоминающие драгоценные камни, тоже следовало немного подправить. Наконец, в качестве компенсации за удаленный яд (хотя дрины при этом сохранили форму его клыков) они снабдили его острыми стальными когтями. Когда Азрарн увидел результаты труда дринов, он рассмеялся и провел рукой по спине животного. При этом все вновь созданные органы существа обрели плоть и кровь, а черная трава превратилась в великолепную бархатистую шкурку. И от прикосновения Азрарна новое животное издало странный звук — не шипение, но...

— Мой дорогой, ты мурлычешь, — обрадовался Азрарн и снова засмеялся.

С этого дня ни один кот и ни одна кошка не переносят, когда над ними смеются, даже любя.

И безусловно, новый зверь быстро прижился на земле. Людей покорили его грация и красота и восхитили его хладнокровие и одиночество. И когда это новое для человека существо становилось раздражительным, забывалось и шипело, люди не вспоминали змея, утверждая: «Это шипит кот». К тому же они не замечали, что оба — и кот, и змей — убивают мышей и любят молоко, оба были любимыми животными колдунов. И люди никогда не поверят, что за пушистым мехом и милыми остренькими ушками скрываются заостренная морда ящерицы и острые зубы змея.

Рассказывая, будущая мать чувствовала, что ребенку нравится эта легенда. Ему вообще нравилось слушать сказки и мифы — все то, что могло быть ложью, а могло оказаться и правдой. Даниэль пересказывала малышке все легенды и пела все песни, какие знала, — кроме тех, в которых говорилось об ином, незнакомом ей Азрарне. В них расписывалась лишь присущая ему жажда кровопролитий и раздоров среди людей, и об этом Даниэль петь не хотела.

Рассказ закончился. Мать погрузилась в грезы, глядя, как медленно проплывают облака в ее окне. Красавица представила, что это она со своим ребенком скачет на спине крылатого льва. Возможно, дитя разделяло подобные мечтания. Ее будущая дочь была совсем не похожа на других детей, зреющих в материнском чреве.

Но несколько часов спустя Даниэль очнулась и, подняв голову, услышала шум, глухо рокотавший на улицах Белшеведа.

Так получилось, что мудрецы и звездочеты сами направлялись к городу. По дороге их встретили те самые гонцы, которых выслали жрецы Белшеведа. Некоторые из мудрецов уже собирались покарать гудящую толпу за появление в святом городе в неурочное время. Других интересовало таинственное предзнаменование. Пара звездочетов увидела чудесные предначертания в расположении отдельных звезд. Так или иначе, этой зимой Белшевед притягивал буквально всех. Гонцы провели небольшую группу через пески, а затем и по поющим дорожкам, которые на этот раз молчали, так как по ним шло слишком мало людей. Мудрецы и звездочеты прошли через распахнутые настежь ворота и приблизились к жрецам и жрицам Белшеведа, затрепетавшим, словно голубь при виде змеи.

— Мы приносим свои извинения вам и небесным богам, — приветствовали их мудрецы.

— Разве вы не знаете о чуде, которое должно произойти здесь по воле богов? — проворчали несколько пророков, добавив к свидетельствам посланцев указание на конкретное место. Каждый пророк

тут же заметил, что именно он первым предсказал это событие.

— Где? — завопил звездочет, оказавшийся наиболее нетерпеливым. — Где? Где?

Жрецы съежились. Теперь они казались не просто беспомощными людьми, а беспомощными глупцами.

Ни одна из женщин среди них не могла претендовать на небесный дар, и ни единый пояс на их стройных телах не раздался более чем на четверть дюйма.

— Где? — грозно выкрикнул звездочет еще раз. Его пальцы хватали воздух, словно желали разорвать в клочья одежды жрецов, чтобы проникнуть внутрь их животов.

Почтенный мудрец торопливо выступил вперед и оттеснил звездочета:

— Мой друг, как и все, мы хотим знать, где можно найти ту самую благословенную девственницу.

Некоторые жрецы расплакались.

Внезапно послышался высокий, дребезжащий голос. Толпа расступилась, пропуская старика, опиравшегося на сучковатый посох. Жрецы смотрели на него с ужасом, очевидно не осознавая, что перед ними стоял один из первых учителей из древней башни — той самой, где когда-то все они доказали способность выдержать любые испытания, кроме, наверное, самого важного — бесед с простыми людьми, задающими вопрос.

Толпа, однако, узнала этого старика.

Он огляделся, и взгляд его пронзительно-серых глаз был переполнен безразличностью. Как тупы на поверку оказались его ученики! Однако среди растерянных лиц он не увидел лица своей любимой ученицы, которая, в отличие от остальных, когда-то доставила ему истинную радость.

— Тише! — сказал старик, и толпа замолчала. — Внемлите мне. Напрягите вашу память и припомните девственницу неземной красоты, величайшей набожности, обладавшую даром предвидения. Та, которую за благочестие и прекрасную внешность называли Иштвар — Душой Луны...

Как раз в тот момент, когда старец произнес эти слова, Даниэль почувствовала руку судьбы, вцепившуюся в нее мертвой хваткой. Конечно, она предвидела, что ее ждет. У Даниэль осталось лишь одно невысказанное желание после того, как Азарн ее использовал как вместилище своего отражения. Но так хочется простить любящего тебя человека даже за то, что он тебя использовал.

Стены маленькой кельи пестрели неразборчивыми записями, потому что жрецы часто делали различные надписи, пребывая в трансе. Красавице попались на глаза некоторые из них: «Закон небес вечен» и «Когда я думаю о вас, владыки Небес, моя душа поднимается, будто солнце».

Даниэль взяла перо, обмакнула его в серебристо-золотые чернила и написала:

«Горечь радости заключается в знании, что она не может продолжаться вечно. И удовольствие не может продлиться дольше определенного срока, потому что иначе оно станет простой привычкой».

Затем красавица сложила ладони под грудью, словно грея руки над черным огнем.

В следующий момент она осознала, что слышит топот множества ног, приближающихся к ней по светлым дорожкам. Но Даниэль не испугалась. Ей было жаль всех их, ей было жаль свое дитя. И даже Азарна. Чужар когда-то предсказывал, что она станет настолько безумна, что начнет жалеть самого князя демонов.

Себя она теперь чувствовала потерянной — ее радости пришел конец.

Шум шагов нарастал, словно морской прилив или порыв ветра, проносящийся по городу. У входа в маленькую келью он внезапно стих. И дверь широко распахнулась.

Ворвался зимний солнечный свет, холодный и ранящий, как кромка разбитого стекла.

Из света медленно вышел старец, опирающийся на посох.

Глазам старца и всех, что толпились за ним, а также и тех, кто не смог пройти дальше дверей (потому что вход оказался слишком узким), предстал светлый образ девы, оттененный голубым сиянием окна за ее

спиной. Ее красота казалась божественной. Их поиски завершились: люди нашли единственное существо, достойное их неурочного паломничества в Белшевед.

Как они нашли ее? Вероятно, один из наставников Даниэль заметил, как женщина вошла в часовню, и сообщил об этом. Либо она сама оставила им какие-то следы.

Даниэль встретила их спокойным взглядом синих глаз. Если бы красавица отрицала правду, люди не стали бы ее слушать. Учитывая то, где она находилась и при каких обстоятельствах появилась на свет, только боги смогли бы с точностью сказать, что она — не из их сонма.

На берегу озера одна из преступниц незаметно подобрала кусочек отколовшейся мозаики. Затем она примерилась и вскрыла им вены на обеих руках. Умирая от потери крови, девушка любезно предложила черепок остальным пятнадцати приговоренным к жизни.

Люди проводили Даниэль в главный храм. Для нее подготовили место за опаловым алтарем, между двумя золотыми фигурами животных. Множество гонцов отправлялось в зимнюю пустыню и возвращалось, ведя за собой целые караваны. Странники со всех концов земли стекались в Белшевед, чтобы принести матери и будущему ребенку редкие и подчас загадочные дары. Все жаждали прикоснуться к матери бога — ее лбу, пальцам, краю одежды. Они становились на колени, ожидая ее благословения. Бедняки, которые не могли преподнести даров, бродили вокруг города, изредка пытаясь войти в надежде хоть издали взглянуть на нее. Снова наступил праздник поклонения, прошедший на этот раз очень тихо. Люди восхищенно поздравляли друг друга с тем, что боги избрали эту прекрасную девственницу именно в их эпоху и в это время, которое теперь войдет в историю и останется в легендах.

За городом вырыли шестнадцать могил и справили тихие и поспешные похороны. Люди сочли это событие очень важным и место захоронения тут же отметили камнем с надписью:

«Мы, обманутые, лежим здесь, моля небеса о прощении».

Потом наступила темнота, и на занесенных инеем равнинах вокруг Белшеведа зажглись костры. Прислужницы Даниэль натянули расшитые блестками шторы и закрыли двери, а саму будущую мать вымыли, натерли ароматным маслом и одели в шелка, словно готовя к свадьбе. Будто бы ожидая посещения бога, они с волнением и гордостью смотрели в сгущающиеся сумерки. Некоторые заявляли, что видели, как он приехал верхом на коне из звезд, а его развевающаяся мантия раскачивала луну.

Даниэль не выходила из своих новых покоев, — что, впрочем, от нее и ожидали, — хотя эти покои ничем не напоминали ни келью, в которой она раньше жила, ни сады у озера. Это была обычная комната с ширмами и драпировками, украшенная по усмотрению старейшин и жрецов. Красавица не удивлялась тому, что Азарн не приходил к ней. С каждой занавеси свисали подвески из золота, столь ненавистного для демонов металла. Неприятное напряженное ожидание охватило город. Многие сидели затаив дыхание за колоннадами и на дорожках, в наивности своей мечтая услышать шуршание гигантских крыльев или приглушенные вздохи неземной любви. Любви, которая проникает в тело, но не лишает девственности.

Прошел седьмой месяц. Даниэль чувствовала, как шевелится внутри нее ребенок, поворачиваясь в полусне.

Ночью магические драгоценности, которые подарил ей Азарн, светились и сверкали. И все же он так и не дал ей один из тех талисманов, благодаря которым, по некоторым легендам, он появлялся, отвечая на зов смертных. Но в эту ночь, чувствуя движение ребенка в себе, Даниэль поняла, что ей стоит лишь произнести его имя, и он придет. Так она и сделала.

В тот же миг Азарн предстал перед ней. В комнате возникла высокая черная фигура, напоминавшая сложенный лист. Лист развернулся, и Даниэль увидела змея с пылающими в темноте глазами.

— Не упрекай меня, — опередил ее Азарн. — Ведь я предупреждал тебя, каков я и как все произойдет.

Она повернулась и увидела, как его лицо медленно осветилось, будто зажглась некая невидимая лампа.

— Разве я упрекаю тебя? — спросила Даниэль. — Я просто думаю, что дитя родится еще до рассвета.

— Ты не почувствуешь никакой боли, — сразу же ответил он. Его лицо оставалось бесстрастно, словно он не испытывал к ней больше никаких чувств, но она могла бы догадаться, что это не так, даже если когда-нибудь и сомневалась. — А когда ребенок родится, я вызволю тебя из этой западни. Девочку я оставлю им в наследство. Я сделаю ее сильной и ужасной. А после этого сам же и покончу с ней. И ты поступишь так же, Даниэль.

— Нет, — возразила красавица. — Я не оставлю ребенка одного ни здесь, ни где-либо еще.

— Я собираюсь заставить ее приносить пользу, — продолжал Азарн. — Я говорил тебе, что являюсь отцом зла. Не думай, что я стану считаться с тем созданием, которое зреет в твоём чреве, даже ради тебя. Я не отступлюсь. Поскольку эти люди так истово обожают своих богов, я дам им нового бога для обожания и позволю ощутить на собственной шкуре, как это выглядит, когда к тебе так относятся. Иначе они не усвоят урока.

— Нет, — снова повторила Даниэль. — Ты можешь бросить меня, и я не смогу помешать этому. Но я не позволю оставить ребенка одного.

— Мы никогда не занимались любовью по-настоящему, — произнес Азарн. — Ты не знаешь, скольким великолепным вещам я могу научить тебя. И мира, который я могу открыть для тебя. Даже Драхим Ванашта раскроет свои ворота из стали и драгоценностей и зажжется для тебя по моему желанию.

Даниэль больше не возражала, только посмотрела ему прямо в лицо. Золото драпировок отразилось в ее взгляде, и внезапно ее глаза тоже стали золотыми. Возможно, ему не понравилось это напоминание о солнце, и он отвел взгляд.

— Я пришлю к тебе служанок из Нижнего Мира, — пообещал Азарн.

Затем князь демонов обошел комнату, на ходу срывая золотые украшения. Даниэль так и не поняла, оскорбляло ли его прикосновение к этому металлу, потому что слишком уж вдумчиво и медленно он выполнял свое дело, будто бы каждый кусок золота был намного тяжелее, чем на самом деле. А когда Азарн выбросил кусочки золота за драпировку, они упали без стука.

Покончив с украшениями, Азарн немедленно исчез, провалившись сквозь пол. Но даже когда он исчез, Даниэль чувствовала прикосновение его губ к своим.

Затем, словно стройные темные призраки, появились женщины-эшва. Даниэль часто видела их. Демонессы почтительно прислуживали ей, так как преданно любили все, что любил их хозяин. Говорят, даже эшва поражались ее красоте. Даниэль действительно была прекрасна, — впрочем, могла ли она быть иной?

Эшва принесли с собой белый лен, собранный на берегах Сонной Реки, несущей свои воды вдоль границ королевства Азарна. Они разложили лен на полу, и он сам по себе разгорелся светло-желтым пламенем.

До этого Даниэль не чувствовала боли. Усиливающееся толчки ребенка напоминали ей, скорее, вьюгу из огней и искр, кружившую у нее в животе. Когда колдовской огонь охватил светлую ткань, на мать опустилась дремота, а с нею пришла отрешенность, и красавице показалось, что она выскользнула из своего тела и парит в воздухе. Она прекрасно видела все происходящее, словно наблюдая за действиями другого человека со стороны.

От ее тела не требовалось никаких усилий, во всяком случае ей показалось именно так. Ребенок уже нетерпеливо искал выход из материнской утробы. Сначала это могло бы озадачить Даниэль, но интуитивно она догадалась, что эшва, которые могут заколдовать лису на земле и тучи в небе, просто околдовали ребенка и теперь манили его наружу с помощью безмолвного призыва.

Ни кровь, ни другая жидкость не сопутствовали родам. Дитя менялось, становясь странно бесформенным и текучим, изменяясь и оставаясь неизменным одновременно. Можно ли было предположить, что процесс появления его из материнского чрева окажется настолько необычным? Тонкий и гибкий, младенец нашел путь наружу, не причинив никакого вреда ни себе, ни матери. Он появился внезапно и как-то слишком быстро — почему-то ногами вперед. Впрочем, для ребенка это оказалось настолько же естественным, как для кошки упасть на четыре лапы. Потом из тела матери показались ручки,

которые сразу же приобрели форму обычных человеческих рук, и туловище, гибкое и безупречно чистое. Младенец вытянул ручки вверх, словно готовясь нырнуть, а головку откинул назад. На малютке не оказалось ни одного пятнышка. Не было ни пуповины, ни плаценты. Он изящно выплыл в руки эшва, тут же осмотревших его. Так что благоухание их дыхания стало первым дурманящим запахом, который ребенок узнал, попав во внешний мир.

Девочка родилась белокожей, с длинными и блестящими волосами цвета черного ночного океана, как у Аззарна. У нее были маленькие, совершенной формы ноготки на ручках и ножках. Из-за отсутствия пуповины у малютки не оказалось пупка, который бы только испортил ее животик, гладкий, словно вылепленный из алебаstra. Но не только это отличало крошку от обычного смертного ребенка. Сквозь ее опущенные веки с тяжелыми ресницами просачивался голубой свет, исходивший из самой глубины глазниц, таившихся за ними. И конечно, во многом девочка походила на свою мать.

Даниэль все еще парила в воздухе над собственным телом. Увидев дочь, она не испугалась, но очень удивилась. С одной стороны, мать осталась довольна ею, но в то же время испытывала невыразимую горечь: родившееся существо не было человеком.

Девочка не плакала и не просила еды. Материнское молоко не являлось для нее жизненной необходимостью, и Даниэль знала, что ее груди так никогда и не наполнятся этой белой влагой. Но вот настало время предложить ребенку первую пищу.

Шелковая веревка, обвивавшаяся вокруг руки одной из эшва, оказалась змеей. Демонесса наклонилась поцеловать ее, а когда она вновь подняла голову, на ее губах осталась отметка — отпечаток двух острых зубов. Черная, как чернила, кровь демона потекла из двух маленьких ранок.

Эшва прикоснулась ранками к губам ребенка. Беззвучно, не поднимая своих фиолетовых век, ребенок пил черную кровь.

Хотя Даниэль была в полубессознательном состоянии, ее сердце затрепетало, словно осенний лист, почуяв нечто чуждое, необъяснимое. Она наконец в полной мере ощутила себя сосудом бога (так же, как сам Белшевед являлся сосудом богов), хотя еще недавно избранной для защиты этого города, вечного оплота белой магии.

Но теперь Даниэль оказалась настолько же далека от святых намерений Белшеведа, как от собственного тела. Сосуду необязательно знать, что за вино хранится в нем.

Но сейчас магическое пламя успокаивало и усыпляло даже ее смятенную душу. Даниэль увидела, что девочку уложили в светящийся лен. Малютка оставалась по-прежнему спокойной, ее длинные черные волосы свободно лились сквозь мистическое пламя.

Это существо больше не было ребенком Даниэль, которому она когда-то рассказывала легенды. Теперь перед ней лежало дитя Аззарна, и только его, и именно о нем он сказал ей: «Не думай, что я буду нянчиться с этим созданием. Я сделаю ее сильной и ужасной. А затем сам же и покончу с ней».

Глава третья

КИЗИЛОВЫЙ КУСТ

Чузар оставил свою подопечную в самом диком месте пустыни. Крутые склоны скал образовали ущелье — русло давно пересохшей реки. И теперь, подражая воде, русло реки заполнил песок. Когда-то здесь был большой пруд, от которого остался теперь лишь круглый песчаный котлован. Посреди котлована одиноко рос чахлый куст кизила. То ли сама влага, то ли память о ней поддерживали его существование, и, хотя зима лишила его плодов и листьев, он только ежился, продолжая жить и набирать силу.

Куст, ущелье, скалы, пустыня за ними — все они имели свою историю, которую могли бы рассказать. Да, в этом месте тоже можно было жить, но плата за выживание оказалась бы слишком высока.

Здесь не было ничего дарящего радость или облегчение. Даже ветер царапал лицо.

Здесь не осталось ничего живого, даже сама девушка, которая жила теперь здесь под защитой скал, казалась соляной статуей.

Ее рыжевато-коричневые волосы выбелила пыль, а ее молодое лицо, иссеченное ветрами и внутренней злобой, выглядело очень, очень старым.

Зарет провела здесь не больше месяца, но уже успела стать частью окружающего пейзажа. С тем же успехом она могла бы пробыть здесь уже три столетия.

По утрам девушка обычно взбиралась на скалы с северной стороны и выходила в пустыню. Маленький грязный источник пробивался в полумиле от ущелья. Здесь она пила, если в этот день песок не засыпал источник живительной влаги. Потому что когда Зарет не могла расчистить источник руками, что иногда случалось, она не пила совсем. Порой мимо пробежали маленькие ящерицы. Девушка научилась пользоваться пращей, сделанной из собственного пояса, и острыми кремнями, которые подбирала в русле реки. Этим оружием она убивала ящерицу, а потом съедала ее. Такая еда была совсем неаппетитной, и Зарет охотилась редко. Смерть этих маленьких животных злила ее, потому что она однажды убила мужчину хрустальной шпилькой, и теперь любое убийство напоминало ей о том, как ее обманул бог.

Днем Зарет сидела рядом с кустом кизила или, если дул сильный ветер, забиралась в широкие трещины в скалах. Дни проходили незаметно, потому что девушка проводила их в размышлениях о том, как могло бы все обернуться, если бы черный бог выполнил свое обещание, и о том, как все произошло на самом деле. Временами Зарет перебирала в памяти образы ночного сада, женщины, на месте которой могла бы оказаться она сама, и того, что ей было известно о праве выбора, любви и вынашивании сына бога. Или же вспоминала, как мечтала об изнасиловании, когда бог овладел ею. Потом девушка поднимала голову и кричала, посылая небу проклятия. Долго, очень долго.

Время от времени к ней являлся посетитель.

— Добрый день, — говорил Чузар. — Ты довольна тем, что свободна?

— Почему ты смеешься надо мной? — плакала Зарет. — Что тебе от меня надо?

— Точно не знаю. Но думаю, что сошел с ума, — отвечал Владыка Безумия, подбрасывая в воздух игральные кости, словно развеселившийся маленький мальчик.

В конце концов от этого сошел с ума куст кизила и распустил листья, которые тут же сорвал ветер.

Однажды, когда Зарет убила ящерицу, рядом появился Чузар. Он сидел, напоминая сгусток темных сумерек, опускающихся на землю или парящих над горизонтом. Казалось, Владыку Безумия восхищала ловкость Зарет в обращении с пращей.

— Я уже как-то объяснял тебе, — напомнил Чузар. — Ты должна быть терпеливой.

— Я терпелива, — ответила женщина, разрывая зубами шкуру ящерицы.

— Я создам музыку, и ты будешь танцевать, — сказал Чузар.

Владыка Безумия встряхнул медной трещоткой, зазвучавшей, как систр. Зарет танцевала, но танец не

усмирил ее бешенства. Наконец она упала на дно русла песчаной реки.

— Чего ты хочешь? — спросил Чузар.

Зарет не ответила, но этого и не требовалось, потому что тут же появились ослиные челюсти и выкрикнули ее самые тайные желания.

— Я бы хотела приковать его цепями и хлестать семью плетками, на каждой из которых был бы наконечник из раскаленной стали. Я бы привязала его к колесу, которое прокатилось бы по небу сквозь огненные лучи звезд. Я вырвала бы его сердце и показала это сердце ему же.

— Ты сделаешь это, — улыбнулся Чузар. На что Зарет возразила:

— К сожалению, это невозможно, потому что он — бог.

— Ты действительно не можешь причинить вред его телу. Его оболочку можно приковать и хлестать, привязать к колесу и обжигать, а его сердце можно вырвать. Но он не бог, — сказал Чузар. — Разве ты еще не поняла, кто он, этот властелин обмана и лжи?

Зарет подняла голову. Она пристально посмотрела в лицо Чузара. Обе его стороны предстали перед ее взором, таким же немигающим, как взгляд ящериц, которых она убивала.

— Кто же он тогда?

— Азрарн. Ты вспоминаешь? Тварь из грязного подземелья.

Зарет возмутилась. Это чудовище не смогло бы ее обмануть, она бы не стала страдать от восторга перед ним.

— Нет, — сказала она.

— Послушай, — сказал Чузар. — Все земли вокруг Белшеведа попали в сети его обмана. Азрарн — могущественный демон. Ты думаешь, он не может принять прекрасный облик, если захочет? Только подумай, — сказал Чузар, нежно глядя Зарет по белым волосам, — выбрал бы настоящий, подлинный бог себе в жены обычную женщину, не имеющую божественного происхождения?

Зарет пристально смотрела в лицо Чузара. И размышляла.

— Весь Белшевед ошибается, — сказал Чузар, — хотя зерно сомнения уже дало ростки. Родился ребенок.

Зарет заинтересовалась этим:

— Он настоящий?

— Абсолютно. Но это не мальчик, а девочка.

Зарет нахмурилась. Она всегда считала, что у бога должен родиться сын, который стал бы героем или великим властителем. Женщины ее селения всегда считали себя чем-то менее значительным, чем мужчины. Как бог допустил, чтобы его священное семя проявилось в женском потомстве?

— Жрецов Белшеведа тоже озадачил пол младенца, — продолжал Чузар. — Но есть и другие проблемы. Например, видение во время последнего праздника поклонения. Это была черная башня, напоминавшая тень, фонтанирующая яркими огнями. С тех пор начали происходить странные события. Незнакомцы насиловали молодых женщин, которые не могли потом опознать нападавших. Внезапной и загадочной смертью умерло несколько богачей, оставив богатства наследникам. Мужчины опустили до любви к простушам, уродинам или просто некрасивым и глупым девушкам. Множатся болезни и увечья. Такие события происходят как внутри, так и снаружи белого города. У Азрарна нынче очень много забот.

Зарет поднялась на ноги.

— Пойди в Белшевед, — сказал Чузар. — Стань провидицей. Расскажи им то, что ты знаешь. Предупреди этих несчастных, бьющихся в паутине неведения. Напомни им рассказ о том, как князь демонов задумал уничтожить мир, но боги отослали его заниматься черной работой. Заставили его прислуживать богам. Да-да, послали это чудовище исполнять черную работу. То самое чудовище, которое так жестоко обмануло тебя и сделало несчастной.

Зарет начала медленно и упорно взбираться вверх по скалам, почти не видя, куда идет, но зная, что неуклонно движется вперед, по направлению к городу.

Чузар тихонько засмеялся. Его жуткие глаза были устремлены ей вслед. Челюсти прокричали:

— Азарн не должен был отказываться от подарка своему ребенку. Азарн не должен был выступать против меня.

Чузар натянул плащ на неприглядную сторону своего лица и теперь смотрел на песок, опустив взгляд. Сейчас он выглядел прекрасным юношей. Он шептал:

«Славный Азарн, присвоивший себе мой титул, я не ссорюсь с тобой, я только меняюсь. Обмен — это не война. Просто ты будешь Владыкой Обмана. А Чузар станет Мучителем, Шакалом, Злом».

Белшевед изменился до неузнаваемости. Повсюду толпились люди, внутри и снаружи. Мужчины в прекрасных одеждах, богатые женщины в паланкинах передвигались туда и сюда, таская за собой любимых зверюшек и сонмы слуг. Уличные продавцы, проникшие украдкой в город, теперь торговали на его улочках фруктами, вином, сладостями, а иногда даже маленькими резными куколками, изображающими святую мать и дитя. Большинство этих резных изделий было переделано. Заготовленные заранее, они сначала представляли ребенка мужского пола. Постоянно прибывали новые караваны. Путешественники приходили издалека посмотреть на чудо. В священных рощах ревели верблюды и горланили ослы. Этих животных покупали и продавали. Белшевед стал местом торговли. Обрывки бумаги, корки и сухой навоз заполнили улицы, где еще недавно гуляли только песок, листья да увядшие, сорванные ветром цветы. Даже волшебным ветрам не удавалось сдуть эту грязь, возможно, они просто не добивались до нее. Дым от жженого сахара и жарящихся цыплят закоптил белые стены храмов. В озере ловили рыбу и заталкивали ее в прозрачные пузыри с водой, чтобы привезти диговинку домой. Бедняки играли в азартные игры у портиков храмов. И просили у богов прощения при каждом броске игральные костей. Это доставляло им странное удовольствие. Нищие просили милостыню у богатых дам и звездочетов.

Жрецы, как правило, редко попадались на глаза. Они заперлись в своих кельях, где чахли и голодали, или впадали в затяжные, подобные смерти, обмороки. Только традиция поддерживала нерушимость города. Традиция, оказавшаяся хамелеоном. Чтобы уничтожить Белшевед, не требовалось армии врагов или грабителей. По крайней мере теперь.

Даниэль часто приходила в центральный храм над озером, чтобы посидеть в высоком золотом кресле, которое было установлено для нее между золотыми животными перед алтарем. Она появлялась там не по своей воле, а по требованию толпы. В ее отсутствие постепенно поднимался шум. Люди пронзительно и страстно кричали, требуя лицезреть ее и божественное дитя. Когда Даниэль и ребенок появлялись, люди падали на колени. Девочка вела себя очень спокойно, едва шевелясь на руках у Даниэль. Но все же у трона пришлось выставить охрану, чтобы сдерживать народ, который старался прикоснуться к избраннице бога. Несчастные воины были до колен завалены подарками, их ноги скользили, топча виноград, разбитые яйца и жареную птицу.

В других частях главного храма пророки толковали значение происходящего. Их считали очень умными людьми, потому что каждый давал собственное объяснение.

Кроме всего прочего, Даниэль в сопровождении охраны приходилось с ребенком на руках прохаживаться вверх и вниз по широким улицам Белшеведа. Тогда девочка вела себя уже не так тихо. Ее беспокоили лучи дневного солнца.

По ночам город наполняли различные громкие звуки, но не прежние благочестивые песнопения, а шум споров и звон монет. Запах наживы быстро приводил людей в возбуждение. В нескольких шагах от западных ворот (не в сотне, нет, и даже не в пятидесяти, а всего лишь в десяти) опытные женщины и молодые люди установили малиновый павильон, в котором торговали своими телами, предлагая их всем желающим. Они, как и пророки, имели собственную теорию: «Никто не должен входить в священный город с греховными мыслями, поэтому сначала лучше избавиться от подобных желаний перед входом в город».

Ночью все ожидали прихода бога, желающего провести ночь в объятиях своей девственной жены. В неожиданных ночных звуках им чудилось нечто божественное. В столах ветки им слышался шум крыльев, в

хрипе верблюда — ржание звездного коня бога, а если человек вскрикивал в малиновом павильоне, они говорили: «Ах, бог удовлетворен».

Все же те, кто вдавался в глубокие размышления об этих событиях, были уверены, что бог никак не проявит себя и не придет прилюдно, чтобы забрать ребенка. Пророки не находили этому объяснений, как, впрочем, и тому, что девочка боялась солнца. Божье создание, хотя и женского пола, должно любить солнечный свет. Разве солнце не является постоянным символом небесных вождений?

В комнате Даниэль, среди новых лежанок, украшенных новыми золотыми украшениями, действительно время от времени тайно и незаметно для всех появлялся Азарн. Он являлся Даниэль ночью, вырастая в углу комнаты, словно стройное черное дерево, и спрашивал своим металлическим голосом:

— Ты наконец смягчилась? Ты убедилась теперь, что напрасно теряешь драгоценное время, которое мы могли бы проводить вместе?

И Даниэль отвечала:

— Моя любовь, мой господин, моя жизнь, я не оставлю твоего ребенка здесь одного.

— Оставишь, — вздыхал Азарн. — Дело только в продолжительности моего ожидания. Легко ли тебе будет перенести разлуку со мной?

— Я не вынесу разлуки с тобой.

— Тогда оставь это отродье здесь и уходи со мной. Я сделаю ребенка страшнее драконихи. Она будет неуязвимой, я обещаю тебе это.

— Я не могу.

— Я мог бы взять тебя с собой и против твоей воли.

— Действительно. И ты возьмешь?

— Нет. Но также я не намерен приходить к тебе, словно твой слуга.

Но каждую ночь он возвращался, и каждую ночь повторялся их разговор. Они не прикасались друг к другу, хотя комната дрожала, словно наэлектризованная их внутренним стремлением к любви. И никто из них не решался первым уступить в этом споре.

В своей отделанной драгоценностями колыбели девочка поворачивала головку в ореоле роскошных волос, наблюдая за ними глазами, напоминавшими голубые зерна сумеречного неба.

Зарет вошла в Белшевед через те же самые открытые ворота, которые выпустили ее ровно месяц назад.

Девушка осмотрелась, чтобы насладиться зрелищем произошедших вокруг перемен, изучая их презрительно и беззаботно.

С ней вошла в город некая сила. Сила Чузара, а точнее, та, которой он наградил ее. Зарет выделялась даже среди пестрой толпы, наполнявшей теперь город. Юная и старая одновременно, освобожденная, почти прекрасная, с волосами, ставшими наполовину белыми, наполовину оставшимися рыжевато-коричневыми. Вокруг нее распространялся непонятный аромат. Это был запах кизила, впитавшийся в ее рваные одежды.

На улице ей уступали дорогу. Нищие не просили у нее милостыни. Мудрецы решили, что в ней живет безумная магия пустыни. Даже женщины могут быть склонны к мистицизму, при этом становясь более дикими и менее пристрастными, чем мистически настроенные мужчины.

Зарет шла по городу, а за ней по пятам следовала толпа людей.

Богатые женщины указывали на нее презрительно, но в то же время и завистливо.

Зарет взобралась по ступеням скромного храма и остановилась у дверей. Казалось, она глядела на толпу, застывшую внизу, но на самом деле девушка смотрела сквозь нее, лелея свою злобу. Ее боль стала для нее центром мироздания. И девушке нечего было дрожать перед толпой.

— О обманутые! — воскликнула она внезапно, и ее голос полетел, словно птица. — О почитатели ложных богов!

Толпа зашевелилась, неясно бормоча. Своими словами незнакомка заинтересовала людей. Не все терпят, когда их критикуют.

— Дураки! — кричала Зарет. Ветер развеивал ее волосы, девушка подняла свои худые руки и почувствовала, как за ее спиной засмеялся Чузар. — Этот бог, чей ребенок растет сейчас в Белшеведе, не кто иной, как черная грязь, демон из подземной ямы.

На это ей ответил гул толпы. Как и можно было предполагать, ее называли богохульницей и лгуньей. Ее грозили разорвать на части.

— Тогда разорвите меня. Наказание все равно постигнет вас.

Они говорили ей, что боги поразят ее.

— Пусть тогда они поразят меня сейчас, — пронзительно кричала она, — если я говорю что-нибудь, кроме правды!

Потом она рассказала им, как Азрарн, самый отвратительный из всех злодеев, существующих на земле и в Нижнем Море, вылез на поверхность и непристойно родил подобного себе злодея, хотя и в форме невинного младенца, с помощью гнуснейшей шлюхи, которая приютила его. Толпа ужаснулась вероотступничеству Зарет. Но женщина уверяла толпу, что это они вероотступники, а не она, потому что они доверились демону, словно богу. Истощив запасы своего красноречия, она спустилась по ступенькам и прошла сквозь толпу, чтобы найти другое место для нового выступления.

День становился все холоднее и, недовольный собой, начал убывать. Зарет говорила много раз. Она охрипла. Некоторые смутно припоминали ее. Но те, кто связывал ее образ с одной из семнадцати девушек-убийц, предполагали, что, как и остальные, она умерла, а теперь перед ними предстал ее призрак, чтобы предостеречь их. Это были неприятные мысли, потому что, само собой, душа мертвой преступницы может знать что-то, чего не знают живые смертные.

К концу дня лишь немногие в городе не сподобились чести услышать либо саму Зарет, либо рассказы о ее завываниях.

Богатый землевладелец, гордившийся тем, что мог пригласить интересных людей для увеселения гостей за столом, послал слугу позвать Зарет в свой шатер. Зарет приняла приглашение. Она надменно вошла и села среди прозрачных занавесок, ярких ламп, между десятью или одиннадцатью известными ораторами и мудрецами, а также тридцатью нетерпеливыми гостями. Никто не понял, была ли она напугана, находясь в таком обществе.

Когда девушке предложили еду, она отказалась.

— Стыд и тревога — мои еда и питье.

Когда ей предложили фрукты и вино, она заявила своим хриплым завывающим голосом:

— Сладким виноградом стал для меня кизил, источник горечи и очищения.

Гости хохотали, слушая с восхищением удручающие реплики Зарет. Наконец хозяин убедил ее рассказать свою историю. И она поведала о себе. Девушка легко говорила о ложе демона, о чередовавшихся экстазах, об убийстве, которое обманщик заставил ее совершить, о своем фантастическом спасении, осуществленном «Великим Созданием, которое пожалело меня». Она не называла Чузара по имени. Скорее всего, Владыка Безумия сковал ей уста, желая остаться неузнанным. Однако она представила своего спасителя как посланца небес.

— Удивительный рассказ, — решили гости, слегка обеспокоенные услышанным.

Слух о судьбе несчастной девушки вылетел из шатра и, подхваченный вечерним ветром и устами присутствовавших, пролетел по всему городу.

Ночь напоминала бурлящий котел. Наиболее простодушные обитатели Белшеведа начали сомневаться. Умудренные опытом старцы, уже зевавшие и пресыщенные рассказами о ребенке Даниэль,

очнулись в надежде на что-то новое. Иные активно спорили.

Кто-то увидел рыбу, разгуливающую по берегу озера на своих плавниках: по городу поползло безумие.

Утром солнце и Зарет поднялись вместе и вместе пошли по городу. Волны народа вздымались и опускались. Храмы опустели, потому что люди предпочитали более интересные события снаружи. Обличительные речи Зарет оказались важнее молитв.

На заходе солнца знаменитый мудрец отправил слуг пригласить Зарет в свой шатер, чтобы и он, и его друзья смогли бы услышать и обсудить ее учение. Она вошла в шатер и грозно предостерегла его:

— Я только женщина, а ты хочешь возвеличить меня до титула мужчины. Правда, теперь это мне не кажется таким уж странным, если принять во внимание, что вы думаете, будто бы бог может родиться в женском обличье.

— Как она проникательна, — проговорили мужчины, глубоко обеспокоенные и в то же время удовлетворенные.

Крылья ночи сомкнулись над Белшеведом.

Главный храм опустел, лишь священные огни ярко горели в золотом обрамлении. На мозаичном полу, рядом с золотым тронem, где, как обычно, сидела Даниэль с ребенком, кто-то нацарапал символ — знак вопроса.

Вновь в тени возник перед Даниэль Азарн и сказал ей:

— Они оскорбят тебя. Пришло время оставить ребенка и уйти со мной.

Но мать упорно отказывалась оставить девочку, а отец не соглашался взять ее с собой. И никто не мог заставить Даниэль покинуть это место против ее воли.

Утром раздались выкрики:

— Зарет! Зарет, провидица!

Зарет отозвалась хриплым, как карканье вороны, голосом.

— Я — кизил, — прокаркала она. — Я стану вашим лекарством. Я помогу вам прозреть!

Она искренне верила во все, что говорила, а иногда ей даже случалось мельком увидеть призрачную фигуру в толпе, закутанную в плащ сливового цвета, с ухмыляющимся опущенным к земле, словно мертвым, лицом с медными зубами.

Когда третий день пребывания Зарет в городе подходил к концу, к ней подошел третий слуга. Он был одет богато и в то же время очень просто и казался необычно подвижным, напоминая игру цветных огней — вероятно, от блекнувших отсветов солнца, делавших неясным его лицо.

Этот человек не говорил с ней, хотя предыдущие оба раза слуги уговаривали и умоляли ее прийти в тот или иной шатер. Но хотя этот слуга не говорил, весь его вид выражал требование: «Ты должна пойти со мной».

— Хорошо, — сказала Зарет.

Она не совсем понимала, почему согласилась пойти с ним, ведь он даже не назвал имени своего хозяина. Казалось, девушка почувствовала некоторое возбуждение, оказавшееся сильнее, чем жажда славы или мести. Когда стены, огни, рощи и группы людей остались позади нее, она спросила повелительно:

— Где же шатер твоего хозяина?

Слуга обернулся, и она попыталась разглядеть его лицо. Он оказался красивым. Зарет задрожала. Перед тем как она смогла обратиться к нему снова, угольно-черный шатер уже возвышался перед ними. Может, это какой-то трюк, изобретенный Чузаром? На самом деле она никогда не задумывалась, кем или чем являлся Чузар, кроме как ее наставником, которому она принадлежала по праву своих страданий. Но тем не менее она ненавидела Чузара. Потому что он открыл ей правду, кислую, как сок кизила. Зарет

посмотрела на черный шатер, и, едва она сделала это, драпировка входа откинулась.

— Войди, — беззвучно произнес слуга.

Тускло горели светильники шатра в подставках из темного металла, бледный мрамор чередовался с тяжелыми шелками. Это обиталище было богаче, чем шатер богача, выглядело внушительнее, чем шатер мудреца.

Зарет вдруг поняла, что уже вошла. В тот же момент на нее, казалось, накатило смущение. Она вспомнила о видении истины в саду. В ее руке появилась чаша. Не осознавая своих действий, она глотнула жидкость — и поперхнулась. В чашке был обман. Нет, не обман. Сок кизила.

Не раздумывая, девушка решила убежать, но, повернувшись, увидела стройного, улыбающегося мужчину, стоявшего перед выходом с обнаженным мечом из голубой стали в руках.

— Нет, ты умрешь не от этого меча, — удивительно мягко произнес его голос прямо ей в ухо. — Твоя смерть будет более жестокой. Более ужасной. Ты умрешь от того, без чего так томишься. В тебя проникнет другой меч, раздирающий душу и пронзающий насквозь.

Зарет судорожно пыталась найти хозяина голоса. Но никого не было рядом. Скорее всего, это говорил сам Азарн. Ведь ходят же слухи, что он существует.

У нее хватило времени лишь на один быстрый испуганный взгляд, перед тем как многочисленные невидимые руки схватили ее. Она больше не была сумасшедшей убийцей или надменной проповедницей. Она стала обычной девушкой, боящейся мучений. И Зарет знала, что никто не сможет ни спасти, ни даже услышать ее, так как она, безусловно, попала в руки демонов. И все же девушка закричала. Возможно, она звала Чузара, называя его известным лишь ей именем, но оно, разумеется, не было настоящим. Кроме того, шатер защищала магия, а возможно, демоны переместили его в другое измерение. Чузар не смог бы найти ее, даже если бы искал.

Итак, Зарет закричала, как только мучители схватили ее, но через несколько секунд ее крики сменились изумленными тихими всхлипываниями, потому что их руки принялись ласкать ее, и ласки вызвали в ней дрожь непреодолимого желания. А затем она почувствовала, на сей раз бессознательно, инстинктивно, так как обрывки ее разума уже умчались прочь, словно волки, что это желание и должно стать самой страшной пыткой. Осознав это, она закричала снова, но холодные чувственные водовороты и болезненная дрожь уже подступили к ее горлу. Плотская любовь. В этом заключалось искусство демонов, в ней проявлялся их гений. У каждой монеты есть две стороны.

В какой-то момент Зарет почувствовала острую иступляющую боль там, где только что прошлись нежные пальцы демонов, а затем ей показалось, что она испытывает совсем другую боль, будто все ее тело расписано прямыми, ровными линиями, прочерченными лезвием. Острая боль захватила несчастную целиком, наслаждение распускалось в ней, как цветок, заставляя ее тело извиваться в страшных конвульсиях.

Каждый из невидимых любовников проникал в нее. И проникновения разнились, как вода и камень: то удивительно нежное, то, как лезвие, острое. Демоны то ласкали ее, то кусали; девушка то испытывала удовольствие, то ощущала себя в пасти волков.

Наконец, хотя рот девушки был заткнут, она снова вскрикнула.

За свою жизнь она успела познать только три ступени экстаза. Теперь на нее навалилось знание о бесчисленном множестве иных, никогда не испытанных. Экстазы — ножи, экстазы — кратеры вулканов. Каждый протягивал ее сквозь новый вихрь оргазма. Несчастная прошла сквозь ушки многих иголок, и последующее оказывалось уже предыдущего.

На седьмом витке, вскрикнув, она умерла. Когда наступил холодный серый рассвет, тело Зарет — клетка, из которой вырвалась наружу ее неистовая душа, — лежало на песке. Ее руки и ноги, разметавшиеся в разные стороны, вывернутые и изуродованные, указывали в четыре стороны света. На ее застывшем лице отразились муки, которые заставили бы окаменеть любого, увидевшего ее. Никаких других следов насилия на теле несчастной не было.

Когда немного рассвело, стал заметен силуэт молодого человека, опустившегося на колени перед

распростертой Зарет. Он, казалось, искренне сокрушался, а его светлые волосы, словно поток дыма, струились по щекам.

— Нельзя так, брат, — вздыхал Чузар. — Ты играешь со мной не по правилам. Нет-нет, брат. Бедная девочка, — обратился теперь Чузар к телу Зарет. — Скажи мне, бедная девочка, что я такое? Я безумие? Да, — Чузар вздохнул. — Кровь в твоих жилах еще не остыла.

Чузар поднялся на ноги, отвернувшись от Зарет, лежащей на песке. Он размышлял:

— Кто, в конце концов, безумнее Владыки Смерти? — Затем, обернувшись через плечо, он прорычал: — Поднимайся, мерзавка, и повинуйся мне.

Тогда тело Зарет, с вывернутыми руками и ногами, со скрюченными пальцами, с крепко закрытыми глазами и широко раскрытым ртом, неуклюже поднялось и пошло за ним.

— Не бывать по-твоему, брат, — повторил Чузар так вкрадчиво, так музыкально, что ветер притих, не в силах соперничать с его голосом. — Нет!

Глава четвертая

ИГРАЛЬНАЯ КОСТЬ

Девочке, ребенку бога или демона, исполнился месяц. А она уже умела ходить и уверенно топала по каменным плитам и светлым дорожкам города, а ее длинные вьющиеся волосы волочились за ней, как шлейф. Но она еще не говорила. Все, что ей требовалось, она могла спросить или приказать взглядом своих удивительных глаз. Их неземной свет понимали без слов. На солнце девочка казалась бледнее и прозрачнее и, словно в одежду, куталась в длинные волосы. Временами казалось, что она плачет — также безмолвно. И только сердце подсказывало Данизэль, что сила солнечной кометы хранит ее дочь от опасности. И все же девочка не любила солнца и питала отвращение к полной луне, хотя ни солнце, ни луна не могли причинить ей вреда.

Не было у нее ни младенческой умильности, ни пухлости. Тридцати дней от роду, дочь Данизэль напоминала двухлетнего ребенка.

Теперь между матерью и дочерью не было той близости, какой они наслаждались, пока малышка пребывала еще в утробе. Их редко оставляли одних. Но в те редкие мгновения, когда никого не было рядом, Данизэль вновь рассказывала сказки и пела песни или играла с девочкой в ею придуманные игры с цветными бусинками или оборванными Аграрном золотыми украшениями с занавесей. Иногда в пасмурные дни они поднимались на крышу храма, опоясанную двойным рядом золотого парапета. Здесь, под пасмурным небом пустыни, девочка бегала, играя с комком шелка, словно котенок, а Данизэль с тревогой и любовью следила за ней.

Похоже, золото поддельное — в отличие от истинного золота солнца — не раздражало дочь демона. Один-два раза она умудрялась исчезнуть, как по волшебству, отыскав среди позолоченных барельефов и колонн полюбившийся уголок и заигравшись в нем. Данизэль не мешала ей, но, когда начинала беспокоиться, разыскивала дочь, тихо повторяя: «Завех, Завех, где ты?»

Было то случайностью или полустертым воспоминанием детства, но Данизэль звала дочь именем, которое получила при рождении сама. Азрарн, конечно, знал, откуда появилось это имя, но ничего не сказал. Он вообще проявлял полнейшее равнодушие ко всему, что касалось его ребенка.

Ни мать, ни дочь не являлись настоящими людьми. О чем они думали краткие минуты игр и сказок, не знал никто. Казалось бы, отказ Данизэль оставить ребенка говорил об обычной материнской любви, свойственной всем смертным женщинам. В свою очередь, дочь, как и положено смертному ребенку, всячески отличала мать, на людях не отходя от нее ни на шаг. И все же они были чужими. С того мгновения, как ребенок вышел из материнского чрева и выпил кровь эшва, он стал демоном. И как бы ни относился к ней Азрарн, девочка была его дочерью.

В этот день грозовое небо повисло над городом, солнце едва просвечивало сквозь тучи, а первые порывы ветра предсказывали бурю. Девочка танцевала меж золотых парпетов на крыше храма. Данизэль сидела поблизости, прислонясь спиной к золотым барельефам. На ее лице читалось спокойствие и отрешенность любви.

Она думала об Азрарне, деля с ним каждую минуту его отсутствия, которым он постоянно мучил любимую, пытаясь заставить ее изменить решение.

Она не видела его уже пять ночей. Зная, что ей достаточно лишь вслух произнести его имя, чтобы он оказался рядом, она молчала, понимая, что, сделав это, признает свое поражение в борьбе с его стремлением сделать из ребенка оружие Зла. Нетрудно представить, каким видел отец воплощение своего гнева: маленькая девочка, сидящая на драгоценном кресле, слишком большом для нее, мечущая убийственные молнии из детских кулачков. «Я сделаю ее страшнее дракониhi», — сказал Азрарн. Нет, Данизэль не хотела для своего ребенка такой судьбы.

Она разглядывала серебряные украшения, его первый дар. Помимо красоты, они заключали в себе силу. Данизэль не носила золотых драгоценностей. Каждую ночь солнце опускалось в преддверие ада под миром, и, наблюдая его странствия, жена князя демонов спрашивала себя снова и снова, сможет ли она,

дитя кометы, жить в подземелье без солнца?

На город напозла тишина — то тяжелое, словно ночной кошмар, затишье, какое всегда бывает перед бурей. И Даниэль, должно быть, чувствовала это. Красавица, возможно, понимала, что она и ее ребенок сами являются источником еще одной бури, собирающейся под небесами. И эта буря разразится, если она, как предостерегает ее Азарн, не изменит своего намерения остаться.

В свинцовый полдень Завех подошла и села рядом с Даниэль, глядя ей в лицо. Девочка подняла ручки и поймала платиновые волосы матери. Ее движения были уверенны и ловки, без присущей маленьким детям неуклюжести. Даниэль молча наклонилась, осыпав девочку серебряным дождем. Она редко разговаривала с ребенком, разве что рассказывала ей сказки. Завех, близкая по натуре эшва, еще не умела говорить.

Скорее всего, это была единственная причина, так как такой необычайно разумный ребенок мог бы и заговорить сразу после рождения.

Внезапно дверь на крышу открылась, и в дальней стороне золотой галереи показались люди: представители новой власти, взявшей на себя управление делами храмов. Слуги Небес прекратили этим заниматься, запершись в своих кельях.

— Даниэль, Благословеннейшая из Женщин, — обратился к ней один из нобилей, — у нас возникли некоторые сомнения. Против нашей веры были выдвинуты обвинения. Из пустыни пришла женщина, обладающая невероятной силой, и указала нам на ложность наших верований. Теперь женщина пропала. Это обеспокоило нас, и мы просим тебя спуститься в храм, где мудрейшие просят тебя дать ответы на несколько вопросов.

Даниэль поднялась и взяла ребенка на руки. Она по-прежнему никогда не отказывалась от разумных предложений.

Возлюбленная Азарна спустилась в храм, заметив, что сопровождающие старались держаться от нее на почтительном расстоянии и избегали смотреть на ребенка.

Внизу собралось около сотни жрецов. Они намеревались задать вопросы матери богини, а услышать, скорее всего, по их мнению, ответы любовницы демона — столь далеко зашли их сомнения.

Ее уже когда-то допрашивали подобным образом — в древней башне, прежде чем сделать жрицей и ввести в Белшевед. С тех пор она совершенно не изменилась, не считая того, что держала на коленях ребенка.

Лицо девочки было абсолютно недетским. Она наблюдала и, казалось, слушала. Но вела себя спокойно.

Один из жрецов заговорил:

— Даниэль, Благословеннейшая из Женщин. Бог, который является отцом твоего ребенка, посещает тебя тайно и только по ночам. Это правда?

— Да, — ответила она. — Но если ты знаешь, зачем спрашиваешь меня?

— Эти посещения начали нас беспокоить, святая дева, — заговорил другой жрец. — Если отец ребенка приходит только по ночам, не свидетельствует ли это о том, что он — творение темноты?

— Это так, — ответила она. — Но разве вы не понимали этого раньше?

— Но темнота, святая дева, является спутником всех темных дел. Она связана с обманами и скрытыми болезнями.

Даниэль молчала.

Трудно, в конце концов, высказать вслух то, что произносится только шепотом. Тогда заговорил еще один жрец:

— Нам известен некто, имеющий обыкновение приходить только по ночам, принося беспокойные мысли, подлость, предательство и убийства. Если твой любимый — это он, Даниэль, то какова его природа, если не природа ночи и обманчивой тени?

И снова Даниэль не ответила.

— Ты должна ответить! — закричали они, один за другим.

Даниэль и ее дочь смотрели на них синими, как небо, глазами, пока не прекратился шум.

— Молчание не спасет тебя, — подвел итог один из присутствующих. — Такое молчание означает виновность.

— Скажи ей! — закричал кто-то. — Скажи, что она ведьма!

— Так это правда, что ты была с демоном? Что зачала существо, порожденное извращением, и притворилась, что все это является священным и богоугодным, в то время как на самом деле лишь оскорбляет небеса?

— Я не сказала вам ни слова, — ответила Даниэль. — Вы провозгласили моего любимого богом, вы мне говорили, кого я родила, и объявляли о божественности моего ребенка. Вы. Не я.

Она держалась очень спокойно. Их обвинения стекали с нее, как вода со стекла. Хотя Даниэль должна была знать, что этот день и час когда-нибудь наступит, не может не наступить, она не собиралась бежать от своей судьбы и не могла бы сделать это даже сейчас. В ней не было ни лживости, ни хитрости, она просто не имела этих качеств. Впрочем, они бы не спасли ее.

— Скажи нам тогда, — прозвучал многоголосный хор, но тут же затих, уступив место одному-двум голосам, отражавшим настроения всех присутствующих. — Сообщи нам титул и имя твоего неземного мужа.

Существовало много способов, с помощью которых Даниэль смогла бы уклониться от ответа. Она была достаточно умна и держалась хладнокровно и спокойно. И все же как она могла отречься от его имени? Все оказалось очень просто. Им только стоило прямо спросить ее, чего они никогда не делали, чтобы узнать правду.

— Он — Владыка Тьмы, — спокойно ответила Даниэль. — Его имя — Азарн.

Воцарилась ужасающая тишина.

И не сразу, а спустя много, очень много времени прозвучал последний голос, сказавший с дрожью:

— Как ты могла оказаться такой ядовитой змеей? Неужели ты любишь это существо, с которым общаешься к стыду всего человечества?

После этих вопросов Даниэль могла бы говорить и говорить.

До бесконечности.

Она могла бы пропеть гимн любви, показавшись им гордой, могла предстать перед ними в виде обманутой невинности или, скажем, раздираемой сомнениями заблудшей женщины. Все это вполне устроило бы их. Стоял полдень, и ночь была слишком далеко. Азарн никак не мог прийти к ней на помощь. Поэтому Даниэль оставалось лишь умолять о пощаде. Но она предпочла другую судьбу.

Красавица открыто посмотрела в четыре сотни широко распахнутых глаз, осознавая возбуждение толпы, ее жажду крови. И тихо сказала:

— Владыка Азарн — суть моей жизни.

Это прозвучало так, словно она метнула в них огонь.

Семьдесят человек, вышедшие из пустыни, приближались к городу, идя разрозненными группами от источника к источнику. Они совсем не походили на те двести человек, что стояли сейчас в центральном храме: роскошно одетые, причесанные, сгибающиеся под тяжестью золотых украшений. Те, которые выкрикивали проклятия, били кулаками по полу и послали за слугами, стражниками и рабами, чтобы схватить демонессу в человеческом обличье и связать ее шелковой веревкой — так силен был их страх перед ночью и тем, кто может появиться, чтобы спасти ее.

В самом деле, эти семьдесят странников выглядели совсем иначе.

Они носили скромные одежды. Иные следили за чистотой своего тела, а от иных исходила ужасная

вонь. Наиболее странным был способ их передвижения: все они ступали крайне нерешительно, но при этом продвигались в одном направлении.

Время от времени кто-нибудь из них останавливался и начинал ходить кругами. Вскоре останавливался и другой. После символического жеста он становился на колени и целовал что-то в песке. Что бы это могло быть? Камень. Только что он наступил на него, а теперь целовал, бормоча что-то себе под нос. Что же он бормотал? А вот что: «Благородный, прости мои подлые пятки, которые мяли тебя».

Во главе нестройной толпы вышагивал старец с твердой, но еще более странной поступью, потому что он обрел знание гораздо раньше своих последователей и теперь, интуитивно чувствуя, где лежит перед ним камень, мог избегать их все.

Его лицо выражало невероятную внутреннюю сосредоточенность и тщеславие великого пророка.

Это был тот самый почтенный мыслитель, который спорил с Аззарном о природе богов, а позже уверовал в то, что боги пребывают в камнях. А те, которые слонялись и кружили позади, являлись его приверженцами.

— Для чего вы идете в Белшевед? — спрашивали их. — Не для того ли, чтобы поклониться божественному ребенку и ее матери?

— Нет другого бога, кроме камня, — провозглашали мудрец и его спутники.

Они направлялись в Белшевед посмотреть, не сделан ли необычный ребенок из камня и не имеет ли он какого-то отношения к камню. Если окажется, что это так, они воздадут ребенку почести, если нет — станут хулить его.

Пока они спали, растянувшись на пыли и обломках всех тех камней, которые тысячелетиями превращались в саму пустыню, между лежащими телами прокралась фигура, одетая в темно-красный плащ.

Сектанты, вероятно, оскорбились бы, если бы узнали, как уютно чувствовало себя среди них Безумие.

Когда почтенный старец проснулся, он обнаружил, что его рука лежит на прекрасном и необычном камне. Это был розовато-лиловый кварц в форме куба. Если бы старец не уверовал в то, что в камнях живут боги, он наверняка увидел бы в этом предмете необычную игральную кость.

— Смотрите, — сообщил мудрец своим едва проснувшимся сподвижникам, — это знак от наших божественных хозяев. Вот один из их самых прелестных посланцев.

Все сектанты хвалили игральную кость Чузара и восхищались ею, а мудрец положил новую реликвию в кожаную сумку на шее, где до этого, по глупости, носил золотую драгоценность из Белшеведа. У каждого из его учеников уже имелись большие коллекции камней и кварца.

К полудню этого же дня группа камнепоклонников приблизилась к Белшеведу. В роще у его стен они набрали на молодую женщину, сидевшую на корточках в пыли под безлистным деревом. Она поднялась им навстречу, неприятно поразив сектантов своим отвратительным видом.

Женщина напоминала огромную крылатую жабу. Ее ноги были широко расставлены в стороны, а руки неестественно вывернуты и приподняты. Кроме того, на пальцах ее ног и рук были ужасно длинные когти. Глаза женщины закатились, как будто ей не хотелось видеть ничего на земле. Ее рот широко растянулся в ужасной гримасе. Слабый горьковатый запах исходил от ее лохмотьев и нечесаных волос.

Мудрец остановился в испуге. Он был потрясен.

За ним замерли в испуге шестьдесят девять его последователей. Ведь все, что делал он, было возвышенно и теологично.

Каждый уставился на отвратительную женщину.

— Ради сохранения великих богов по всей земле вокруг нас, — заговорил наконец мудрец, — почему ты стоишь на нашем пути?

Тогда из горла женщины раздался звук, настолько неприятный, что многих охватила паника. Ее голос был столь груб и лишен какого бы то ни было выражения, что казалось — из горла женщины вещает кто-то

другой.

— Я пришла показать, как боги наказывают несчастных, которые поклоняются ложным богам, — провыл этот ужасный голос. Посмотрите на меня. Я — предупреждение.

— Но какое это имеет отношение к нам? — удивился мудрец. — Ведь мы поклоняемся истине!

— Боги не терпят уклонения от долга, — прорычала ужасная женщина.

Мудрец, желая сохранить самообладание, шагнул вперед и схватил жуткое создание за руку, оказавшуюся твердой, как доска.

— Камни — это боги.

Рот одержимой снова издал грубый звук:

— Да, таковы они, ибо способны убивать. Хрустальный бог, оседлавший шпильку, проходящую сквозь глаз человека, убивает его. Кремниевый бог, вложенный в пращу, тоже убивает.

— Я не собираюсь вести с тобой богохульные беседы. О богах нельзя так говорить.

— Только истинные боги могут сместить ложного. Пусть боги летают. Бросьте их в блудницу Белшеведа!

— Я не потерплю таких речей, — ответил мудрец.

Он оттолкнул женщину. К его неудовольствию, она свалилась на землю, как мешок муки.

Женщина лежала на земле, словно мертвая, а ее холодные руки и ноги указывали на четыре стороны света. Казалось, теперь она не дышала, хотя на самом деле она не дышала и во время разговора.

Сектанты последовали за своим предводителем, и, проходя мимо похожего на труп тела, они гладили или похлопывали камни, которые носили с собой как талисманы.

Наконец они вступили в город, где ныне царил хаос. Мудрец и его приверженцы осведомились, что происходит.

Весь город был объят ужасом и возмущением, вызванными признанием Даниэль. Несомненно, к общему страху примешалось волнение и чувство вины за собственные преступления и грехи. Добавлялся к ним, без сомнения, и страх перед тем, что все они преступили древние запреты. Все повторяли, что не следовало посещать священный город в неподходящий сезон. И некоторые вскоре действительно уехали, унося с собой страшные новости. Невеста бога оказалась блудницей. Вы только вспомните, ребенок родился с зубами, волосами и ногтями! А может быть, это их грехи вызвали такое событие? Как еще зло могло проникнуть в Белшевед?

Солдаты, которые раньше охраняли избранную богом женщину, теперь стали ее тюремщиками. Они с отвращением смотрели на нее и с опаской поглядывали на шелковые веревки, стянувшие ее запястья и лодыжки. Достаточно ли прочны эти путы? Сможет ли она освободиться с помощью неземного колдовства? Пока, видимо, нет, потому что демон отважится прийти к ней лишь ночью.

Даниэль увели, а концы связывающих ее веревок закрепили на фигурной резьбе западного мостика, ведущего от золотого храма. И на этом их издевательства закончились. Они ничего не сделали с ребенком, которого Даниэль сама сняла со своих коленей и спокойно посадила на высокое кресло в храме. С тех пор девочка так и сидела, потому что никто не посмел сдвинуть ее с места или связать. Как они могли уничтожить отродье демона? И как они могли наказать саму женщину? Ведь если демон не может прийти к ней днем, то он появится с приходом ночи.

Люди уже пытались найти того, кто мог бы хорошенько отхлестать несчастную плетью. Но ни один не брался за выполнение этого поручения. Ни знатный аристократ, ни последний продавец сладостей.

Итак, ребенок оставался в храме, а Даниэль была привязана к мосту, словно белая бабочка, запутавшаяся в паутине. Вот как обстояли дела в городе. А толпы народа волновались на четырех широких улицах. Приведенные в Белшевед животные портили мозаику, а дома, украшенные волшебными барельефами, оскверняли нищие и карманники.

Так и не вышедшее из-за туч солнце пересекло порог полдня и теперь стало клониться к закату. У горизонта сверкали зарницы, окрашивая воздух в пурпурные тона.

Многие поспешили укрыться в бесчисленных маленьких храмах, дабы помолиться или просто попасть под защиту священных стен. Они кружили около озера, глядя на бабочку, привязанную к мосту. Их тревога и предчувствие беды еще более возрастали, когда они смотрели на нее, такую хрупкую и такую далекую от них. Люди воспринимали жену демона либо как чудо, либо как проклятие, но некоторые, наиболее испорченные, принимали ее терпеливое молчание за злобное высокомерие.

Иногда в толпе проскальзывали жрецы. Их хватали и избивали, грязно приставали к ним за то, что они позволили людям осквернить Белшевед. Как всегда, эти эфирные создания едва ли понимали людей. Если предоставлялась возможность, они отступали. Но теперь толпа преследовала их даже в кельях, стуча в двери и хныча: «Спасите нас!»

А некоторые видели провидицу Зарет или ее призрак, всю скрученную, с искаженным лицом. Она утверждала, что это боги наказали ее за долгую веру в то, что демон является богом. И насколько же ужаснее окажется их наказание, вещала она, когда обнаружится, что они лелеяли свою ошибку значительно дольше, чем она, и до сих пор еще не исправили ее. Эти слова нисколько не утешали обитателей Белшеведа и не улучшали их настроения.

Собственно говоря, перед людьми возникла дилемма. Если они отомстят Даниэль, то, вероятнее всего, навлекут на себя возмездие ее жестокого любовника. Если же они не накажут ее, то им грозит возмездие небес.

И все же кто могущественнее? Отвратительное создание из подземелья или боги? Спасут ли боги людей, если убить Даниэль?

Но никто не мог решить этого важного вопроса. Обитатели Белшеведа колебались. Кто же захочет брать на себя ответственность решения? Конечно, никто. Ни мудрец, ни продавец фруктов, ни жрец, ни блудница. Пускай найдет кто-нибудь другой, кто согласится показать им путь. Пусть это будет пророк или пастырь, который встанет во главе их испуганного стада и погонит его вперед.

А Даниэль тем временем стояла в развевающейся, как крылья бабочки, украшенной драгоценностями одежде, края которой мягко колыхал крепнущий ветер.

Пурпурные отблески бури сверкали, металась над разоренным городом. Духи природы знали все, в отличие от смертных, и собирались, словно вороны, почуяв приближение смерти.

Но Даниэль, такая спокойная и прозрачная, словно стекло, что знала она?

Ее мать постепенно превратилась в золотое пламя. Даниэль когда-то называли Пламенем, а потом ей дали другое имя — Душа Луны, Иштвар. Но сейчас она, казалось, превратилась в огонь, бледный серебряно-голубой огонь звезд или свет звезды рассвета и сумерек. Ожидая на мостике своей участи, она стала чистым светом. Как будто зная, что близка к смерти, она приготовилась к ней, растворяя свое тело и позволяя душе гореть.

Азарн не мог прийти к ней на помощь. По крайней мере, пока на небе, хотя и тусклое, стояло солнце. И его защита, созданная для нее, слабела под напором солнечных лучей. А человеческая ненависть к ней напоминала шум приближающейся бури. Конечно, она знала, что ей предстоит умереть. Но что у нее осталось от жизни, чтобы умереть в таком неподходящем месте? И какой конец увидела ее любовь, чтобы одна могла без слез встретить свою Судьбу?

Старый мудрец с аметистовой костью-богом, лежащей в его сумке на шее, продирался сквозь толпу. А его ученики, как могли, расчищали путь. Наконец старец добрался до подножия западного мостика и устался на привязанную там деву.

— Это и есть она! — перешептывались между собой последователи старца.

— Да, это великая блудница, любовница грязного чудища, — ответило им сразу несколько голосов, содрогавшихся и всхлипывавших попеременно с проклятиями.

— Возможно, но не для меня, — заявил мудрец, — может быть, это и блудница, но, скорее всего,

девственница.

— Ну да, она осталась девственной, потому что ребенок был зачат необычным путем, — пробормотал кто-то поблизости. — Зародыш появился в ее теле неизвестным способом, потом она вынашивала его и родила совсем не так, как это обычно делают женщины.

Когда старец услышал это заявление, его охватил страшный гнев. Нечто в красоте девы, что он отчетливо разглядел, несмотря на плохое зрение (что-то наподобие света звезды, который обычно виден всем), заставило его испытать отвращение к собравшейся вокруг толпе. Что могут понимать дураки, которые топчут камни? Старец поспорил бы с ответившим ему, но не знал точно, кто это был. Поэтому он начал издали, решив втянуть своих противников в спор:

— Я убежден, что хоть какие-то признаки ее осквернения должны были запятнать ее, но их почему-то нет на ее теле. Даже если она и согрешила — как я думаю, неумышленно, — ее нельзя осуждать. Она же вся светится своей невинностью.

— Она сияет, как лунный свет, — согласился тихий голос у самого уха мудреца, но не тот, который звучал раньше. Старец обернулся и увидел приятного молодого человека, закутанного в плащ цвета зарева. Веки молодого человека (а старец видел только правую часть его лица) были опущены. Старца воодушевило такое соседство, потому что перед ним, казалось, стоял настоящий молодой аристократ, с утонченными чувствами, мудрый не по годам.

— И ты тоже думаешь, что эта девушка сделала так, как о ней говорят? — спросил мудрец.

— Я знаю, что это так, — ответил молодой человек.

— Тогда тебе придется признать свою ошибку, — сказал старец. — Моя новая вера привела меня к заключению, что демонов не существует, кроме как в легендах или мифах.

Смех, напоминавший лай лисицы, раздался из уст молодого человека. Словно для того, чтобы смягчить свой хохот, он поднес руку в белой перчатке к губам. Но его взгляд все еще был потуплен.

— Я заметил, что ты осматриваешь землю, — сказал старец. — Это правильно. Ведь боги появляются на земле. Но скажи мне, ребенок этой девы каменный? Может быть, он мраморный или опаловый? Подходил ли ты когда-нибудь настолько близко к нему, чтобы рассмотреть?

После этих слов незнакомец внимательно посмотрел на мудреца. Старец вздрогнул, он точно даже не знал почему. Был ли этот взгляд странным... или вполне обычным?

— Мой дорогой, — сказал Чузар, — ты пребываешь под проклятием моего любимого брата, который одурачил тебя по простой детской злобе. Но, боюсь, у тебя есть нечто, принадлежащее мне, что я хотел бы вернуть себе.

Смущенный, мудрец заявил:

— Я уверен, что ты ошибаешься.

— Вовсе нет. Сегодня утром я случайно оказался в вашем лагере в пустыне. К несчастью, одна моя вещица, должно быть, случайно выскользнула из моего плаща. Я думаю, ты подобрал ее, и теперь она в сумке, которая висит на твоей шее.

Старец невольно дотронулся до сумки.

— У меня здесь фиолетовый камень, посланец небес, который я нашел рядом со своей рукой, когда проснулся.

— Так оно и есть, — сказал Чузар приветливо. — Это моя игральная кость, к которой я, по глупости, очень привязан. Будь добр, верни ее мне.

Старец тут же пересмотрел свое отношение к молодому человеку. Тот уже не казался ему таким обаятельным и душевным. Кроме того, создавалось впечатление, что левая половина его лица могла быть обезображена...

— Ты хочешь сказать, что это избранное создание, бог в виде фиолетового камня, не что иное, как игрушка в азартной игре?

— Не зли меня, — тихо сказал Чузар, — верни то, что принадлежит мне по праву, или я ударю тебя, старик.

В ответ на это толпа яростно загалдела. Последователи старца внимательно слушали беседу Чузара с их предводителем, и теперь, когда Чузар перешел к оскорблениям и угрозам, неистовые камнепоклонники стали плевать в него, бросились с кулаками и начали пинать ногами.

Разве им мало было того ужасного факта, что, к стыду священного города, именно здесь оскорбили их пророка?

Это вконец разозлило Чузара, вынужденного защищаться от ударов и плевков.

Впрочем, казалось, что большей своей частью Чузар не присутствовал у моста, потому что звучные тумачи поражали пустоту. Лишь покалечились последователи старца, коснувшиеся пурпурного плаща, который был отделан блестками — стекловидными осколками, жалящими, словно осиные жала. Несколько раз в воздухе появлялись ослиные челюсти, крича что-то в лица нападавших, а один из сектантов даже потерял сознание, когда медная трещотка точно ударила его по макушке. Три или четыре блестки упали с плаща в озеро. Присутствовавшие при этом обитатели Белшеведа не приняли участия в битве, но тем не менее заволновались и расстроились, так как не понимали сути происходящего и боялись, что это происки богов или демонов.

И затем дерзкий молодой человек, которому изрядно досталось от сектантов, просто удрал. Когда он исчез, его колющийся плащ разлетелся на куски, высвобождая мириады маленьких созданий, которые закружились и, к ужасу людей, налетели на толпу. Большинство из них не поддавались описанию, хотя их количество наводило на мысль о причастности к астрологии или математике. Некоторые из этих созданий напоминали странных насекомых, окаменевших при превращении из одного вида живых существ в другой — например, из жука в рыбу. На них даже смотреть было противно. Но большинство обломков представляли собой игральные кости разного цвета и веса.

— Что случилось? — пронзительно закричала толпа.

Старец и его последователи искали пропавшего Чузара. Они в смятении кричали, призывая своих каменных богов, и окружавшие их люди слышали эти крики.

— Они говорят о камнях.

— Значит, в нас кидали камни?

Последнее заключение было неизбежным. Никто из них не произнес его вслух, но их головы, лица и глаза повернулись к мостику, где беспомощно стояла связанная девушка.

Пока остатки плаща Чузара кружились и падали на мозаичные панели города, люди пришли к единому мнению. Драка была вовсе не дракой. Посыпавшиеся предметы метили не в них. Люди начали кидать камни в блудницу. Они просто побили ее камнями.

Пастырь появился.

Люди стали ползать по мозаичным плитам в поисках кремний, разбросанных и расколотых горшков. На самом же деле они находили лишь игральные кости Чузара, иллюзорные или настоящие. Одержимые дошли до того, что с помощью ножей и ногтей выковыривали куски самой мозаики. После чего они вскакивали на ноги и швыряли все, что попадалось им под руки, через мостик. Затем, догадавшись, что находятся слишком далеко, люди подбежали ближе, заполонив мостики над озером. Они размахивали руками и широко открывали рты. Булыжники и обломки камней шлепались в озеро. Куски черепицы и деревянные щепки ударялись в облицованные золотом четыре стены храма.

Охранники девы бросились бежать. Некоторые прыгали в озеро и плыли к берегу.

Толпа не видела, попадали ли в Даниэль камни и причинили ли они ей вред. Она не шаталась и не падала. Некоторым казалось, что ее одежды были разорваны, другие видели следы крови, словно алую вышивку у нее под горлом. Но людям этого было мало. Они хотели покалечить ее, хотели услышать ее крики, потому что сами они кричали бы на ее месте. Поэтому они выцарапывали камни из мостовой и бросали в нее снова и снова.

Исполняясь гневом, старец кричал до слез. Он обвинял людей в святотатстве, в осквернении камней. Его душа страдала из-за того, что его приверженцы в приступах истерической ярости, вспоминая слова призрачного женоподобного существа перед воротами, кидали свои собственные талисманы в деву. «Пусть боги летают».

Он плакал и от этого, и оттого, что невинная жертва умрет.

Но осталась ли несчастная неврежденной под градом камней? Хотя на ее плече появился слабый голубой синяк, а в волосах застрял, словно черная драгоценность, какой-то кремень, Азрарн охранял ее даже днем.

Ничто не может оставить след на алмазе, ничто, кроме другого алмаза.

Азрарн защищал девушку, которую любил, и, вероятно, ничто не могло проникнуть сквозь эту защиту. Только он сам мог бы пробить ее. Только Азрарн. Или что-то принадлежащее Азрарну.

То, что было его частицей.

Осколки, кремни и камни летели по воздуху, а Даниэль стояла под этим дождем. Ее веки были опущены; она не могла даже поднять рук, чтобы прикрыть глаза и лицо. Время от времени каменный дождь ослабевал, — люди бросались на поиски новых камней для метания и ссорились из-за них. Даже игральная кость и игрушки Чузара были подобраны и брошены в несчастную — но они оказались менее смертоносными, чем что-либо другое, потому что рассыпались в воздухе, превращаясь в лепестки цветов или в хлопья тающего снега.

Со всеми этими предметами из плаща Чузара вылетел еще один странный камень в форме капли: однажды он случайно наступил на него и взял с собой, потому что это была большая редкость. Это и был тот самый подарок, о котором Чузар как-то говорил Даниэль. Маленькая лучистая и чрезвычайно твердая черная жемчужина крови ваздру, которую Чузар откопал в дюнах вместе с двумя такими же, теперь спрятанными где-то в другом месте.

И каждая из них являлась каплей крови Азрарна.

Чузар предоставил возможность случаю решить, схватит ли кто-нибудь, яростно копаясь в земле, этот невероятно ценный предмет, не замечая его силы, с горстью более весомых камней и бросит ли застывшую каплю крови Азрарна в колдунью-демона, бледно светящуюся, словно звезда.

Кто, сам не зная того, убил Даниэль? Все произошло неожиданно, словно удар молнии, сверкнувшей в море в конце шторма. Убийство, совершенное по слепому бешенству и незнанию.

Алмазная капля взлетела в воздух. Она ударила несчастную прямо в грудь и впилась в тело, застряв в сердце. И в этом была какая-то ужасная справедливость. Девушка сразу упала, не вскрикнув и даже не успев изменить выражения лица или открыть глаз. Все произошло очень быстро. Скорее всего, Даниэль, пронзенная застывшей каплей крови Азрарна, даже не почувствовала боли, а лишь волшебный поцелуй возлюбленного. А возможно, девушка испытала невыносимую боль, как если бы сам Азрарн пришел и убил ее. Но это продолжалось только мгновение и тут же закончилось.

Даниэль лежала, разбросав крылья своих волос. Казалось, она спит.

Ни капли крови не вытекло из смертоносной маленькой ранки.

Но драгоценности и серебряные украшения, подаренные ей Азрарном и защитившие ее от всех камней, кроме одного-единственного в форме капли, теперь потускнели, их блеск пропал. Металлы превратились в хрупкую бумагу и мертвые листья. Украшения съезжились, и порыв ветра унес их.

Энтузиазм толпы пропал так же быстро, как и возник. Крики стихли, руки опустились, и дождь из камней прекратился.

Люди были слишком напуганы, слишком поражены результатом, чтобы подойти ближе и посмотреть, как умирала Даниэль и как увядала ее красота, напоминая смерть цветка, вырванного с корнем.

Только солнце взглянуло на свою мертвую дочь, и по его призыву штормовые тучи собрались над головой убитой. Даже солнце, казалось, не могло перенести такой утраты.

Глава пятая

ЛЮБОВЬ, СМЕРТЬ И ВРЕМЯ

Кто-то наблюдал за Даниэль, но не с земли и не с небес. Его взгляд шел снизу, из-под земной коры, из пустоты Нижнего Мира. Кто-то смотрел в волшебное зеркало на дымное, мерцающее, нечеткое изображение — ведь на земле царил день. Говорили, что, когда Даниэль умерла, это зеркало разлетелось на миллион осколков, словно кусок каменной соли. Ходил слух, что еще целые столетия осколки того зеркала, попадая под кожу людей, вызывали у них состояние невыразимого горя или гнева, в результате чего несчастные убивали либо себя, либо других. И уж конечно, до того как разбилось это зеркало, подлинного отчаяния просто не существовало.

В подземном городе Драхим Ванашта стояла такая тишина, что был слышен даже слабый звон листа, падающего на черную землю, и то лишь до тех пор, пока не опали все листья.

Никто из демонов не шевелился. Они застыли среди своих игрушек и музыкальных инструментов, словно превратившись в мрамор и нефрит. Эшва замерзла, будто зимние тростники. Искусные мастера дрины ползали под верстаками, прекратив работу. Рыбы больше не летали, птицы не плавали, собаки не лаяли, лошади не трясли головами, змеи не танцевали. Даже пламя, обычно бьющее из фонтанов, красный огонь в саду перед дворцом Азрарна, застыло. Казалось, даже ветер задохнулся. Свет Нижнего Мира на мгновение потерял свою прелесть, словно лицо красавицы, искаженное невыразимым страхом.

Драхим Ванашта, что считался сердцем Азрарна, окаменел.

Казалось, Азрарн ожидал этой катастрофы, так как постоянно пытался убедить Даниэль уйти с ним. Но он все же не верил в ее смерть.

Даниэль стала частью его самого, а он был бессмертным. Азрарн, несомненно, хотел сделать бессмертной и ее, хотя дороги к человеческому бессмертию очень рискованны. Мысленно он, вероятно, видел ее бессмертной, неуязвимой, вечной. А Даниэль лишь укрепляла в нем эту иллюзию. Если бы Азрарн действительно верил в ее смерть, он забрал бы ее из Белшеведа вне зависимости от ее желания. Один-единственный раз он не посчитался с ней, именно тогда, когда она попыталась возражать, хотя во всех других случаях радостно, с большим достоинством, целиком и полностью уступала ему. И ее упорство стоило ей жизни. Возможно, Азрарн не мог противоречить ей.

Как бы то ни было, Даниэль осталась в городе, и люди убили ее. А Азрарн с бессильной злобой, не в силах чем-нибудь помочь, видел ее смерть.

Секунда в Нижнем Мире — крошечный отрезок времени, но в миг смерти Даниэль время, казалось, остановилось в Драхим Ванаште.

Азрарн стоял над осколками разбитого зеркала — большую их часть унес налетевший вихрь. Рубиновые окна дворца кровоточили, изумрудные плакали, а окна из черных сапфиров стали еще чернее, примеряя цвета траура.

Если что-то и могло рассказать о горе Азрарна, так это тишина города, разбитое вдребезги зеркало, кровь и траурный цвет оконных стекол. Но лицо Азрарна осталось бесстрастным. Там, где его пальцы потирали внутреннюю сторону стола, на котором раньше покоилось зеркало, из дерева потянулся белый дым. Владыка Ночи молчал, а его сухие глаза, бездонные, как космос, лишенный всех звезд и сияния, могли бы обратить весь мир в камень.

Затем Азрарн вздохнул, и легкий ветерок пронесся по городу, а вместе с ним ожили демоны, деревья, воды и пламя. Все они испытывали те же чувства, что и он. Но никто не осмелился произнести даже слова.

И когда Азрарн вышел из своего дворца, вскочил на одного из черных коней с развевающейся голубой гривой и выехал из города, никто не осмелился ни обратиться к нему, ни даже преклонить перед ним колени. Он проехал мимо них, будто Улум, хотя Владыка Смерти, никогда не вступал в Драхим Ванашту.

Азрарн выехал за пределы города, оставив за спиной его шпиль и вышки, ставшие похожими на острые мечи, длинные иглы костей и занозы. Все бурлило в окаменевшем огне, заменившем магический полусвет Нижнего Мира, приобретя зеленоватый, болезненный оттенок.

Владыка Ночи поскакал мрачными окрестностями Драхим Ванахты, через рощи серебряных деревьев. В лиге от города конь споткнулся. Повалившись на землю, бедное животное издохло почти мгновенно.

Лишившись коня, Азрарн пошел пешком. Он шагал, ничего не замечая вокруг. Холмы, покрытые хрустальными цветами, ручьи и речки, переливающиеся цирконами, далекая линия скал, неизменно розовая, словно окрашенная закатом. Сейчас вся эта красота не могла тронуть Владыку Ночи.

Невидимые часы отсчитывали время и сообщали о приближении солнца к горизонту.

Возможно, Азрарн думал о Владыке Смерти, но Улум не распоряжался мертвыми, кроме тех случаев, когда они принадлежали ему по договору. Впрочем, Азрарн мог думать и о Чузаре, но Чузар со своими играми был слишком далеко, недоступный Повелителю Демонов.

За пределами города возвышался лес черных деревьев, на их черных ветвях рос мягкий черный мех, а на земле между деревьями виднелись бледно-желтые огоньки первоцвета, которые светились сами и освещали деревья. В этом лесу Азрарн пришел в себя и спрятался в его темноте. А лес запел песню без начала и конца, и эта мелодия заполнила весь Нижний Мир. А если бы она прозвучала в Верхнем Мире, то убила бы все живое своей печалью.

И это тоже было отражение Владыки Ночи, потому что сам он не произносил ни слова. Его царство горевало вместо него.

Но вот солнце опустилось за край мира. Лес ослепительно блеснул и зашипел, будто сквозь него пролетел метеор. Это Азрарн отправился наверх в Белшевед, где люди убили ту, которую он любил.

Толпа к тому времени разбежалась, оставив Даниэль одну на белом мостике к западу от золотого храма.

Люди, прозрев, и в самом деле покинули Белшевед после захода солнца, лишь несколько безумцев все еще печально бродили меж колоннад. Кроме них остались еще жрецы, дрожавшие в своих кельях, бормоча молитвы и предчувствуя свою гибель. Буря разразилась в небесах, ветры погнали по улицам оставшийся мусор.

Солнце, спустившись с последней ступеньки лестницы в пространство под миром, бросило последний луч на землю. Пурпур остывающего железа вспенился на востоке, и над миром разлилась чернота.

Последняя вспышка — и солнце ушло, оставив после себя лишь тлеющую золу, которую тут же смел ветер. У ног Даниэль встала ночь, глядя на нее тысячью глаз.

Властелин ночи, князь демонов, Владыка Тьмы оказался бессилен. Вся его мощь и власть не могла уже что-либо изменить. И Азрарн поклялся оправдать хотя бы одно из своих многочисленных черных имен.

Он встал на колени, поднял девушку и выпрямился, держа ее на руках. Азрарн вел себя крайне странно. Он склонился над лицом Даниэль и поцеловал ее веки, после чего они медленно поднялись и ее безжизненные глаза взглянули на него, будто она только проснулась. Но вот серебряные ресницы потянули веки вниз, и глаза опять закрылись.

Владыка Ночи перенес девушку с мостика в тот сад у озера, где они встретились впервые. Он посадил ее на холодную хрупкую траву, отвернулся и посмотрел вдаль, на другой берег озера, отражающего ночные звезды.

Для эшва горе, как и любовь, являлось искусством и выражало душевный восторг. Эти дети грез и тени купались в горе, тонули в нем, пили его и пьянели. Но ваздру могли излечить горе только кровью. Ваздру редко горевали и еще реже плакали. И Азрарн, правивший ими, самый что ни на есть истинный ваздру, не мог изменить своей сути. Лишь маленькая чудесная страна, принадлежавшая ему, могла оценить его гнев и отчаяние. Его боль была невыразима. Он напоминал того, кто хотел бы кричать, но не имел голоса, кто получил смертельную рану, которую не мог излечить ни один врач. Таким стал Азрарн,

подаривший миру чувственную любовь, кошек и самую запутанную паутину зла. Вот каким его сделало страдание.

Его лицо побелело настолько, что опаляло темноту, а сухие непроницаемые глаза (это просто счастье, что в них ничего нельзя было прочесть) горели черным пламенем.

Вслух Азарн очень спокойно произнес:

— Белшевед я втопчу в землю, которая извергла его. А земли вокруг Белшеведа я превращу в бездонный кратер. И да не поднимется в нем ни одного живого ростка, пока не пройдет десять веков.

Сама ночь, казалось, вздрогнула при его словах. Бессильный изменить то, что уже свершилось, Азарн все еще мог сделать очень многое. Ночь, почва, деревья и сам воздух услышали его слова и затрепетали.

— Ни одно самое маленькое, самое ничтожное растение не прорастет, — повторил Азарн все так же мягко. — И ни один человек не поселится здесь, пока не минет дважды по десять веков.

Услышав это, Белшевед погрузился в кромешную тьму. Ветер испуганно задохнулся и стих. Озеро почернело. Азарн стоял и обдумывал обещание, которое произнес, словно смаковал отравленное вино.

Но внезапно во тьме появился осколок света. Слабая искорка неуверенно скользила вдоль кромки озера по направлению к окаменевшему демону.

Азарн взглянул на эту искорку и проклял ее за то, что она напомнила ему Даниэль, когда та в их самый первый день шла навстречу своей судьбе, держа в руке зажженный фонарь. К его изумлению, пламя не дрогнуло под его проклятием, лишь вспыхнуло сильнее, будто соглашаясь с ним. И поплыло быстрее.

В конце концов Азарн все понял. Он вышел из тени деревьев и ждал, когда подойдет к нему мерцающий свет. Это была Даниэль, ее призрак или душа. Она вышла из туманных областей, расположенных под миром, где в те дни угасали души, такая же, как и прежде, разве что став теперь прозрачной, словно тончайший фарфор. Она была призраком, хотя ее молодая кожа, серебряные волосы и вся ее красота были воспроизведены трогательно и точно.

И она произнесла:

— Господин, я знаю, что ты здесь, и пришла, чтобы найти тебя.

Именно такими словами Даниэль встретила его в ту ночь. Эти слова поразили Азарна, словно меч, и вызвали такую боль, словно он был пронзен сразу семью мечами с семью каплями яда на конце каждого. Азарн ответил ей с гневом, который не вынесло бы ни одно живое существо:

— Что ж, радуйся теперь, Белая Дева. Ты не хотела повиноваться мне, предпочла остаться здесь, и это уничтожило тебя. За это проклятый город будет тоже уничтожен.

— Зачем ты хочешь уничтожить Белшевед? — удивилась душа Даниэль. — Это месть за мою смерть?

— А ты как думала? — спросил он в ответ и отвернулся от нее. Азарн нечасто скрывал свое лицо, обычно он делал это, когда хотел обмануть. Но на этот раз он никого не обманывал.

— Не надо ради меня уничтожать Белшевед, — попросил призрак Даниэль. — За меня не надо мстить. Ты видишь, я жива, хоть и не такая, как прежде. Из всех душ моя — самая живая, она уверена в своем существовании, потому что душа солнца посетила меня еще в утробе матери.

Казалось, умерев, Даниэль наконец узнала о себе все.

— Зачем ты заступаешься за этот муравейник? — спросил Азарн, не обращая внимания на ее пробудившееся знание, потому что это его больше не касалось. — Твои убийцы не заслужили снисхождения.

— Это не ради них, — сказала она. — Это не ради них, а ради тебя. Моя любовь, я молю за тебя, ведь в тебе был весь смысл моей жизни, и только в тебе. Когда ты убиваешь людей, разоряешь землю и лишаешь ее плодородия, ты убиваешь, разоряешь и обрекаешь на бесплодие себя. Ты величественнее, чем моя доброта. Ты выше всего этого. Однажды утром — и я намеренно, моя любовь, говорю о дне, о не о ночи — ты сбросишь свою злобу, как надоевшую одежду.

— Замолчи, — рассердился Азрарн. — Или я и в самом деле уничтожу это место, и оно будет бесплодным десять миллионов лет.

— И тем самым погубишь себя. И хотя теперь я обитаю далеко от этого мира, твоя боль станет моей болью. Ты погубишь и меня.

— Убирайся, — прорычал он. — Ты не заслуживаешь жалости. Ты погубила свою жизнь.

— Моя жизнь продолжается в другом месте, а может, я даже смогу когда-нибудь снова вернуться в этот мир. И тем светом, по которому я отыщу путь, будет твой свет.

— Все мои дары ты бросаешь на землю, словно сор. Ты пролила вино, Даниэль, и никогда не узнаешь его сладость.

— Тогда помоги мне, — попросила она.

Азрарн засмеялся из своей тени, прекрасный и жестокий.

— Женщина, ты паутина и дым, — ответил Азрарн. — Пойди и поучись любви у призраков, раболепствующих в подземных владениях смерти.

Но руки Даниэль, невесомые, словно листья, прикоснулись к его рукам, и Азрарн почувствовал их, будто они были из плоти.

Азрарн видел ее мертвенно-белое тело, лежащее между стволов деревьев, но он так же ясно видел и другую Даниэль, стоящую перед ним, уже не прозрачную, а словно сделанную из опала, светящуюся. Как бы то ни было, она казалась еще красивее, чем раньше.

— Душа — чародейка, — сказала ему Даниэль, — и ты это знаешь. Но моя душа самая волшебная из всех, потому что я — дитя кометы. А еще потому, что твоя кровь однажды смешалась с моей. На какое-то время я могу обрести телесную форму, но ненадолго, только на несколько ночных часов. Даже моя душа, которая любит тебя и черпает силы в этой любви, не способна на большее. Если ты однажды захочешь избавиться от меня, тебе достаточно будет закрыть для меня свое сердце. Если ты примешь такое решение, я не буду горевать. Я оставлю тебя без сожаления, но никогда не перестану любить тебя.

— Твое тело только иллюзия, — сказал он. — Ты недооцениваешь меня, если думаешь, что я этого не понимаю.

— Мое тело соткано из любви. Люби меня! И ты, даже ты, не отличишь иллюзию от реальности, потому что на этот раз между ними действительно нет отличий.

После этих слов Азрарн провел ладонями по ее лицу.

Это прикосновение было похоже на звуки музыки. И красавица, откликнувшись на него, стала более живой и реальной. Ни один смертный не мог бы обладать такой женщиной, какой стала сейчас Даниэль. Но ни она сама, ни ее любимый не были смертными.

— Слишком мало времени, — прошептал Азрарн. — Одна земная ночь.

— Это не так, ведь ты — хозяин времени. Одна ночь может длиться тысячу лет. Я боюсь того счастья, которое ты мне дашь.

— Даже больше, чем разлуки? — спросил он так, словно признался, что сам боится этого расставания.

— Разлуки не будет, — сказала Даниэль. — Я всегда с тобой, и я никогда не оставлю тебя. Когда-нибудь мы встретимся еще раз, так же как и сейчас. Но не уничтожай этого места. Потому что, если его не будет, ты, возможно, пропустишь меня в темноте. Стоит погасить огонь Белшеведа, и появятся другие города, где ты уже не сможешь найти меня.

Азрарн посмотрел в лицо Даниэль, потом наклонил голову и поцеловал ее. И пока длился этот поцелуй, он передумал уничтожать город. Любовь и ненависть легли на чаши весов, и любовь перевесила, как это уже случилось однажды.

Ее тело — или, скорее, душа, чем тело, — прильнуло к нему, свет слился с темнотой, губы соприкоснулись, руки и даже волосы сплелись, ослепляя их.

Весь мир откликнулся, словно задетая струна. Земля ожила. Азрарн обещал уничтожить ее, а вместо этого подарил ей любовь.

В небе завывала буря. Сверкали звезды... Любовь господствовала по всей земле и за ее пределами. Время остановилось, как однажды оно остановилось в Драхим Ванаште. Одна ночь растянулась на тысячу лет. В их любви слилась вся любовь человечества прошлого и будущего. И все же эта любовь не имела ничего общего с прежней любовью, которая существовала между ними раньше.

А тем временем в центральном храме в своем золотом кресле сидела дочь демона, всеми забытая, слишком маленькая, чтобы сползти вниз. Она не спала и чувствовала, как течения и волны любви крутились в ночи, но она сама не была их частью.

Рассвет вернулся в Белшевед, но, казалось, как-то неохотно и стыдливо, бледный, словно после долгих лет заточения. Перед лицом восхода предстал чистый и почти бесформенный город, казавшийся совсем новым или просто чисто вымытым от грязи прошлого. Штормовой ветер смел мусор с улиц. Голые деревья застыли, словно темное серебро. Даже пустыня стала безмятежной и яркой. Земля простерлась, будто женщина, познавшая безоглядную и всеохватывающую любовь, впитывая потоки солнца.

Жрецы выбрались из своих келий и уставились на небо. Оставшиеся в стенах города благодарили богов. А караваны, которые опрометью бежали из города, замерли в пути. Им удалось избежать ночного возмездия. Небеса защитили праведников. Обманутые рассветом, последовавшим за ночью любви и печали, люди в который раз неверно расценили произошедшие события и теперь будут их передавать из поколения в поколение, толкуя по-своему.

Тем не менее Белшевед в тот день остался по большей части пустынным. Единственный дряхлый нищий, до этого всегда собиравший мусор на четырех улицах, теперь, видимо, обеспокоился отсутствием хлама и, дойдя до дверей храма, безнадежно заглянул вовнутрь.

Храм казался громадным и пустынным. Только мерцающие отсветы утренней воды озера играли на стенах и бросали пятна света на огромных зверей, охранявших алтарь.

Внезапно два бирюзовых сумеречных огня зажглись в середине высокого трона, на котором еще недавно восседала блудница.

Нищий испугался. В темноте он не мог ничего разглядеть. Но вспомнив о ребенке демона, он вскрикнул и убежал.

На мостике нищий мельком увидел знатного молодого человека в темно-красном плаще, но не подумал рассмотреть его и даже не остановился, чтобы поклониться монетку.

Никто больше не подошел к храму в этот прекрасный день. Лишь Чузар бродил там, да время от времени из озера выпрыгивали рыбы и шагали по земле на своих плавниках.

На закате Чузар вошел в храм и пересек мозаичный пол своей кошачьей походкой. Он подошел к креслу, где весь день лежал на животе, глядя на дверь, голубоглазый ребенок.

На этот раз Чузар оделся иначе, чем обычно. На его левой ноге был пурпурный ботинок, а на левой руке — перчатка из мягкой кожи. Левая сторона его лица была закрыта полумаской из бледной бронзы, которая точно копировала изысканную правую половину. Волосы скрывал капюшон. Чузар казался теперь просто красавцем, разве что несколько чудаковатым.

— Прелестное дитя, — обратился Чузар к Завех, дочери Данизэль, — я унесу тебя из этого скучного храма.

Завех опустила глаза, так же как это сделал Чузар, но по другой причине.

— Ты не хочешь? — удивился Чузар. — Не хочешь увидеть свое наследство? Не волнуйся. Я избавлю тебя от солнечного света, хотя он и так почти пропал. Я дождался захода солнца из почтения к тебе. К сожалению, твои родители отлучились по делам. Я, как твой дядя, предлагаю удочерить тебя. Вот тебе подарок в залог нашей дружбы.

Девочка уставилась на аметистовый предмет. Это была игральная кость.

Завех не взяла кость, но хорошенько рассмотрела ее. А пока она разглядывала ее, Чузар рассматривал

девочку. Интересно, что оба его необычных глаза были закрыты волшебными линзами из белого нефрита, черного агата и янтаря, точно изображая пару натуральных глаз. Даже с небольшого расстояния можно было легко обмануться. Чузар предстал в наилучшем виде, надеясь очаровать дочь Аззарна.

Но Завех по-прежнему не принимала его подарка, хотя время от времени и поглядывала на него, впрочем, без недоверия или страха. А у порога умирали последние отсветы дня.

— И это самое обидное, — пожаловался наконец Чузар. Чтобы разозлить девочку, он повернулся к ней спиной. И столкнулся лицом к лицу с Аззарном, князем демонов, который в этот момент поднялся сквозь пол храма и замер в семи шагах от него.

Казалось, Чузара это нисколько не смутило. Он приятно улыбнулся, и его бронзовая маска расплылась в улыбке.

— Ну, — сказал Чузар, — мне, оказывается, даже не придется играть роль дяди. А я-то подумал, что ты забыл про нее, несмотря на все трудности, которые претерпел, чтобы создать это существо.

Мрачное лицо Аззарна, казалось, окутала туча. Взгляд Владыки Ночи пробивался сквозь нее, как тусклый луч кровавой луны. Немногие, кроме Чузара, могли бы выдержать этот взгляд.

— Мы с тобой никогда не были братьями, но с этих пор мы больше не друзья, — сказал Аззарн.

— В самом деле? Ты огорчил меня.

— Так оно и есть. И ты еще пожалеешь о содеянном, даже если мне придется гнаться за тобой до краев земли.

— По-моему, ты незаслуженно обвиняешь меня. Думаешь, это я заставил тех болванов напасть на меня, чтобы рассыпать свои игрушки, а вместе с ними и роковой камень? И вообще, кто позволил кнуту рассечь ладонь демона и допустил, чтобы три капли крови упали в песок и превратились в алмазы?

— Чузар, — едва слышно сказал Аззарн, но каждая пылинка на полу храма расслышала его слова, — я бы посоветовал тебе найти самую глубокую пещеру, зарыться там и слушать лай собак.

— Думаешь, я испугался? — лениво спросил Чузар. — Я ведь просто слуга мира. Я делаю только то, что мне положено. А ты, мой дорогой, познал безумие. И получил удовольствие от этого.

Лицо Аззарна наконец показалось из тучи. Это был лик черного леопарда, лик кобры, лик молнии.

— Отныне между нами — война, — сказал Аззарн. — И я оказываю тебе большую милость тем, что предупреждаю об этом.

— Я слишком уважаю тебя, чтобы спорить.

Словно облачко пара, Чузар пропал. И где-то далеко-далеко трижды победно прокричал осел.

Аззарн стоял и смотрел на ребенка, созданного им, отвергнутого и наконец возвращенного. Он оказался беззаботным и бестолковым отцом и поэтому теперь даже боялся подойти к своей дочери.

Но когда Аззарн протянул девочке свою бледную руку, унизанную перстнями, Завех без колебаний обхватила ее своими ладошками.

— Отныне я нарекаю тебя Азрина, — объявил он ей. — Я никогда не забуду, что ты моя дочь. Все самые прекрасные королевства на земле будут принадлежать тебе, и ты будешь править ими.

После его слов храм наполнила темнота, и в этой темноте он ушел сам и унес с собой своего ребенка. Говорят, в эту ночь кусок луны упал с неба и обрушился на мир.

Тем временем среди бескрайних просторов пустыни, в мирных лучах вечерней зари, Чузар бродил по мягким дюнам. Вдоль них все еще цвели розы, словно любезная их сердцу заря вернулась опять, но они ее так и не дождутся.

В восточной части неба появилась звезда, и иногда Чузар поглядывал на нее, но ждал он другую. Наконец она показалась.

Женщина шла к нему через дюны с развевающимися волосами цвета пустыни, на ней были одежды, расшитые золотом. Но звезда Востока просвечивала сквозь ее голову. Как и Даниэль, эта женщина была

призраком.

Язрет забрела далеко от старой башни, которую время от времени посещала, будучи призраком, и далеко от города Шева, где когда-то была королевой, первой женой Нейура. У призрака Язрет не было души, лишь ее отражение, но все же королева Шева несколько удивилась, оказавшись вдали от привычных ей мест. Но, заметив Чузара, она с радостью узнала его и остановилась. В это время вечерний ветер распахнул ее одежды. Язрет подняла руку, в которой была зажата кость, кость ее ребенка, убитого ею из ревности и безумной любви к своему мужу.

— Хватит, Язрет, — остановил ее Чузар. — Ты можешь сейчас отдать мне эту кость.

Язрет заколебалась, раздумывая. На нее нахлынули воспоминания о добровольном наказании, о тысячелетиях слез и раскаяния, тоски, страдания и чувства вины, ставшей смыслом ее жизни. Возможно, даже воспоминания о том, что кость, постоянно осуждавшая ее за содеянное, покинула несчастную так же, как когда-то счастье, перейдя к Чузару. А то, что Язрет держала в руке, было лишь призраком кости, как и сама она — призраком призрака. Почувствовала ли женщина, что теперь ее заключение окончилось? И вот другая женщина пришла в Шев, и великий властелин полюбил ее более страстно, чем любой земной король, но, в отличие от Язрет, она погибла, защищая свое дитя. Равновесие восстановилось.

— Безумие всегда восстанавливает равновесие. Отдай мне кость, — повторил Чузар.

Несчастливая подошла к нему, держа в руке призрачный предмет, и Чузар забрал его.

Призрак Язрет, неприкаянно скитавшийся по пустыне, улыбнулся и тотчас исчез. Как только женщина выпустила из рук кость, та тоже исчезла. Чузар просто отдал дань вежливости, приняв ее из рук несчастной.

После этого Чузар зашагал прочь. Его плащ, окрашенный в вечерние тона, хлопал его по ногам, а прядь светлых волос по-мальчишески выскользнула из-под капюшона. Когда Владыка Безумия побрел по пескам, ослиные челюсти прокричали ему:

— Любовь — это все, и смерть приходит из-за любви, — клацали и невнятно бормотали они. — И История состоит из рассказов о смерти и любви.

Чузар, забыв, что его глаза, как и неприглядная половина лица, все еще скрыты под маской, потупил взор.

— А ты знаешь, что такое любовь? — спросили ослиные челюсти у своего господина.